

**КУЛЬТУРА И НАУКА
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**
научно-практический журнал

№ 2 (35) / 2023

ISSN 2542-1328 (Print)
ISSN 2541-8939 (Online)

Министерство культуры Хабаровского края

Краевое государственное бюджетное
научное учреждение культуры
«Дальневосточная государственная
научная библиотека»

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Хабаровский государственный
институт культуры»

Научно-практический журнал
Издаётся с ноября 2007 года
(до сентября 2016 года
выходил под названием
«История и культура Приамурья»)
Выходит 2 раза в год

КУЛЬТУРА И НАУКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научно-практический журнал

№ 2 (35) / 2023

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Воронов Борис Александрович
(Институт водных и экологических проблем ДВО РАН, г. Хабаровск)

Березницкий Сергей Васильевич

(Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург)

Букреев Александр Иванович

(Информационный историко-научный центр — Военная историческая библиотека Генерального штаба Вооружённых Сил РФ, г. Санкт-Петербург)

Флиер Андрей Яковлевич

(Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, г. Москва)

Чибанюк Татьяна Алексеевна

(Комсомольский-на-Амуре государственный университет)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Скоринов Сергей Нестерович

Заместители главного редактора

Бляхер Леонид Ефимович

Савелова Евгения Валерьевна

Филаткина Ирина Викторовна

Якуба Татьяна Юрьевна

Руководители направлений

Байков Николай Михайлович

Готного Александр Васильевич

Ярулин Илдус Файзрахманович

(Точка зрения)

Брейтман Александр Семёнович

Качанова Елена Юрьевна

(Социокультурная реальность. Кафедра. Персона)

Алепко Александр Валентинович

Дубинина Нина Ивановна

(Историописание. Наследие)

Крюков Иван Владимирович

Салеева Лариса Владимировна

(Артефакт)

Завалишин Андрей Юрьевич

(Диалог культур и этносов)

Лысенко Светлана Юрьевна

Никитин Алексей Алексеевич

Шавгарова Анна Владимировна

(Художественная сфера)

Дробышевская Светлана Донатовна

Наумова Раиса Вячеславовна

(Библиография)

Журнал зарегистрирован

в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-80737 от 21.04.2021.

ISSN 2542-1328 (Print)

ISSN 2541-8939 (Online), www.kulturanaukadv.ru

Издатель — КГБНУК «Дальневосточная государственная научная библиотека»

Адрес издателя:

680000, г. Хабаровск,

ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72

Тел. (4212) 32-72-20

© Краевое государственное бюджетное

научное учреждение культуры

«Дальневосточная государственная научная библиотека»

СОДЕРЖАНИЕ:

► К 165-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОБРАЗОВАНИЯ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ
Геральдика Амурской области4
Пушкарев Владимир Анатольевич

Кланяюсь земле Амурской: главная библиотека Приамурья — 165-летию образования Амурской области.....10
Праскова Оксана Сергеевна

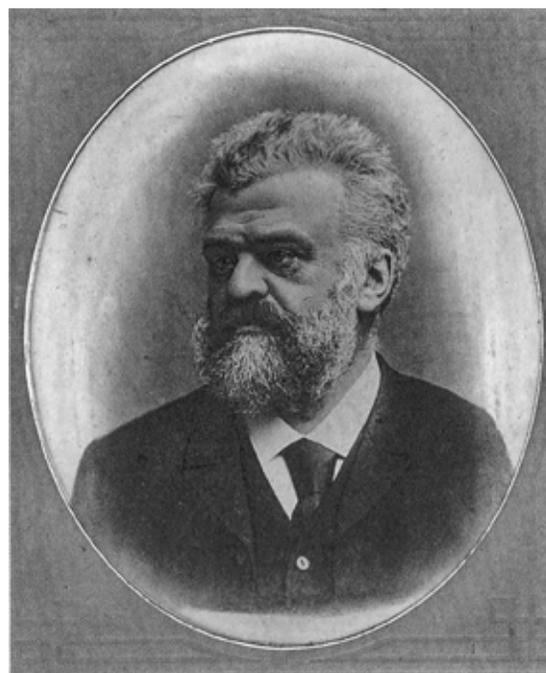

Суражевка — Алексеевск — Свободный ... 15
Кобзарь Валентина Петровна

«Дулетно и темно...»: словотворчество и стилизация как формы создания иронического эффекта в стихотворной сатире Фёдора Чудакова 34
Урманов Александр Васильевич

Амурская генеалогия: от частного интереса к сообществу единомышленников 44
Чикунова Мария Александровна

► К 185-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФЁДОРА БУССЕ
Фёдор Буссе: от журналистики и библиографии до анализа проблем переселения 49
Хисамутдинов Амир Александрович

Первым официальным символом русского Приамурья по праву считается печать Албазинского воеводства, учреждённого в 1682 году. Сама печать была изготовлена из серебра, весила не более 24 г, имела диаметр 30 мм, толщину 3 мм. На лицевой стороне изображён орёл, распростёрший крылья. Изображение окружено двойным линейным ободком, с внешней стороны которого расположена круговая надпись: «ПЕЧАТ[Ь] ВЕЛИКИХ Г[ОСУД]АРЕЙ СИБИРСКИЕ ЗЕМЛИ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГУ».

Фёдор Иванович Чудаков (1888–1918 гг.) — один из наиболее ярких сатириков Серебряного века, журналист, поэт, прозаик, драматург, фельетонист, печатавшийся в амурской периодике под псевдонимами Амурец, Босьяк, Гусляр, Язва и т. д. После трагического ухода самого талантливого писателя Приамурья дореволюционного и революционного времени в течение почти века не было напечатано ни одной его строки.

По официальной китайской версии, озвученной Чан Кайши, падение бомб было вызвано повреждением бомбодержателей китайских самолётов огнём японских средств ПВО. По версии служившего в ВВС НРА американского добровольца Клэра Ли Шеннолта, бомбы были сброшены на международный аэропорт пилотами ВВС НРА в результате ошибок в прицеливании.

► ИСТОРИОПИСАНИЕ

Развитие края в делах купеческих 54
Мищенко Анастасия Сергеевна

Шанхай, «чёрная суббота» 14 августа 1937 года. Часть 2 59
Бушмакин Вадим Александрович, Карфилов Максим Викторович, Пастухов Алексей Михайлович

За кулисами Хабаровского процесса 1949 года (неизвестные страницы из истории подготовки и проведения Хабаровского процесса) 76
Плискина Валентина Николаевна

► АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Особенности захоронений участников военных конфликтов на территории хабаровского некрополя (1940-е – 2020-е гг.) 86
Прудникова Ольга Александровна, Сливко Станислав Вадимович

► ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Отечественные научные парадигмы и школы исследований теории культуры 97
Флиер Андрей Яковлевич

► СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Проект «Пишущие люди» — школа литературного мастерства для жителей Хабаровского края 104
Лазарева Татьяна Сергеевна

«Н. И. Гродеков. След в истории»: итоги реализации проекта 107
Данилова Лариса Юрьевна, Филаткина Ирина Викторовна

Проект отличают мультиформатность представления материала о Н. И. Гродекове и выбор различных каналов коммуникации с целевой аудиторией для её максимально широкого охвата. Другая особенность состоит в том, что команда осознанно обратилась в первую очередь к специалистам в сфере воспитания молодёжи, руководителям чтения: учителям, преподавателям, библиотекарям.

Три этюда о художниках — три неповторимых истории жизни и творчества. Но объединяет их главное — все три Мастера оставили нам и будущим поколениям свой уникальный образ эпохи, образ Родины. Дальний Восток с его могучими силуэтами и красками стал местом вдохновения, вызвал в душах творцов сильное желание запечатлеть увиденное.

Природа Дальнего Востока является главным ресурсом для развития туризма, для экологического и патриотического воспитания населения. Однако для достижения этих целей необходим контролируемый и устойчивый подход, учитывающий комплекс преимуществ и проблем, а также факторы риска. Только так можно обеспечить сохранение уникального природного наследия Дальнего Востока и удовлетворение потребностей туристов в поиске приключений в гармонии с природой.

► ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СФЕРА

«Стахановцы вторых путей»: творчество бамлаговцев (по материалам из фондового собрания Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова) 113
Гребенюкова Наталья Петровна

Три этюда о художниках-дальневосточниках 118
Кондратенко Алексей Иванович

Китайские сказки: мир и человек 126
Маркова Ольга Вячеславовна

Служить таланту (из истории деятельности Дальневосточного отделения Международного благотворительного фонда «Новые имена») 133
Никитин Алексей Алексеевич

► ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЭТНОСОСОВ

Некоторые аспекты трансформации орнаментальной структуры текстиля славян-переселенцев Дальнего Востока (начало – середина XX в.) 139
Редчун Валентина Мироновна

► НАУЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Туристический потенциал дальневосточной природы 145
Иванова Алина Павловна, Михайлова Арина Олеговна

Придорожная архитектура Дальнего Востока: текущая ситуация, поиск региональной идентичности 151
Ананьева Светлана Александровна, Иванова Алина Павловна

Информация для авторов 155

ПУШКАРЕВ ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ

ГЕРАЛЬДИКА АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Настоящая статья носит обзорный характер. Первая её часть посвящена официальным символам Приамурья, возникшим в дореволюционной России. Основное же внимание автора сосредоточено на современном состоянии амурской геральдики. Рассматривается муниципальное герботворчество в контексте единой государственной политики Российской Федерации в области геральдики. Выявлены существующие в данной области проблемы и намечены пути их конструктивного решения.

Ключевые слова: геральдика, муниципальная символика, Амурская область, Государственный геральдический регистр Российской Федерации.

Keywords: heraldry, municipal symbols, Amur region, State Heraldic Register of the Russian Federation.

Первым официальным символом русского Приамурья по праву считается печать Албазинского воеводства, учреждённого в 1682 году. Сама печать была изготовлена из серебра, весила не более 24 г, имела диаметр 30 мм, толщину 3 мм. На лицевой стороне изображён орёл, распростёрший крылья. Голова его, увенчанная трёхзубчатой короной, обращена в левую сторону (на восток), в левой лапе — лук, в правой — стрела. Изображение окружено двойным линейным ободком, с внешней стороны которого расположена круговая надпись: «ПЕЧАТ[Ь] ВЕЛИКИХ Г[ОСУ]Д[А]РЕЙ СИБИРСКИЕ ЗЕМЛИ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГУ».

Композиция албазинской печати в полной мере соответствовала сложившейся к этому времени традиции сибирской эмблематики. Орёл как символ власти русского государя на восточных землях уже изображался на печатях Иркутска, Нерчинска и Якутска. Лук и стрела символизировали пушной промысел, которым занимались сибирские аборигены, а впоследствии и русские землепроходцы. Впервые для обозначения Сибирской земли лук и стрела были использованы на большой государственной печати Ивана Грозного (1577 г.).

Орёл, держащий в лапах лук, был изображён на печати Нерчинского острога. Именно к этой печати восходит современный герб Забайкальского края. Но над Амуром русский орёл парил недолго. В 1689 году по условиям Нерчинского мирного договора Албазинский острог был уничтожен. Печать же чудом уцелела (единственная из всех печатей сибирских городов XVII в.) и в настоящее время хранится в Государственном Эрмитаже [7, с. 118–119].

«В память введения цивилизации»

Во второй половине XIX века Приамурье вновь стало российским достоянием. На землях, некогда находившихся в ведении албазинского воеводы, в 1858 году была образована Амурская область с центром в Благовещенске. Новым административным образованиям полагалась официальная символика. По всей видимости, управляющий Гербовым отделением Департамента герольдии Правительствующего Сената барон Б. В. Кёне не имел

сведений об албазинской печати, поэтому амурская геральдика создавалась с нуля.

В 1868 году был разработан проект областного и городского гербов. В сопроводительной записке Кёне предлагал разместить на зелёном щите волнообразный серебряный пояс, сопровождаемый тремя золотыми звёздами «в память введения цивилизации в стране этой со времени Русского владычества над Амурской областью». Ни данная записка, ни последующие официальные документы не содержали ясного объяснения означенных символов. Тем не менее разгадать их несложно. Зелёный щит традиционно трактуется как природные богатства Приамурья, а волнообразный пояс означает водные пути и прежде всего — пограничную реку Амур. По большому счёту на тот момент это была истерпяющая характеристика молодого российского региона. Сложнее обстоит дело с дешифровкой трёх восьмилучевых звёзд. В православной иконографии они являются важным атрибутом образа Пресвятой Богородицы — символом её приснодевства. На амурском гербе они, по всей видимости, должны были символизировать Благовещение — православный богородичный праздник, в честь которого получил своё название областной центр.

Имея одинаковый щит, различались гербы типовыми украшениями, обозначавшими административно-территориальный статус области и города. В соответствии с существовавшими тогда геральдическими правилами щит областного герба должна была венчать древняя царская корона и обрамлять дубовый венок. Благовещенскому гербу полагалась башенная корона о трёх зубьях и венок в виде золотых колосьев.

Готовый проект оставался без высочайшего утверждения десять лет. Только 5 июля 1878 года Александр II утвердил герб Амурской области. Эскизу благовещенского герба предстояло ещё треть века пролежать в архиве Гербового отделения. Долгожданный указ Николая II, которому предшествовала десятилетняя бюрократическая волокита, был подписан только 1 февраля 1912 года [10, с. 61–64].

Печать Албазинского воеводства.

Герб Амурской области, утверждённый в 1878 году.

Герб Благовещенска, утверждённый в 1912 году.

«В честь Его Императорского Высочества»

Интересно, что в том же 1912 году в Амурской области был учреждён другой город — Алексеевск. Но вопрос о его гербе чиновники решили куда быстрее. Объяснялось это тем, что своё название город получил в честь наследника императорского престола цесаревича Алексея. По инициативе приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти был составлен эскиз герба: щит, увенчанный древней царской короной, разделён на четыре равных поля с разнообразными символами, а в центре — вензель Алексея. Таким образом региональные чиновники пытались отразить дату основания, августейшее название, областную принадлежность, экономическое значение (скрещённые якорь и топор) и даже потенциал стабильного развития (дубовая ветвь) едва учреждённого города.

6 апреля 1913 года в Царском Селе в рамках официальных торжеств в честь 300-летия дома Романовых эскиз алексеевского герба был представлен самому наследнику и получил его одобрение. Однако сотрудники Гербового отделения подвергли его разгромной критике, указав на грубые нарушения основных геральдических правил. Понимая особый случай Алексеевска, сенатские геральдисты разработали собственный вариант герба. При этом они постарались учесть некоторые идеи одобренного цесаревичем, но забракованного ими проекта. В итоге было найдено оптимальное решение: в червлёном щите серебряный обелиск с вензелем Алексея; в вольной части щита — герб Амурской области; щит увенчан червлёною башенною короной о трёх зубцах и окружён золотыми колосьями, соединёнными Александровскою лентою.

На рассмотрение императора были поданы оба проекта. 11 февраля 1915 года Николай II утвердил проект, разработанный Гербовым отделением [6, с. 51–62]. Но просуществовал он недолго: спустя два года грянула революция. Охваченные революционной эйфорией, алексеевцы отказались не только от венчального герба, но и от собственного имени, придумав городу новое название — Свободный.

Проект герба Алексеевска.

Утверждённый герб Алексеевска.

Принцип исторической преемственности

Новый этап в развитии амурской (как и в целом российской) геральдики начался в 1990-е годы. В это время в России была восстановлена геральдическая служба, с 1999 года — Геральдический совет при Президенте РФ. Основные задачи совета таковы: участие в разработке нормативных актов по вопросам реализации единой государственной политики в области геральдики; методическая поддержка федеральных и региональных органов государственной власти, местного самоуправления и общественных объединений; проведение геральдической экспертизы проектов различных геральдических знаков; ведение Государственного геральдического регистра [3].

В Государственный геральдический регистр (ГГР) вносятся: гербы и флаги Российской Федерации и её субъектов; официальные символы федеральных и региональных органов государственной власти (флаги, гербы, эмблемы); официальные символы органов местного самоуправления и иных муниципальных образований (флаги, гербы, эмблемы); знаки отличия и различия, награды федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Государственной регистрации подлежат только такие знаки и символы, которые соответствуют действующим геральдическим правилам Российской Федерации, что подтверждается экспертным заключением Геральдического совета [4]. Обладателю официально утверждённого символа выдаётся свидетельство о его государственной регистрации с указанием порядкового номера в ГГР. Сегодня в регистре числится более 14 тысяч официальных символов [9].

Таким образом, в Российской Федерации была создана упорядоченная система официальных символов и отличительных знаков. В основе этой системы лежит принцип

Свидетельство о государственной регистрации герба Амурской области.

исторической преемственности. Это значит, что современные территориальные гербы должны воспроизводить основные элементы дореволюционных символов, если таковые существовали. Именно таким путём пошли амурские региональные власти: в 1999 году официальным символом Амурской области был утверждён её дореволюционный герб. Однако в новых исторических реалиях ему требовалась небольшая корректировка. Учтя рекомендации профессиональных геральдистов, в 2008 году амурские законодатели убрали из обрамления дубовый венок, а Александровскую ленту заменили лентой ордена Ленина, которым область была награждена в 1967 году [10, с. 64]. Обновлённый вид амурского герба был одобрен Геральдическим советом и внесён в ГГР под номером 4007.

В рамках действующих геральдических правил

Более широкий простор для герботворчества получили амурские муниципалитеты, большинство которых было образовано или сформировано только в советское время. Согласно ст. 9 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» муниципальные образования «вправе устанавливать официальные символы, отражающие исторические, культурные, национальные и иные местные традиции и особенности», при этом они «подлежат государственной регистрации в порядке, установленном федеральным законодательством» [2]. Для того чтобы этот процесс осуществлялся в рамках действующих правил, Геральдический совет разработал специальные методические рекомендации [1].

Собственные гербы у городов и районов Амурской области стали появляться ещё в 1990-е годы, то есть до утверждения указанных нормативных актов, регламентирующих муниципальное герботворчество. Как правило, в роли «геральдистов» выступали местные краеведы, художники, педагоги, плохо знакомые с геральдическими канонами. Поэтому большинство таких скороспелых гербов подверглось последующей корректировке, а подчас и полной переработке. Ряд муниципалитетов, желая упростить работу, изначально руководствовался методическими рекомендациями и профессиональными советами опытных геральдистов.

Муниципальные гербы Амурской области наглядно представляют её приграничное положение, природные богатства, сельскохозяйственный профиль и наличие крупных высокотехнологичных предприятий. Наиболее распространены такие элементы, как: речные волны, пшеничные колосья, орудия труда, представители местной флоры и фауны. Многие муниципалитеты обозначили свою принадлежность к Амурской области с помощью восьмилучевых звёзд. Три золотых звезды сияют на гербах Октябрьского

района, Белогорского, Благовещенского и Шимановского муниципальных округов. Шимановск, Белогорский и Завитинский муниципальные округа выбрали для своих звёзд серебряный цвет. Герб города Зея содержит только одну, но золотую звезду. С узнаваемым областным символом переключаются три голубых снежинки на гербе Зейского района, три золотых диска на гербе Мазановского района и даже три ракеты на гербе ЗАТО Циолковский.

Не подлежат государственной регистрации

- 1) Амурская область (ГГР: № 4007); 2) г. Благовещенск (ГГР: нет); 3) г. Райчихинск (ГГР: № 5618); 4) ЗАТО Циолковский (ГГР: № 12731); 5) г. Тында (ГГР: № 2270); 6) г. Зея (ГГР: № 660); 7) г. Белогорск (ГГР: № 647); 8) г. Свободный (ГГР: нет); 9) г. Шимановск (ГГР: № 11592); 10) раб. п. Прогресс (ГГР: № 13879); 11) Зейский район (ГГР: № 6957); 12) Тындинский мун. окр. (ГГР: № 3974); 13) Сковородинский мун. окр. (ГГР: № 2560); 14) Шимановский мун. окр. (ГГР: № 10689); 15) Свободненский р-н (ГГР: № 5898); 16) Белогорский мун. окр. (ГГР: нет); 17) Завитинский мун. окр. (ГГР: № 6920); 18) Ромненский мун. окр. (ГГР: № 2556); 19) Тамбовский мун. окр. (ГГР: № 4765); 20) Мазановский р-н (ГГР: № 2160); 21) Октябрьский р-н (ГГР: № 2096); 22) Михайловский р-н (ГГР: № 2237); 23) Серышевский мун. окр. (ГГР: № 121); 24) Магдагачинский р-н (ГГР: нет); 25) Ивановский мун. окр. (ГГР: нет); 26) Благовещенский мун. окр. (ГГР: № 5896); 27) Архаринский мун. окр. (ГГР: № 7207); 28) Константиновский р-н (ГГР: № 625); 29) Селемджинский р-н (ГГР: № 10735); 30) Бурейский мун. окр. (ГГР: нет).

По административно-территориальному делению Амурская область включает 29 муниципалитетов: 9 городских округов, 8 муниципальных районов и 12 муниципальных округов. Почти все они имеют свою официальную символику (гербы и флаги), утверждённую соответствующими органами местного самоуправления. К настоящему времени (по состоянию на август 2023 г.) в Государственном геральдическом регистре числится 23 муниципальных герба Амурской области [9].

Норму федерального законодательства игнорируют Магдагачинский район, Белогорский, Бурейский и Ивановский муниципальные округа, города Благовещенск и Свободный. В существующем виде их официальные символы, выполненные с нарушением геральдических правил, не подлежат государственной регистрации. Стоит также отметить, что, согласно действующим геральдическим правилам, флаг муниципального образования должен повторять основные элементы гербового щита. У Магдагачинского района, Бурейского и Ивановского муниципальных округов флаги вовсе отсутствуют. Флаг Белогорского муниципального округа воспроизводит не все элементы герба, а флаги Благовещенска и Свободного совершенно не соответствуют городским гербам. Впрочем, о них надо сказать подробнее.

Города Благовещенск и Свободный (до 1917 г. — Алексеевск) — единственные муниципалитеты Амурской области, которые ещё в Российской империи обладали собственными гербами. Руководствуясь принципом исторической преемственности, в постсоветское время их нужно было просто восстановить и привести в соответствие с актуальными геральдическими нормами. Однако городские власти Свободного в 1996 году утвердили принципиально новый герб. От дореволюционного предшественника остался только червлёный щит. Но в его нижней части помещена лазоревая полоса, окаймлённая белым волнообразным поясом, над ней расположен золотой пояс в виде трёх соединённых дуг. Эти элементы символизируют железнодорожный мост над рекой Зеей (в 1912 г. пересечение важного речного пути и Амурской железной дороги определило место закладки города). Вместо памятного обелиска с вензелем цесаревича Алексея в центре щита помещён белый факел с золотыми языками огня — символ свободы.

Обратная ситуация сложилась в Благовещенске. Ещё в 1997 году местные власти восстановили дореволюционный герб города. Однако в государственной регистрации ему также было отказано. Профессиональные геральдисты указали на то, что историческое обрамление щита (трёхзубчатая корона и пшеничные колосья) не соответствует современному статусу Благовещенска. Как городскому округу — административному центру субъекта Российской Федерации — ему полагается золотая башенная корона с пяти зубцами, овитая по обручу лавровым венком. Кроме

того, благовещенский герб имеет право на орденскую ленту, девиз и щитодержателей. За минувшую четверть века в среде амурских историков, краеведов и журналистов неоднократно возникал вопрос о корректировке гербового обрамления [10, с. 61–64]. Ими было разработано несколько вариантов, два из них получили положительное одобрение Геральдического совета. Но официальные власти города так и не довели дело до конца, как, впрочем, и не дали внятного объяснения своему бездействию.

«Един за единого, голова в голову»

Дополнительным укором означенным муниципалитетам служат примеры восьми сельских поселений, которые также реализовали право на собственную символику и уже прошли процедуру её государственной регистрации. Это рабочий посёлок Буряя Бурейского муниципального округа, Албазинский сельсовет Сквородинского муниципального округа, Садовский сельсовет Тамбовского муниципального округа, Екатеринославский сельсовет Октябрьского района, Димский, Калининский, Михайловский и Новочесноковский сельсоветы Михайловского района [9].

Среди них особенно следует выделить герб Албазинского сельсовета — поселения, основанного в середине XIX века на месте давно разрушенного острога. Сохранившаяся острожная печать послужила прототипом композиции герба: на серебряном щите распростёр крылья чёрный орёл, голова его обращена влево и увенчана золотой короной, в лапах — золотые же лук и стрела. Герб может воспроизводиться как в виде отдельно щита, так и с обрамлением, которое включает золотую статусную корону и серебряную ленту с девизом «Един за единого». Девиз напоминает о героизме и сплочённости жителей Албазина, которые, получив ультиматум неприятеля о сдаче, собрались на круг и постановили: «Един за единого, голова в голову, а назад-де без указа нейдём» [8].

Можно привести ещё много удачных примеров местного герботворчества. При этом стоит отметить, что в масштабе Амурской области формирование муниципальной символики происходит разрозненно и бессистемно — по мере сил и возможностей каждого отдельного города, района, округа или поселения. Между Геральдическим советом при Президенте РФ и органами местного самоуправления региональное звено попросту отсутствует. Впрочем, такая проблема существует не только в Амурской области.

Герб Албазинского сельсовета.

Тем временем почти в половине субъектов Российской Федерации при главах республик или губернаторах действуют специальные геральдические советы (комиссии). В Дальневосточном федеральном округе такие структуры созданы в Республике Саха (Якутия), Камчатском и Хабаровском краях. Помимо уполномоченных чиновников, в их составы входят авторитетные историки, архивисты, музейщики, художники, компетентные в вопросах геральдики. Такие советы и комиссии в субъектах РФ осуществляют

нормативное обеспечение, методическое сопровождение и координацию всех видов деятельности, связанной с разработкой, изменением, регистрацией, использованием и популяризацией официальной региональной символики.

Хотелось бы надеяться, что опыт других регионов будет учтён и к своему 170-летию (2028 г.) Амурская область обретёт полноценный геральдический облик, соответствующий классическим канонам и нормам современной российской геральдики.

Список использованных источников

1. Методические рекомендации по разработке и использованию официальных символов муниципальных образований : утв. Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации 28 июня 2006 г. (с последующими дополнениями, по сост. на 01.01.2022). — Текст : электронный // Геральдика : сетевое издание. — URL: https://geraldika.ru/files/heraldic_guidelines.pdf (дата обращения: 30.08.2023).
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СПС КонсультантПлюс. Законодательство. — Москва, 2003. — Текст : электронный.
3. О Геральдическом совете при Президенте Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 29.06.1999 № 856 (ред. от 18.11.2019). // СПС КонсультантПлюс. Законодательство. — Москва, 2003. — Текст : электронный.
4. О Государственном геральдическом регистре Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 21.03.1996 № 403 (ред. от 25.09.1999) // СПС КонсультантПлюс. Законодательство. — Москва, 2003. — Текст : электронный.
5. О внесении изменений в Закон Амурской области «О гербе и флаге Амурской области» : Закон Амурской области от 24.04.2008 № 23-ОЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. Официальное опубликование правовых актов. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/2800202307060009?ysclid=ln9sj6v6z3501808292>. — Текст : электронный.
6. Аксёнов, А. А. Герб города Алексеевска 1915 года / А. А. Аксёнов // Вопросы геральдики : сб. науч. ст. — Москва, 2022. — С. 51–62.
7. Артемьев, А. Р. Печать Албазинского острога / А. Р. Артемьев // Вестник ДВО АН СССР. — 1993. — № 1. — С. 118–119.
8. Герб Албазинского сельсовета. — Текст: электронный // Геральдика : сетевое издание. — URL: <https://geraldika.ru/s/40647> (дата обращения: 30.08.2023).
9. Государственный геральдический регистр Российской Федерации. — Текст: электронный // Геральдикум : сайт. — URL: <http://www.heraldicum.ru/registr.htm> (дата обращения: 30.08.2023).
10. Пушкарев, В. А. Герб Благовещенска как символ бюрократической волокиты // Культура и наука Дальнего Востока. — 2020. — № 2. — С. 60–66.

Иллюстрации предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 04.09.2023.

Сведения об авторе: Пушкарев Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактные данные: e-mail: amurhistory@yandex.ru; тел. 8-914-578-04-09.

ПРАСКОВА ОКСАНА СЕРГЕЕВНА

КЛАНЯЮСЬ ЗЕМЛЕ АМУРСКОЙ: ГЛАВНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИАМУРЬЯ — 165-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье освещён комплекс мероприятий, проведённых Амурской областной научной библиотекой имени Н. Н. Муравьёва-Амурского (г. Благовещенск) в рамках 165-летия Амурской области в 2023 году.

Ключевые слова: Амурская область, Амурская областная научная библиотека имени Н. Н. Муравьёва-Амурского, мероприятия, научно-практические конференции, издательская деятельность, литературный конкурс, онлайн-тесты, выставки, интеллектуальные игры.

Keywords: Amur Oblast, N. N. Muravyov-Amursky Amur Regional Scientific Library, events, scientific and practical conferences, publishing activities, literary contest, online tests, exhibitions, intellectual games.

Освоение Приамурья началось с экспедиции Василия Пояркова в 1643–1646 годах. Дело Пояркова продолжил Ерофей Хабаров. В 1650–1660-х годах он исследовал земли по Амуру и основал Албазин, ставший центром русского воеводства. Поход Хабарова открыл новый этап в освоении Приамурья — этап присоединения Приамурья к России. На Амур по проторённой землепроходцами дороге устремились сотни представителей разных сословий и состояний. На берегах Амура, Шилки, Аргуни и Зеи возникли русские селения, были возведены Албазинский, Кумарский, Тунгирский остроги.

Выход России на Амур вызвал недоброжелательное отношение у правителей Цинской маньчжурской империи. В пределы российских владений стали постоянно вторгаться отряды маньчжурских войск. В силу сложившихся неблагоприятных обстоятельств в 1689 году между Россией и Цинской империей был заключён Нерчинский договор, согласно которому русские были вынуждены оставить левобережное Приамурье [3, с. 198].

Выдающуюся роль в возвращении России приамурских территорий сыграл Г. В. Невельской. Он доказал, что низовья Амура доступны для морских судов и эти территории — вне контроля Цинской администрации. В 1850 году Невельской заложил в низовье Амура пост Николаевский. Полностью поддерживая Невельского, генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв предпринял энергичные шаги для восстановления суверенитета России. 28 (16) мая 1858 года в маньчжурском городе Айгунь был подписан договор о разграничении владений в Приамурье [6, с. 118].

20 (8) декабря 1858 года указом императора Александра II была учреждена Амурская область. В её состав вошли земли левобережья Амура, от его верховьев до устья Усури, общей площадью 449 535 кв. км [8, с. 452].

После окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке, освобождения его от интервентов и белогвардейцев, воссоединения с РСФСР Амурская область развивалась как неразрывная составная часть Дальнего Востока. В 1920–1922 годах она была в составе Дальневосточной республики (ДВР). В 1922 году ДВР была упразднена, её территории снова стали частью РСФСР. Все внутренние области Дальнего Востока были переименованы в губернии.

Амурская область в прежних границах стала губернией. В её составе были образованы четыре уезда: Благовещенский, Свободненский, Завитинский и Зейский. В 1926 году Дальневосточная область была преобразована в Дальневосточный край, а губернии — в административные округа.

В 1930 году все округа Дальневосточного края были упразднены, а все районы подчинены непосредственно краевому центру — Хабаровску. Но управлять огромным

краем из одного краевого центра было очень сложно. И в октябре 1932 года в границах бывших округов вновь были созданы области. Так, на территории бывшего Амурского округа 20 октября 1932 года была образована Амурская область.

В 1938 году Дальневосточный край был разделён на два края — Хабаровский и Приморский. Амурская область осталась в составе Хабаровского края.

В 1945 году, после окончания Великой Отечественной войны, Амурская область оставалась в составе Хабаровского края. Область располагала лучшим, в сравнении с некоторыми другими дальневосточными районами страны, сочетанием сырьевых, энергетических и земельных ресурсов, что создавало благоприятные условия для развития народного хозяйства, подъёма благосостояния трудящихся. Несмотря на все трудности восстановительного периода, советское правительство уделяло большое внимание экономическому развитию Дальнего Востока, чему способствовала реорганизация административно-территориального деления региона, проведённого в послевоенные годы.

75 лет назад, 2 августа 1948 года, Указом Президиума Верховного Совета СССР Амурская область была выделена из состава Хабаровского края в самостоятельную область РСФСР. При этом в неё было включено шесть районов Читинской области: Джелтулакский, Зейский, Зейско-Учурский, Нюкжинский, Сквородинский и Тыгдинский. Верхнебуреинский район вошёл в состав Хабаровского края [10, с. 452].

В 2023 году к 165-летию Амурской области Амурская областная научная библиотека имени Н. Н. Муравьёва-Амурского подготовила комплекс мероприятий, которые проводились в течение года. Среди них:

- научно-практические конференции;
- выпуск изданий;
- литературный конкурс;
- онлайн-тесты;
- интерактивные, книжно-иллюстративные экспозиции, фотовыставки;
- интеллектуальные игры «Муравьёвское время»;
- создание набора сувениров;
- размещение стендов амурских изданий на издательских выставках и фестивалях.

30 марта 2023 года состоялась V межрегиональная научно-практическая конференция «Амурское казачество: вчера и сегодня», в которой приняли участие представители органов власти, казачьих организаций, специалисты архивов, музеев, историки-краеведы из Амурской области, Приморья, Камчатки, Хабаровска, Москвы. Доклады конференции затронули вопросы истории и современности дальневосточного казачества, формы и методы работы с детьми и молодёжью, духовно-нравственные основы казачества,

роль библиотек в сохранении, развитии и популяризации истории и культуры российского казачества [2].

XI межрегиональная научно-практическая конференция «Муравьевские чтения» состоялась 26 октября 2023 года. В её работе приняли участие учёные, преподаватели университетов, учителя школ области, музейные работники, библиотекари, краеведы. Они представили доклады и сообщения по следующим направлениям:

- краеведение как источник и ресурс развития современного общества;
- интеграция музейно-архивных, библиотечных ресурсов и общественных инициатив по продвижению историко-культурного наследия региона;
- краеведение в формате межкультурного взаимодействия;
- социокультурное пространство современной библиотеки [7].

«России всей жемчужина — Амурская земля» — под таким названием прошёл традиционный день амурской поэзии, посвящённый юбилею области. Он собрал большое количество участников, влюблённых в амурскую поэзию и в поэтические строки о родном крае [9]. В онлайн-формате мероприятия прозвучали лучшие прочтения стихотворений о Приамурье от школьников и студентов Амурской области. Участие в празднике поэзии приняли обучающиеся Тамбовской, Лермонтовской, Чигиринской СОШ, СОШ № 2 с. Екатеринославка, студенты агротехнологического колледжа, Благовещенского филиала финуниверситета, Амурского колледжа строительства и жилищно-коммунального хозяйства, Амурского колледжа транспорта и дорожного хозяйства, Амурского казачьего колледжа (с. Тамбовка) и кадетского корпуса. Активно откликнулись библиотеки Октябрьского, Мазановского, Константиновского, Зейского районов, центральная библиотека г. Свободного.

Специалисты библиотеки провели цикл интеллектуальных командных игр для молодёжи «Муравьевское время» в муниципальных округах области. Предшествовал игре информационный час «Муравьевский век на Амуре», в ходе которого ребята узнали, как шло присоединение и освоение Приамурья, какую роль в этом сыграл Николай Николаевич Муравьев, ставший Амурским за свои грандиозные заслуги перед Отечеством.

25 октября 2023 года были подведены итоги и награждены победители V литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье». Конкурс проводится с 2015 года при поддержке министерства культуры и национальной политики Амурской области, амурских писательских организаций один раз в два года. В год 165-летия области конкурс проводился по номинациям «Живая память» (события, люди, даты), «Заповедная природа, заповедный дивный край», «Место

одно есть такое, где ты появился на свет», «Мой наставник». Итоги конкурса и видеозапись праздника опубликованы на сайте библиотеки libamur.ru.

Библиотекой издана серия библиографических указателей, посвящённых Амурской области. Указатели в электронном виде, как и другие издания библиотеки, опубликованы на сайте библиотеки, в разделе «Архив изданий».

Одним из ведущих направлений деятельности Амурской областной научной библиотеки имени Н. Н. Муравьева-Амурского является формирование фонда краеведческих изданий и материалов о развитии Амурской области и Дальнего Востока в целом.

Библиотека в 2018 году издала первый выпуск амурского краеведческого альманаха «Диалог времён». Основная цель издания — поддержание, приумножение и сохранение исторического и краеведческого потенциала Амурской области, популяризация культурного наследия региона, его развития.

Шестой выпуск альманаха, приуроченный к 165-летию области, содержит научно-просветительские статьи, освещающие различные аспекты краеведения Приамурья. Публикуемые материалы, презентованные 26 октября 2023 года, представляют интерес не только для учёных-историков, краеведов и литераторов, предметом исследования которых является культурное и историческое наследие Амурской области и смежных территорий, но и для широкого круга читателей [1].

Библиотекой выполнен набор сувениров (календари, открытки, чай и шоколад, ручки, кружки, закладки, блокноты).

Издания библиотеки, книги амурских авторов, сувениры представлены на открытом в 2019 году электронном ресурсе «Амурский книжный киоск»: <http://kiosk.libamur.ru>.

Для каждого издания создана страница, которая содержит изображение обложки и информацию о книге (имя автора, название, издательство, количество страниц, цену

Набор сувениров, посвящённых 165-летию Амурской области.

Витрины «Амурского книжного киоска».

книги, год и формат издания, ISBN, тираж и аннотацию). Здесь же реализована возможность оформить заказ.

В год юбилея области «Амурский книжный киоск» обрёл новую площадку — витрины в холле Амурской областной научной библиотеки.

Амурская областная научная библиотека сформировала стенды амурских изданий и представила область на книжных фестивалях и выставках.

15–17 сентября на VI книжном фестивале «Берег» в Благовещенске библиотека предлагала книги амурских авторов, краеведческие издания, собственные информационно-методические материалы, полиграфическую и сувенирную продукцию.

21–22 сентября в Улан-Удэ состоялся XVIII книжный салон. Амурская область была представлена стендом и презентацией краеведческих проектов в программе фестиваля.

С 22 по 24 сентября в Челябинске прошли Южно-Уральская книжная ярмарка и III Всероссийский литературный форум «Рыжий Фест». Амурский стенд привлекал и удивлял участников фестиваля.

На протяжении последних пяти лет книжная ярмарка в Челябинске является крупнейшим литературным событием не только на Южном Урале, но и в Уральском федеральном округе — по количеству участников и гостей, составу и разнообразию программы, медиаподдержке, числу партнёров. Здесь ведущие издательства и книготорговые

организации России предлагают большой выбор книг по всевозможным направлениям, новинки по издательским ценам. В рамках книжного форума проходят творческие встречи, лекции, дискуссии и мастер-классы известных российских писателей и множество других ярких, интересных событий.

Благодаря этой площадке наша библиотека установила новые профессиональные контакты, приняла участие в дискуссии «Региональные книжные фестивали: как они влияют на развитие культуры и экономики региона?» и поделилась опытом взаимодействия главной библиотеки Приамурья с КНР — проектом «Под небом единым».

С 28 по 30 сентября во Владивостоке проходила XXIV Дальневосточная книжная выставка-ярмарка «Печатный двор – 2023». На стенде Амурской областной научной библиотеки были представлены издания амурских авторов, издателей. В программе выставки — презентации новых амурских книг и проектов библиотеки. С большим вниманием познакомился с амурским стендом губернатор Приморского края Олег Николаевич Кожемяко.

Выставка «Печатный двор» проводится во Владивостоке с 1997 года, она наиболее полно демонстрирует текущую издательскую продукцию Дальнего Востока, определяет всё лучшее, что издано, предоставляет широкие возможности для установления деловых контактов авторам, издателям, книгораспространителям, библиотекарям и читателям.

Губернатор Приморского края О. Н. Кожемяко знакомится с амурскими изданиями.

В рамках программы выставки-ярмарки прошли различные мероприятия, были названы лучшие книги года Дальневосточного федерального округа.

Проект главной библиотеки Приамурья «Под небом единым» был заявлен на соискание премии имени Матвеевых. Он вошёл в тройку лучших и стал дипломантом премии в номинации «Лучший просветительский проект библиотеки».

От Амурской области было подано 10 комплектов заявок на конкурсы, и из Владивостока прибыло 10 наград,

которые были торжественно вручены победителям. Это стало достойным подарком области!

Во Владивостоке с 6 по 8 октября свои возможности объединили два проекта — Международная ярмарка-фестиваль «Литература Тихоокеанской России» (ЛиТР-2023), посвящённая литературному наследию страны и Дальнего Востока, и ярмарка-фестиваль книжной и городской культуры «Красная площадь. Дальний Восток», созданная московской командой Международной ярмарки интеллектуальной литературы non/fictio№ и книжного фестиваля «Красная площадь». Проект реализован в рамках федеральной программы «Читающая Россия», направленной на популяризацию чтения и книжной культуры по всей стране.

На ярмарку-фестиваль свои книги привезли более 100 издательств из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока и других городов России. Издания главной библиотеки Приамурья, амурских издателей и авторов были представлены на стенде Амурской областной научной библиотеки, в программе фестиваля состоялась презентация проектов библиотеки.

Комплекс мероприятий, приуроченных к 165-летию Амурской области, помог открыть неизвестные, забытые страницы истории области, озвучил амурчанам новые имена авторов, создающих произведения о малой родине, позволил людям разных возрастов и профессий лучше узнать интересную и многогранную историю Приамурья.

Список использованных источников

1. Альманах «Диалог времён». — Текст : электронный // Амурская областная научная библиотека им. Муравьёва-Амурского : [официальный сайт]. — URL: <https://libamur.ru/page/5532.html>.
2. Амурское казачество: вчера и сегодня : V межрегион. науч.-практ. конф., 30 марта 2023 г., г. Благовещенск / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьёва-Амурского, Амур. окруж. казачество. — Изображение (движущееся) : видео // YouTube : [соц. сеть]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=P57EjXcxVZY>. — Видеозапись конференции.
3. История Амурской области : учеб. пособие для учащихся общеобразоват. учреждений / А. В. Баранов, Д. П. Болотин, Ю. В. Малиновский [и др.] ; под ред. А. В. Баранова, И. Е. Фёдоровой. — Благовещенск, Изд-во БГПУ, 2005. — 342 с.
4. Календарь знаменательных и памятных дат Амурской области на 2023 год / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьёва-Амурского. — Благовещенск, 2022. — 124 с.
5. Летопись Амурской области. Т. 1 : Хроника событий с древнейших времён до октября 1917 г. / Благовещ. гос. пед. ун-т ; гл. ред. А. А. Сидоренко. — Благовещенск, 1998. — 94 с.
6. Летопись Амурской области. Т. 2 : Хроника событий с октября 1917-го по 1958 год / Благовещ. гос. пед. ун-т ; гл. ред. А. А. Сидоренко. — Благовещенск, 2001. — 160 с.
7. XI Муравьёвские чтения : межрегион. науч.-практ. конф., 23 окт. 2023 г., г. Благовещенск / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьёва-Амурского. — Изображение (движущееся) : видео // YouTube : [соц. сеть]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zJXOcQTIJ9U>. — Видеозапись конференции.
8. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIII. — Санкт-Петербург : тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1860. — 810 с.
9. «России всей жемчужина Амурская земля» : День амурской поэзии, 21 марта 2023 г. / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьёва-Амурского. — Изображение (движущееся) : видео // Rutube : [видеохостинг]. — URL: <https://rutube.ru/video/0c38efe0e7f45c0f36bd328f84738b0f/>.
10. Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.). — Москва : Госюриздат, 1958. — 530 с.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 31.10.2023.

Сведения об авторе: Праскова Оксана Сергеевна, директор ГБУК «Амурская областная научная библиотека имени Н. Н. Муравьёва-Амурского» (г. Благовещенск).

КОБЗАРЬ ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА

СУРАЖЕВКА — АЛЕКСЕЕВСК — СВОБОДНЫЙ

В статье рассказывается о том, как в начале XX века шло планирование, заселение, строительство города Алексеевска (в его состав вошла деревня Суражевка), который 16 июня 1917 года постановлением Временного правительства был переименован в город Свободный.

Ключевые слова: Амурская область, Н. Л. Гондатти, Суражевка, Алексеевск, Свободный, Фёдор Чудаков.

Keywords: Amur Region, N. L. Gondatti, Surazhevka, Alekseevsk, Svobodny, Fedor Chudakov.

В 1901 году выходцы из Суражского уезда Черниговской губернии основали на правом берегу Зеи село, которое в память о покинутой родине назвали Суражевкой. Каким было это село, мы можем узнать из путевых заметок сотрудника благовещенской газеты «Эхо» Фёдора Чудакова. Он побывал здесь в августе 1910 года. «Что такое Суражевка? — вопрошает он. — На этот вопрос очень правдивый и характерный ответ дала мне вывеска, прикрепленная над крышей весьма грязной и весьма скверной избы, гласившая “Дишова столова Абеда и Ужын Чай”.

Суражевка — это “дишова столова” для людей, одарённых большим аппетитом. Господа Бутины, Макаровы, Лукины и прочая публика находят там изобильные “Абеда и Ужын Чай”.

— Как ваши дела?

— Да ничего! — говорит нам сиделец оптового винного склада господина Лукина. — Вёдер пятьсот в месяц продаем.

Лукин 500.

Бутин 500.

Макаров 500.

Итого 1500 вёдер в месяц. То есть, пятьдесят вёдер в день!

Понимаете, Суражевка с её полутора тысячами душ обоюго пола и всех возрастов выпивает 50 вёдер в день! Водки!

Если бы я был публицистом, я написал бы на эту тему громовую статью.

Но я только фельетонист. И поэтому я... не написал громовой статьи, а только... выпил одну тысячную долю от тех пятидесяти вёдер, которые Суражевка пила в этот день.

Безусловно, это не большой подвиг, но всё же я могу громогласно заявить, что в тот день, когда я был в Суражевке, эта деревня была трезвее обычного на одну тысячную и только благодаря мне.

Я совсем не хочу, чтобы меня за это хвалили. Поэтому предупреждаю, что все хвалебные статьи, которые будут посвящены мне и моему отрезвлению Суражевки, не будут мною прочитаны! Хотя это и жестоко с моей стороны, но я так решил!»¹.

Весёлым человеком был Фёдор Чудаков и язвительным. А приехал он в село как бы на разведку, потому что к тому времени уже развернулось строительство Амурской железной дороги, для моста через Зею было выбрано лучшее место (рядом с Суражевкой) и там же планировалось построить новый город. Одной из первых оценила перспективы новостройки некто А. Порохова: в марте 1911 года она открыла в Суражевке гостиницу. В «Европейской» имелись «прилич-

ные номера, ресторан. Кухня под наблюдением известного шефа И. Кереселидзе. Отпускаются обеды на дом. Принимаются столовики помесечно. Буфет снабжен русскими и заграничными винами. При гостинице имеется биллиард»². Очень правильный расчёт, ведь в ближайшее время в Суражевке обещало быть громадное количество приезжих.

С начала 1911 года прошла череда межведомственных совещаний. 26 января — «по вопросам преобразования Суражевки в город»³. Расположение будущего города назначено так: к западу от Суражевки начинаются станционные постройки и железнодорожный посёлок. К северу от него, верстах в двух от Зеи, будет располагаться сам город. Площадь его будет около 12 квадратных вёрст (квадратная верста — 1,138 кв. км). Железнодорожная линия разобьёт его на две части: около 2/3 всей его площади — к западу от линии, остальное — к востоку. Величина отдельных участков для застройки — около 500–600 квадратных сажень (кв. сажень — 4,55 кв. м). Улицы будут прямолинейные. Город будет называться Алексеевском. Окончательное решение будет зависеть от Петербурга.

5 апреля — заседание «по рассмотрению вопроса об устройстве города Алексеевска. Постановили:

1. признать вопрос об устройстве города в принципе положительным;

2. уполномочить председателя уезда войти в переговоры с крестьянами Суражевки для выяснения, согласны ли они войти в состав города;

3. наименовать город в честь наследника Цесаревича Алексеевском;

4. установить временные нормы для отведения участков под строительство.

Просить отмежевать под город:

а) казённые земли — 3500 десятин (десятина — 1,09 гектара) — под городские площади, 6000 десятин — под городские выгоны;

б) отмежевать для города 2000 десятин леса в северной части зейской лесной дачи;

в) в случае надобности просить провести принудительное включение в пределы города Суражевки с находящейся в пользовании крестьян землей»⁴.

Крестьяне были против перемен. В мае межведомственная комиссия заключила, что «отвод участков в этом году, видимо, невозможен, так как на месте будущего города теперь пашни крестьян. Управление строительства средней части Амурской железной дороги им разрешило убрать урожай»⁵.

2 «Эхо», 8 марта 1911 г.

3 «Эхо», 29 янв. 1911 г.

4 «Эхо», 7 апр. 1911 г.

5 «Эхо», 3 мая 1911 г.

1 Чудаков, Ф. По Зее // «Эхо». — 8 сент. 1910 г.

В июне на строительство железной дороги прибыли первые землекопы. Присматриваются. Грунт весьма хорош — песок или песок с глиной. Работая при таком удобном грунте, за день могут вывезти до 80–90 соток, старательные успевают по целому кубу. Но такой грунт только ближе к Зее. Дальше болотистая лесная местность, много мошек, паутов, земля ещё не оттаяла. Местные очень хорошо зарабатывают на вывозке земли (даже сократили посевы), выгрузке с пароходов товаров и перевозке их в Суражевку. Пароходы из-за мелководья на Зее застряли, недостаток камня и леса, который они везут, тормозит строительство. Плотники, пильщики, каменщики принуждены идти на земляные работы или наниматься на частные постройки в Суражевке. Начато строительство нескольких лесопилок и паровых мельниц. На месте города ещё ничего не построено. Мост на главной линии через Зею будет строиться у деревни Введенówki — в четырёх верстах от Суражевки, в 6–7 верстах от нового города.

«Торговля в Суражевке идет вяло», — писала газета «Эхо» в июле 1911 года. По мнению прибывающих оттуда, «на каждого покупателя по две торговли».

В первую декаду августа 1911 года место будущего города посетил генерал-губернатор Приамурья. После этого были намечены мероприятия для образования будущего города Алексеевска:

1. Предложить суражевцам перейти в состав города.
2. Позаботиться о сокращении пьянства и удовлетворении религиозных потребностей.
3. Усилить надзор за «весёлыми домами».
4. Не препятствовать выбору уполномоченных к формированию комитета по делам г. Алексеевска под председательством генерала Валуева (генерал-губернатор Амурской области).
5. Техническая и исполнительная часть организации города возлагается на переселенческое управление, заселение — на администрацию.
6. Участки отводить в долгосрочную аренду с правом выкупа.
7. Плату назначить невысокую, но предъявлять более строгие меры относительно застройки.
8. Приступить к делу немедленно, чтобы в январе уже сдавать участки, чтобы зимой можно было заготовить материал, а весной начать постройку.
9. Определить внешние границы города»⁶.

В заседании по вопросу образования Алексеевска, которое прошло 20 августа 1911 года в Благовещенске, в канцелярии губернатора, присутствующие ознакомились с пожеланиями генерал-губернатора Приамурья:

«1. Храмов нет, одни кабаки, прежде всего надо построить храм.

2. Все участки нужно сдавать в долгосрочную аренду с правом выкупа, не следует гнаться за высокой ценой.

3. Кварталы делать не более 100 саженей. В плане оставить место под собор и здесь же выделить место для крупных торговых фирм. Ещё и под сад городской оставить место.

4. Генерал-губернатор желает, чтобы крестьянский начальник убедил суражевцев войти в состав городского населения»⁷.

Присутствующий на заседании крестьянский начальник заявил, что суражевцы категорически отказались войти в состав горожан на общем положении обывателей.

Председатель заседания читает статью закона: «Если население меньше 300 душ, оно может быть зачислено в городское население принудительным путём». Коренное население Суражевки менее этой цифры, и к ним может быть применена эта статья. Увеличиться население не может, так как дано указание о прекращении прописки.

С 29 августа по 31 августа в Суражевке под председательством губернатора области проходило совещание по устройству Алексеевска. Предварительно территория была осмотрена и обмеряна. Ядром города выбрана местность к северу от станции железной дороги до реки Жалун. Местность представляет возвышенное плато, не затопляемое Зеей при самых высоких разливах, но площадь его может вместить только 4000 усадеб, при этом при расширении город займёт пойму Суражевки и саму Суражевку.

Сразу разметили участки по 600 квадратных саженей. В кварталах торговых и фабрично-заводских предложено этот размер увеличить. К декабрю закончится составление планов.

Ввиду того, что суражевцы категорически отказались войти в состав города, комиссия высказалась за принудительное отчуждение земель с полной компенсацией и отводом им земель в другом месте.

Комиссия обратила внимание на огромный недостаток — отсутствие хорошей воды. Жалун потребности города не удовлетворит, до Зеи 3–5 вёрст (верста — 1,06 км). Водоснабжение водовозами дорого и неудобно. Или воду будут брать из колодцев. Губернатор поручил немедленно исследовать почвы. Для этого инженер-гидротехник Статке, бывший член Амурской экспедиции, должен вырыть два колодца глубиной около 20 саженей. Рытьё каждого колодца будет стоить около 2500 рублей.

Отводиться участки будут с торгов.

17 сентября 1911 года военный губернатор Амурской области отправил генерал-губернатору Приамурья теле-

6 «Эхо», 7 авг. 1911 г.

7 «Эхо», 22 авг. 1911 г.

грамму: «После двух дней совещания по упорядочению жизни в Суражевке, я распорядился:

1. Провести осмотр всех заведений.
2. Закрыть заведения, существующие без разрешения.
3. Освидетельствовать постройки относительно Строительного устава.
4. Поголовно проверить виды на жительство.
5. Выселить незаконно проживающих иностранцев и ссыльнопоселенцев.
6. Привлечь жителей к содержанию стражи до введения полиции.
7. Ходатайствовать об устройстве в Суражевке стационарной каталажки.
8. Учредить вольную пожарную команду.
9. Ввиду быстрого роста и громадного оборота прошу ходатайствовать о немедленном открытии казначейства и почтово-телеграфной конторы»⁸.

К январю 1912 года были разработаны условия торгов на сдачу участков, в феврале их опубликовали: «Участки будут сдаваться с торгов в аренду до введения городского положения на основании условий, утверждённых Главным управляющим землеустройством и земледелием на основе следующих правил.

Подлежащая сдаче в аренду селитьбенная площадь участков разделяется на 4 разряда:

- А. обывательские участки наиболее удобной и центральной части города,
- Б. обывательские участки окраинные,
- В. центральная торгово-промышленная часть города,
- Г. участки, сдаваемые под фабрично-заводские предприятия, цены с которых назначаются 1-го разряда — 1,5 копейки, 2-го разряда — 1 коп., 3-го разряда — 3 коп., 4-го разряда — 5 коп. за квадратную сажень в год. Участки сдаются в аренду на 12 лет, арендаторам предоставляется право выкупать свой участок и до истечения срока аренды на условиях, какие будут для этого установлены.

Участки сдаются в аренду только русским подданным, имеющим право на жительство в данной территории. Сдача в одни руки больше двух участков допускаема не иначе как с разрешения Приамурского генерал-губернатора. Участки сдаются с правом бесплатного пользования выгонной землёй, назначенной по плану будущего города.

Торги будут производиться без переторжки устно, с допущением заявлений в закрытых конвертах. Допускается участие в торгах через доверенных лиц, которые при этом могут принимать участие в торгах и за себя.

Желающие торговаться должны до начала торгов подать об этом заявление, оплаченное гербовым сбором в 75 коп.,

и представить залог в размере той годовой арендной платы за участок, с которой начинается торг.

Лица, предложившие на торгах большую цену и оставившие за собой участок, обязаны немедленно по окончании торгов заменить представленный к торгам залог новым в размере полугодовой определившейся на торгах арендной платы за участок.

По утверждению торгов управлением государственных имуществ в Хабаровске или переселенческим управлением — в Благовещенске, с арендатором заключается контракт, причём расходы падают на арендатора. При заключении контракта арендатор вносит в депозит Приамурского генерал-губернатора особый сбор на благоустройство и мелиорацию селитьбенной площади в следующем размере: за участок 1-го разряда — 50 р., 2-го — 25 р., 4-го и 3-го разрядов — 250 р. за каждый.

Арендатор участка в первый год обязан огородить участок и приступить к его застройке; в течение первых двух лет на участках первых трёх разрядов выстроить дом стоимостью в 1-м разряде не менее 1000 р., во 2-м — не менее 500 р., в 3-м — не менее 3000 р.; на участках 4-го разряда затратить на фабрично-заводское предприятие в течение трёх лет не менее 5000 р.

Арендаторы участков 3-го и 4-го разрядов обязаны иметь на улице против своего дома со времени начала постройки уличный фонарь, арендаторы участков 1-го и 2-го разрядов должны поставить по одному фонарю на квартал на общие средства со времени начала постройки хотя бы двух домов (время освещения, образцы столбов и фонарей были позже указаны обязательным постановлением военного губернатора).

В течение договорного срока до учреждения города арендаторам предоставляется право, с разрешения переселенческого дела в Амурской области, передавать участок другому лицу и в таком случае на это лицо переходят все права и обязанности прежнего арендатора.

При неисполнении условия пользования участком он может быть отобран от арендатора по распоряжению генерал-губернатора.

Участки, не сданные на торгах, могут быть отводимы по распоряжению Приамурского генерал-губернатора без торгов, в порядке и на условиях, имеющих на тот момент правил»⁹.

В писчебумажном магазине товарищества «С. П. Дмитриев и К^о», против почты, можно было купить план будущего города по 35 коп. за штуку и брошюру с описанием Алексеевска по 60 коп. Продажа шла довольно бойко.

В комиссию по сдаче усадебных участков в Алексеевске вошли следующие лица: председатель комиссии — вице-гу-

8 «Эхо», 18 сент. 1911 г.

9 «Эхо», 26 февр. 1912 г.

бернатор А. Г. Чаплинский, члены комиссии — заведующий переселенческим делом в Амурской области В. И. Рубинский, податный инспектор Н. С. Есипов, лесничий Зейского лесничества Н. Р. Калиновский, фактический контролёр Амурского переселенческого управления Ф. С. Корейшо, замлемер Амурской землеотводной партии В. Н. Задубровский.

«В начале января торгово-промышленный класс Суражевки послал коллективную телеграмму генерал-губернатору с просьбой о скорейшем открытии в Суражевке почтово-телеграфной конторы. Минувшим летом он обещал, что в ноябре почта будет. Но уже новый год начался, а её всё нет. Какие неудобства терпят суражевцы, не имея почты, всякому должно быть понятно. Вот, например, один коммерсант получил повестку на заказное письмо. Нанял лошадь и поехал на почту в Красноярово за 40 вёрст. В письме оказалась реклама, а за лошадь пришлось заплатить 4 рубля. Другой обыватель получил повестку почтового перевода на 50 рублей. Нанял лошадь за 6 рублей. На его беду волостной писарь в Красноярово куда-то уехал и перевод не выдали. В результате вторичная поездка. Остаётся пожелать, чтобы почтовое ведомство проснулось от своей спячки»¹⁰.

Почтово-телеграфное отделение открылось в Алексеевске 10 августа 1912 года.

«Главный начальник края указал заведующему переселенческим делом в Амурской районе на необходимость устройства рабочей слободки при будущем Алексеевске, отводе особых участков для рабочих, если о том будут предъявлены со стороны последних требования»¹¹.

«Ещё в 1909 году Суражевка являлась убогой переселенческой деревней, в настоящее время в ней насчитывается более 150 торгово-промышленных заведений и предприятий. В январе 1912 года уже имела вид небольшого городка со значительным “хозяйством”. Здесь действовало почти 50 магазинов и лавок розничной торговли, 20 винных складов, питейных домов и пивных лавок, 10 столовых, 12 гостиниц и постоянных дворов, 17 колбасных заведений, мясных лавок, пекарен и кондитерских, 10 кузнечных и слесарных мастерских, три кирпичных завода и столько же лесопилок, одна водяная и две паровых мельницы, пивзавод, фотография, кинематограф и так далее. А ещё конторы тринадцати общественных и правительственных учреждений: министерская школа, переселенческий пункт, канцелярия заведующего Суражевским подрайоном, контора 6-го участка Амурской железной дороги, контора постройки железнодорожного моста, камера мирового судьи, нотариус, пристав 2-го участка Амурской железной дороги, железнодорожная больница, амбулатория и покой переселенческого управления, участ-

ковый ветврач, а также представители лесного и акцизного надзора. Сообщение прислал Фома Пришлый»¹².

Хроника торгов и первых месяцев города Алексеевска в 1912 году

Март

7 марта во дворе переселенческого управления в Благовещенске началась сдача в аренду усадебных участков в Алексеевске. К началу торгов, в 12.45, собралось человек 500. Весь двор запружен лошадьми, запряжёнными в телеги, пролётки, коляски.

Вице-губернатор Амурской области А. Г. Чаплинский объявил аукцион открытым. Первым сдавалась с торгов усадьба № 1 в квартале № 96 (обывательская часть города). Дальше предоставим слово репортёру благовещенской газеты «Эхо».

«Аукцион начался с девяти рублей и в какие-нибудь пять минут эта сумма возросла до 235 рублей.

— Двести тридцать пять! Пожалуйте, участок за вами, — объявил аукционист.

К столу подходит какой-то господин в весьма весёлом настроении. У него, оказывается, нет ни заявления, ни денег для задатка. Узнав, что без задатка участок не дают, он улыбается, галантно раскланявшись хочет удалиться, но его “протоколят” за легкомыслие и отправляют в полицейский участок. Таким образом первый гражданин будущего города начал свою деятельность с полицейского протокола и ночёвки в каталажке.

Торги на усадьбу № 1 начинаются снова и, дойдя до 235 рублей, остаются за крестьянином села Успенского Амурской области Василием Анисимовичем Замулой. Настоящий первый гражданин города Алексеевска тут же снимается членом местного фотографического общества А. И. Борисовым»¹³.

Первый гражданин города Алексеевска Василий Анисимович Замула.

10 «Эхо», 18 янв. 1912 г.

11 «Эхо», 27 янв. 1912 г.

12 «Эхо», 8 февр. 1912 г.

13 «Эхо», 7 марта 1912 г.

Следующими полноправными жителями Алексеевска стали владелец художественной фотографии Николай Кузьмич Константинов (усадебный № 2, сдана за 120 руб.), читинский мещанин Русановский (усадебный № 3, сдана за 214 руб.), Л. А. Ефремов (усадебный № 4, сдана за 160 руб. 50 коп.), М. Е. Богданова (усадебный № 5, сдана за 120 руб.), М. П. Ленская (усадебный № 6, сдана за 143 руб.), крестьянин Пётр Костяник (усадебный № 7, сдана за 190 руб.).

Доверенный торгового дома «Кунст и Альберс» Скрибанович взял с торгов усадьбу № 10 в 16-м торгово-промышленном квартале Алексеевска за 312 рублей.

Торги на усадебные участки продолжились 19 марта. После двух часов дня начали торги на участки 2-го разряда. Квартал № 278, разбитый на 10 усадеб по 800 кв. саженей. Торги начались с 6 рублей. Усадьбы отошли следующим арендаторам: усадьба № 1 — Якову Матвеевичу Пироженко (за 31 руб.), № 2 — И. А. Новомейскому (14 руб.), № 3 — И. М. Кузьменко (15 руб.), № 4 — А. К. Тучину (12 руб.), № 5 — С. Ф. Китаеву (17 руб. 50 коп.), № 8 — В. А. Чабану (8 руб.), № 7 — Е. П. Матиенко (16 руб.), № 9 — А. И. Чуеву (7 руб. 50 коп.), № 10 — И. С. Пучнину (33 руб. 50 коп.).

Покончив с этим кварталом, переходят к кварталу № 17 3-го разряда, и картина моментально меняется. Размеры усадеб также 800 кв. саженей. Торги начинаются с 18 рублей: № 1 приобретён В. В. Демьянчуком (333 руб. 50 коп.), № 2 — И. Д. Маточенко (252 руб.), № 3 — И. И. Демидовичем (100 руб.), № 4 — В. Т. Борисовым (100 руб. 50 коп.), № 5 — Чупровым (60 руб. 50 коп.), № 6 — И. К. Нежинским (100 руб.), № 7 — И. К. Моремолом (55 руб.), № 8 — М. С. Бродовиковым (60 руб. 50 коп.), № 9 — Д. Д. Простокишиным (234 руб. 75 коп.), № 10 — Е. И. Галаганским (215 руб. 50 коп.).

В фабрично-заводской части города начались торги с квартала № 365 — 10 усадеб. 19 марта продались только две: № 1 купил Н. А. Романов (65 руб.), № 2 — А. И. Сверкунов (31 руб.).

20 марта торги начались в 10.30. Публики — человек 200, исключительно деловой, празднично любопытствующий элемент отсутствует. Продолжается торг на квартал № 365: усадьба № 3 в 60 кв. соток куплена В. Г. Прохоренко (30 руб. 50 коп.), № 4 не сдана за отсутствием конкурентов.

После этого сдаются три усадьбы по 600 кв. саженей каждая в квартале № 403: № 1 — И. А. Иртуганову (137 руб.), № 2 — Л. И. Галееву (40 руб.), № 5 — В. В. Деменчуку (75 руб. 25 коп.).

Квартал № 111 1-го разряда распродан весь: № 1 приобретён А. И. Меркуловым (36 руб.), № 2 — К. А. Смирновым (63 руб. 50 коп.), № 3 — Е. И. Горяным (110 руб.), № 4 — К. И. Пакуловым (81 руб.), № 5 — Х. С. Акчуриным (78 руб.), № 6 — Ф. Е. Харченко (73 руб. 50 коп.), № 7 — Г. П. Пакуловым (113 руб. 55 коп.), № 8 — Я. М. Романенко

(270 руб.), № 9 — Д. В. Карпенко (112 руб. 50 коп.), № 10 — А. Д. Лебедевым (200 руб.).

Далее сдаются 10 усадеб квартала № 279 2-го разряда: № 1 — Водолажскому (25 руб. 50 коп.), № 2 — М. Я. Филатову (18 руб.), № 3 — А. В. Гальченко (21 руб.), № 4 — П. А. Купецких (17 руб.), № 5 — А. Т. Лихих (20 руб.), № 6 — А. И. Кесельману (13 руб. 50 коп.), № 7 — Гасану Гаджи (23 руб. 50 коп.), № 8 — Е. В. Ковалёву (17 руб. 25 коп.), № 9 — М. П. Соколову (16 руб.), № 10 — В. И. Ламакину (27 руб.).

За двое суток самым дорогим кварталом оказался 46-й 3-го разряда: из-за усадеб № 7–10 этого квартала произошла настоящая битва конкурентов. Победителем оказался М. С. Кравчинский, взявший две усадьбы: № 7 — за 536 рублей, № 8 — за 260 рублей. Из-за усадьбы № 10 бились не на живот, а на смерть два серьёзных конкурента: представитель Русско-Азиатского банка Барышев и доверенный Опарина из Зеи Пыхалов. После неимоверных усилий усадьбу взял банк, догнав цену до 1350 рублей. На долю Опарина осталась усадьба № 9 — за 815 рублей.

«На сооружение церкви в Суражевке переселенческим управлением ассигновано 30 000 р., из них 15 000 р. подлежат отпуску в будущем году. Согласно выраженному главным начальником края желанию, проектируется постройка каменной церкви, могущей вместить 500 молящихся»¹⁴.

Апрель

Газета «Эхо» регулярно информировала читателей о ходе торгов. 1 апреля 1912 года вышла такая заметка: «Лицам, имеющим намерение торговаться на усадьбы Алексеевска в Благовещенске, беспокоиться о недостатке участков не следует: к сдаче с торгов в Благовещенске намечено 1440 усадеб, а сдано пока 168»¹⁵.

2 апреля сдано усадеб на 4210 рублей, получено окончательных залогов на 2104 рубля 98 копеек. По высокой цене шли два квартала в торгово-промышленной части города. В квартале № 15 усадьбу № 1 взял Русановский (185 руб.), № 9 — Иртуганов (200 руб.). В квартале № 44 было больше высоких цен: усадьбы № 9 и 10 достались Брезгину (300 руб. и 610 руб.), № 8 — Ванчурину (265 руб. 10 коп.), № 6 — Холманскому (200 руб.), № 3 — Коновалову (240 руб.), № 1 — Сополеву (271 руб.). В квартале № 109 торгово-промышленной части города Левентас взял усадьбу № 10 за 175 рублей.

На торгах 3 апреля выручено уже только 1322 рубля, причём внесено окончательных залогов на 1510 рублей 74 копейки. Две лучшие усадьбы в торгово-промышленной части города взяли Т. Д. Пьянков (квартал № 54, усадьба № 1, 515 руб.) и Холуйский (квартал № 45, усадьба № 1, 326 руб.).

¹⁴ «Эхо», 8 марта 1912 г.

¹⁵ «Эхо», 1 апр. 1912 г.

4 апреля сдано усадеб всего на 1480 рублей и получено окончательных залогов 739 рублей 79 копеек. 5 апреля лиц, желающих снять участки, оказалось человек сто. Так как праздная публика теперь отсутствует, то торги проходят в закрытом помещении.

Торги на усадьбы Алексеевска ещё продолжают интересовать благовещенцев: масса поданных заявлений ежедневно пополняется несколькими десятками новых. 5 апреля сдано участков на 2923 рубля 66 копеек, получено окончательных задатков 1461 рубль 83 копейки. За хорошую цену ушли две усадьбы в квартале № 230 1-го разряда: № 3 — Климову (235 руб.), № 5 — Ушакову (150 руб.); в квартале № 101 1-го разряда усадьба № 10 — Бдродовиковой (300 руб. 5 коп.)¹⁶, № 3 — Волосину (106 руб.). Удачно распродан участок № 172 — из 13 усадеб пять сданы по высокой цене: № 4 — Холуйской (141 руб. 20 коп.), № 9 — Цвиркунову (175 руб.), № 10 — Семинаристову (122 руб. 5 коп.), № 12 — Светлиной (121 руб. 95 коп.), № 13 — Пуговкину (358 руб.).

7 апреля подано ещё 33 заявления о желании торговаться, а всего с начала торгов поступило 782 заявления. В квартале № 156 за хорошие цены взяты усадьба № 3 (Грищенко, 120 руб.), № 8 (Касаткин, 147 руб.); в квартале 107 1-го разряда — усадьба № 1 (Лапшев, 100 руб.), № 3 (Деккер, 162 р.), № 8 (Брытин, 100 руб.), № 10 (Губанов, 165 руб.); в квартале № 221 1-го разряда — усадьба № 1 (Котов, 171 руб. 50 коп.), № 4 (Мякишев, 141 руб.), № 6 (Дулетов, 125 руб.), № 10 (Игнатов, 105 руб.); в квартале № 94 1-го разряда — усадьба № 3 (Латаев, 120 руб.), № 8 (Котов, 200 руб. 50 коп.), № 10 (Кудашев, 127 руб.). За этот день сдано участков на 2670 рублей.

За последние дни на торгах появились лица, живущие на значительном расстоянии от Благовещенска. Например, Егоров из Харбина приобрёл для себя и по данным ему доверенностям 10 усадеб.

7 апреля сдано 68 усадеб в Алексеевске, за них получено залогов на сумму 947 рублей. Из десяти усадеб квартала № 129 1-го разряда по хорошей цене пошла только усадьба № 10 (Калентьев, 130 руб.). В квартале № 32 торгово-промышленной части города из десяти усадеб только две сданы за приличную цену: № 9 — Сухонососу (125 руб. 59 коп.), № 10 — Рылову (153 руб. 10 коп.). В квартале № 113 1-го разряда сданы усадьба № 8 (Безпяттов, 115 руб. 10 коп.) и № 19 (Иванов, 111 руб.). Из десяти усадеб квартала № 31 торгово-промышленной части

города были сданы усадьба № 9 (Щербак, 153 руб. 15 коп.) и № 10 (Михальский, 159 руб. 5 коп.).

«В нашей газете уже писали о пренебрежительном отношении суражевцев к своей школе, построенной на средства Общества попечения о начальном народном образовании в Амурской области. Суражевцы категорически не желают тратить ни копейки ни на ремонт, ни на улучшение школы. Между тем суражевское общество — одно из богатейших сельских общества области.

К 1 января 1912 года у суражевцев было больше 10 000 р. общественных денег. Как создался этот капитал, известно. Он составил за аренду бакалейных лавок, ренсковых погребов, кабаков и проч. С каждого договора на открытие заведения суражевцам разрешено делать 10 % отчисления на нужды школы. Таких денег года за два составилось около 1000 р. На школьные нужды этих денег, видимо, не намерены тратить. На мой вопрос, куда пойдут эти деньги, суражевцы отвечали: «В общество». Суражевцы даже выдают расписки в получении этих процентных денег на школу. Так, Келлер, имеющий пивоваренный завод в Суражевке, получил квитанцию в приёме от него 100 р. на нужды суражевского сельского училища»¹⁷.

«К 10 апреля сдано 600 усадеб. Перед началом торгов подано больше 30 заявлений. 9 апреля по сравнительно хорошей цене продано только 7 усадеб. Из 10 усадеб квартала первого разряда № 176 усадьба № 10 — Слабиков (111 р.), участок № 4 — Пуговкин (73 р.), в торгово-промышленной части города квартал № 30 усадьба № 2 — Салтанов (200 р.), № 3 — Юносов (95 р. 50 к.), № 6 — Акбулатов (105 р.), № 9 — Вончурин (91 р. 15 к.). Из 10 усадеб квартала № 223 первого разряда только одна — № 6 — пошла за хорошую цену: Керкадзе (80 р.).

Служащими средней части Амурской железной дороги подано более 600 заявлений о желании приобрести участки в Алексеевске, но до настоящего времени обзавелись недвижимостью только двое — доктор Маршад и Херувимов, а остальные 598 чего-то терпеливо ждут»¹⁸.

«По ходатайству военного губернатора лесным ведомством отпущено бесплатно из Первых лесных дач 1500 бревен на постройку Суражевского волостного правления.

Состоявшиеся 5 и 7 мая в Хабаровске торги на участки в Алексеевске прошли не особенно оживлённо: 1-го разряда 30 участков, 2 разряда 29 участков, в торгово-промышленной части 23 участка и запасных 3 усадьбы. На усадьбы в фабрично-заводской части желающих торговаться не оказалось»¹⁹.

¹⁶ За эту усадьбу торговались Бдродовикова и Беккер. Торги начались с 9 руб. Дамы, подняв цену до 150 руб., стали набавлять по 5 коп. и, в конце концов, пятачками повысили цену до 300 руб. 5 коп. Торги на усадьбу № 10 продолжались 1 час 15 минут. Выбились из сил не только соперницы, но и аукционист, выкрикивавший цены. Этот бедняга выпил графин воды и в заключение охрип.

¹⁷ «Эхо», 8 апр. 1912 г.

¹⁸ «Эхо», 12 апр. 1912 г.

¹⁹ «Эхо», 28 апр. 1912 г.

«Новый вид хулиганства. Население Суражевки возмущено выходками шоффера, управляющего казённым автомобилем средней части Амурской железной дороги. Субъект этот 7 апреля, будучи в нетрезвом виде, раскатывал с четырёх часов дня по улицам Суражевки, главным образом, по Большой, где всегда движется масса публики и подвод, причём скорость развивал до предела. Разъезжал он без шапки, видимо, где-то её потерял, а автомобиль пускал как передним, так и задним ходом. Время от времени автомобиль останавливался около харчевки под вывеской “Москва” и, подкрепившись, шоффер г. Аушмуд начинал раскатываться вновь.

Проезжавшие часов в пять вечера по дороге на Черниговку видели, с какой скоростью летел по этой дороге автомобиль под управлением шоффера без шапки. Подводы спасались, кто куда мог, сворачивая с дороги в болото, опрокидывая возы. На замечание шофферу, что впереди движется большой обоз и на мосту через Жалун производится ремонт и есть загромождения, с автомобиля следовал ответ “Разобьём!”. Обратно в Суражевку автомобиль возвращался уже задним ходом и с такой же скоростью. В Суражевке началась вновь езда по улицам, причём глушитель так ревел, что машина была слышна почти за версту. Лошади бросались и разбивали телеги, собаки попадали под автомобиль, куры и другая птица истреблялись нещадно. Все это делалось на глазах публики в продолжении трёх часов. Наконец, когда автомобиль часов в семь вечера вновь остановился около харчевки “Москва”, суражевский сельский староста, собрав понятых, предложил было шофферу и сидевшему в автомобиле в качестве пассажира Медведеву воздержаться от подобных действий и следовать с ним на сельскую сборную для составления протокола. Но как один, так и другой возмутились таким заявлением. Посыпалась отборная брань, как по адресу старосты, так и всех присутствующих, причём Аушмуд всё время лез с кулаками и в заключение ударил одного из понятых. Тогда остальные, не желая, чтобы скандал разросся, схватили Аушмуда и доставили в сельское управление, откуда последний сейчас же убежал и стал гоняться за всеми, кто был на улице, хватаясь за карманы, желая, видимо, показать, что выхватит револьвер, которого, должно быть, у него не было. Потом сел в автомобиль, с отборной руганью сразу пустил задний ход и чуть не задал стоявших около автомобиля.

Обо всём этом составлен протокол, который передаётся мировому судье, а копия его сообщается начальнику участка постройки средней части Амурской железной дороги.

Это один только факт, который наблюдался в Суражевке 7 апреля, но если обратиться к деятельности шофферов, разъезжающих по линии, то подобных фактов можно на-

считать очень много. Кто проезжал вдоль линии железной дороги, тот знает, с каким трепетом совершается этот путь, так как приходится быть всё время настороже, чтобы не прозевать автомобиль, а то заплатишься своей жизнью, ибо скорость хода очень большая и лошади, боясь, бросаются, разнося седоков. Пишущему эти строки пришлось испытывать подобные случаи неоднократно и потому хорошо понятно то, что составляет забаву шоффера. Достаточно указать, что не так давно автомобилем, на котором ехал инженер Елфимов, была задавлена лошадь, население деревень, через которые проходят автомобили, живёт всё время в трепете, и возмущению его нет границ, собак же давят массами из озорства»²⁰.

Май

«Приехавшие из Суражевки и Введенки рассказывают, что с открытием навигации начался наплыв рабочих на линию 6 и 7 участков Амурской железной дороги. Приезд рабочих тотчас же вызвал постройку новых питейных заведений, харчевок и съестных лавочек»²¹.

В конце мая 1912 года «Благовещенское утро» сообщило, что 23 мая из-за большого подъёма воды по реке Тыгде унесло 9000 брёвен: «Казённая лесопилка в Алексеевске в ожидании, что этот лес принесёт в Алексеевск, принимает меры по его поимке»²². То, что в заметке называли лесопилкой, на самом деле было мощным предприятием, настоящим лесопильным заводом: здесь работало около 700 человек. Выпускали доски, шпалы, брусья, телефонные столбы и другую продукцию, так необходимую строящемуся городу и Амурской железной дороге.

Июнь

«Торги на усадебные участки Алексеевска идут бойко, хотя большого наплыва публики нет. Обычно присутствует 200–300 человек. Мешает ненастная погода, благодаря которой пришлось перейти из канцелярии подрайона, помещающейся в деревне, на переселенческий пункт, отстоящий от Суражевки более двух вёрст. Публика испытывает большие неудобства, так как приходится сидеть голодом и достать поблизости какой-то провизии невозможно.

Цены на усадьбы сильно колеблются. Участки в первом и втором разрядах, где условия легче, раскупаются бойко и цены набиваются хорошие, тогда как участки в третьем разряде, по отношению которых установлены условия более трудные, раскупаются плохо и по низким ценам. За два дня продано 82 усадьбы. Прошений подано пока 240. Многие по окончании торгов сейчас же заключают контракты.

На селитьбенной площади города проводится расчистка улиц, построек же ещё не производится.

20 «Эхо», 28 апр. 1912 г.

21 «Эхо», 26 мая 1916 г.

22 «Благовещенское утро», 27 мая 1912 г.

Железнодорожные работы по устройству полотна идут успешно. Траншея через площадь, где будет город Алексеевск, прорезается экскаватором, а далее поставлены конные и пешие землекопы.

К постройке мастерских, депо и других капитальных построек пока не приступлено»²³.

«Одним из самых существенных недостатков Суражевки следует признать отсутствие пристани, какого-то помещения, в котором бы пассажиры, приехавшие в Суражевку и уезжающие, могли бы найти временное пристанище. Не говоря о том, что приезжим деваться некуда, Суражевка имеет слишком недостаточное количество извозчиков, бывающих к тому же на берегу случайно, особое неудобство испытывают пассажиры в ожидании пароходов. Ждать пароход, чтобы не упустить его, можно только на пристани, ходят они, за исключением почтовых, без расписания. Сидит на берегу десятка полтора людей, есть дети и женщины, ждут по 12 часов, даже и сутки. Не мешало бы министерству войти в соглашение с пароходоладельцами и озаботиться постройкой немудрящего барака»²⁴.

«Торги на усадьбы Алексеевска в Суражевке закончились 11 июня. Всего сдано 443 усадьбы, из них 115 арендаторов уже заключили контракты, человек десять приступили к постройке.

За хорошую цену ушли усадьбы 51 квартала (до 600 р.), в квартале № 100 — до 301 р., в 55-м квартале — до 208 р., в 173-м — до 155 р. Бойко разбирались усадьбы в первом и втором разрядах, слабее — в торгово-промышленном, совсем плохо шел фабричный район, в котором сдано две усадьбы.

Число желающих приобрести участки в Алексеевске всё увеличивается. В последнее время в канцелярию генерал-губернатора обращаются из различных мест с запросами об условиях приобретения участков. Несколько таких просьб поступило от жителей Николаевска-на-Амуре»²⁵.

«В Суражевске и Малиновке строят помещения под казённые ведёрные винные лавки. Постройка закончится к 1 июля»²⁶.

Июль

«Вопрос с покосами в Суражевке обостряется. Дорогое время уходит, а о новых прирезках пока только разговоры. Да и удовлетворить всей нужды они не могут, так как самая необходимая часть луга от участка усть-пёрского почему-то не прирезается, несмотря на вполне определённое постановление областного присутствия “предоставить в пользование суражевского общества кроме северной части

и надела западный участок, вырезанный из усть-пёрского переселенческого участка по р. Большой Пёре”. Крестьяне волнуются и начинают самовольно косить луг, отошедший под город Алексеевск, иначе, говорят, останемся без сена, первые три месяца скот кормить будет нечем, так как сообщение с островами будет прервано. Если внять совету заведующего подрайоном и построить паром, перевезти достаточный запас сена до ледохода, рискуют сжечь всю деревню, так как постройки здесь поставлены густо и открытых мест для складирования сена нет, складывать его во дворах рискованно, тем более к осени, когда обычно бывает благоприятное время для пожаров.

Положение безвыходное и крестьяне волнуются вполне основательно. Теперь они начинают уже каяться, что поспешили дать приговор о добровольной уступке земли под город. “Надо было, — говорят, — сначала получить новые прирезки, и тогда только уступать свою землю, а теперь понадеялись на обещания и ошиблись”. С жалобой по этому поводу суражевское общество обратилось к главному начальнику края по телеграфу»²⁷.

«По случаю торжественной закладки Алексеевска 30 июля между Суражевкой и Благовещенском предполагается организовать специальный пассажирский рейс»²⁸.

«Выяснилось, что найти коммерческий пароход для рейса в Суражевку 30 июля не удаётся, так как судовладельцы считают его невыгодным. Управление водных путей решило ассигновать на этот рейс небольшую сумму»²⁹.

«В саду будущего Алексеевска между 20 и 21 кварталами будет поставлен бетонный обелиск высотой 2,5 сажени. На двух сторонах обелиска будут вставлены мраморные доски с соответствующими надписями. 30 июля в Алексеевске будет произведена закладка собора. На месте закладки епископом Евгением будет отслужена литургия. Генерал-губернатор выезжает в Суражевку 28 июля»³⁰.

«По плану в Алексеевске намечены около городской станции сквер и бульвар. На этом месте растёт крупный березняк, который беспощадно уничтожается: почти со всех берёз снята береста для шалашей железнодорожных рабочих, так что деревья обречены на гибель»³¹.

«24 июля в помещении театра “Синема” в Благовещенске состоялось многолюдное собрание арендаторов усадебных участков в будущем городе Алексеевске. Участников собрания было около 150 человек. Председателем собрания избран И. Т. Копранов, секретарями — Мухин и Бутряков. По открытии собрания представитель переселенческого

23 «Эхо», 7 июня 1912 г.

24 «Эхо», 13 июня 1912 г.

25 «Эхо», 14 июня 1912 г.

26 «Эхо», 30 июня 1912 г.

27 «Эхо», 7 июля 1912 г.

28 «Эхо», 22 июля 1912 г.

29 «Эхо», 25 июля 1912 г.

30 «Эхо», 22 июля 1912 г.

31 «Эхо», 22 июля 1912 г.

управления Рубинский познакомил присутствующих с тем, что в настоящее время сделано, делается и проектируется на месте будущего города. Из его сообщения видно, что в настоящее время там производится расчистка и корчёвка улиц, построено 36 домов и 10 готовятся к постройке, лес на участках охраняется двумя объездчиками, имеется два колодца, но по приказанию генерал-губернатора будет вырыто ещё семь, имеется разрешение на постройку двух народных школ.

После этого сообщения собрание приступило к обсуждению вопросов повестки и вынесло постановление в необходимости возбуждения перед генерал-губернатором следующих ходатайств.

1. Об отнесении начала арендного срока с 1 января 1912 года на 1 января 1913 году, так как в текущем году никто не пользовался участками.

2. Об открытии Жатвенной и Малопёрской лесных дач для пользования алексеевцев (дачи находятся в полутора верстах от будущего города).

3. О предоставлении права выкупа усадебных участков на возможно льготных условиях и по возможности скорее.

4. О продлении срока застройки на пять лет, начиная с 1 января 1913 года.

5. Об обращении на нужды города денег, поступающих за аренду и за выкуп усадебных участков.

6. Об оставлении в Алексеевске эксплуатационного железнодорожного управления и главных мастерских.

7. О разрешении отвода за чертой города, без ограничения в количестве, мест для постройки кирпичных заводов на самых льготных условиях в целях обеспечения строительного периода в Алексеевске дешевым строительным материалом.

Для составления ходатайства и представления генерал-губернатору избрана особая комиссия, которая явится постоянным органом собрания; в круг обязанностей её помимо указанного ходатайства войдёт также осведомление арендаторов о всех новостях об Алексеевске. В комиссию вошли Ротовский, Копранов, Мухин, Журба, Кравчинский, Бутряков и Горохов. Эта комиссия выделит из себя трёх лиц для предоставления ходатайства генерал-губернатору»³².

«Отъезд начальника края в Суражевку назначен на 28 июля. Пароход «Амур», на котором уезжает начальник края, сопровождающие его чины администрации и приглашенные частные лица, уходит в 10 часов. Для не попавших на пароход управлением водных путей даётся другой, с баржей, выходящий вечером 28-го или утром 29-го. Кроме того, управлением ведутся переговоры с пароходоладельцами о спецрейсе одного или нескольких пароходов для поез-

ки частных лиц. Пароходоладельцы, пользуясь случаем, потребовали, чтобы им кроме обычной платы выдали ещё и субсидию в несколько сот рублей»³³.

«Начальник работ по постройке средней части Амурской железной дороги выезжает в Алексеевск на пароходе «Белогор».

Для проезда генерал-губернатора и начальника работ от пристани Суражевки на место закладки города управление Амурской железной дороги высылает в Суражевку два автомобиля»³⁴.

«Депутация алексеевцев 27 июля представлялась начальнику края от арендаторов участков в Алексеевске. Депутация подала ходатайство. Начальник края обещал полное содействие по всем пунктам, за исключением одного — об обращении арендных и за выкуп денег на нужды Алексеевска.

Помимо ходатайства депутация просила выразить Государю в день закладки города Алексеевска верноподданические чувства»³⁵.

«От спецкорреспондента.

30 июля, около 10 часов утра, генерал-губернатор Гондатти с епископом Евгением, военным губернатором и другими начальствующими лицами прибыл на пароходе «Амур» в Суражевку.

Ко времени прихода парохода на пристани собрались представители местных учреждений, суражевского общества и много другого народа. Депутации от суражевцев и торговцев поднесли Гондатти хлеб-соль. С пристани Гондатти в сопровождении начальствующих лиц на автомобиле проехал в Алексеевск, где посетил железнодорожные учреждения, а затем проехал на постройку моста.

Суражевка и железнодорожный посёлок были украшены флагами. По пути следования были устроены арки.

На месте закладки будущего собора с утра была отслужена в походной церкви литургия.

К 11 часам Н. Л. Гондатти подъехал на автомобиле к ст. Суражевка, откуда на специальном поезде, составленном из десяти красиво декорированных зеленью и флагами платформ и прицепленного сзади вагона, отправился в Алексеевск. Вагон занимал Гондатти и сопровождающие его начальствующие лица, на платформах ехала публика. Чтобы перевезти всех желающих, этому составу пришлось ходить три раза. Через 25 минут после отхода поезд остановился среди мелкого леса, являющегося центром будущего Алексеевска. Отсюда генерал-губернатор отправился на автомобиле на место закладки собора. Туда же последовала публика — кто в экипажах, а кто пешком.

33 «Эхо», 28 июля 1912 г.

34 «Эхо», 28 июля 1912 г.

35 «Эхо», 28 июля 1912 г.

По окончании литургии и молебна с водосвятием генерал-губернатор и епископ Евгений положили на месте закладки металлическую доску с надписью, указывающую, что город заложен в честь Наследника Престола Великого князя Алексея Николаевича, собор же — во имя московского митрополита Алексея. Надпись перечисляет и лиц, присутствующих при закладке. Место будущего собора находится на расчищенной слегка возвышенной площадке.

После закладки крестным ходом двинулись на место будущей театральной площади, где находится сооруженный обелиск. Трехтысячная толпа, длинной лентой растянувшаяся по извилистой лесной дороге, представляла живописное зрелище. Процессию сопровождали экипажи и автомобили.

До обелиска генерал-губернатор и духовенство шли пешком, прибыв туда к часу дня. Здесь епископом Евгением отслужен молебен с водосвятием, по окончании которого генерал-губернатором была прибита к обелиску мраморная доска с надписью: «Город Алексеевск с Высочайшаго соизволения заложенъ 30 июля 1912 года».

Затем он провозгласил подхваченное присутствующими «Ура!» в честь наследника Цесаревича. Архиерейский хор тотчас же исполнил гимн «Боже, царя храни!».

Затем Н. Л. Гондатти произнёс речь, в которой, между прочим, обещал сделать для Алексеевска всё, что будет зависеть лично от него.

— Будьте достойными гражданами города, носящего имя Наследника Цесаревича, будьте русскими не только по названию, но и по делам, — так закончил свою речь Н. Л. Гондатти.

После начальника края епископ Евгений пожелал успеха в делах развития города.

После окончания церемонии все присутствующие отправились на место остановки поезда, с которым уехали в Суражевку. Часть публики, не попавшая на поезд, поехала на лошадях и пошла пешком. Этим и закончилось торжество закладки.

Погода стояла прекрасная. Грязи, несмотря на прошедший накануне ливень, совсем не было»³⁶.

«В будущем году в Алексеевске решено первоначально открыть двухклассное училище. Кредит на него, как мы

Обелиск в честь основания города Алексеевска. 30 июля (12 августа) 1912 года.

слышали, уже разрешен. На постройку кафедрального собора и притчевых домов кредит разрешен до 100 000 р.»³⁷.

«В ночь с 5 на 6 июля избили акцизного контролёра П. Г. Шапаренко. В первом часу ночи он вышел с целью поужинать в одной из гостиниц. На углу Миллионной на него напали неизвестные, избили, а потом неизвестно куда скрылись»³⁸.

Август

«Первый день существования Алексеевска стал последним днём самостоятельности Суражевки: 31 июля, после закладки и освящения будущего города, и станция Суражевка была переименована в Алексеевскую»³⁹.

«В день закладки города в Алексеевске присутствовало семь фотографов, в числе которых были профессионалы: два от переселенческого управления, один от управления средней части Амурской железной дороги.

В день торжества закладки Алексеевска некоторые из нынешних обывателей будущего города хорошо торговали квасом, пивом и закусками. Покупателями явились участники торжества. Выручка доходила до 100 р. в день. Лучшие обороты сделали обыватели торгово-промышленной части города.

Коммерсанты-суражевцы очень недовольны своими коллегами-китайцами, поэтому в день приезда генерал-губернатора с ними велись усиленные переговоры о возбуждении перед ним ходатайства о выдворении оттуда всех китайцев.

В Суражевке в магазинах, между которыми имеются также отделения Чурина и Кунста, ко дню торжеств не хватило флаговой материи, настолько великим и неожиданным был спрос на неё»⁴⁰.

«В 1913 году предполагается приступить к устройству скверов в Алексеевске. На ограду сквера на театральной площади, где помещается обелиск, переселенческое управление испрашивает кредит 2000 р., кроме того, на ограду двух садов в другом месте — 6500 р.

В текущем году предполагается приступить к постройке деревянного храма в Алексеевске, на что переселенческим управлением отпускается 10 000 р. из 30 000 р., предназначенных на постройку каменного храма»⁴¹.

«Из арендаторов участков в Алексеевске по настоящее время заключили контракты в Благовещенске 427 человек, в Хабаровске около 50, а всего 477, т. е. 1/3. Всего сдан 1541 участок»⁴².

Новый город рос стремительно и, как это всегда бывает, инфраструктура за темпами развития не поспевала.

Одной из проблем было водоснабжение. Большая часть города черпала воду из так называемых переселенческих колодцев, но они были «маломощными». Как тогда мрачно шутили, из этих колодцев бочку воды можно достать не раньше, чем в случае пожара сгорит самый большой дом в Алексеевске.

Ещё в 1911 году проектировщики сразу же обратили внимание на отсутствие хорошей воды: речка Жалун слишком маловодна, до Зеи — три-пять вёрст (верста — 1,06 км), «водовозами возить дорого и неудобно». Значит, нужны колодцы. Исследовать почвы было поручено инженеру-гидротехнику Стакле. Под его руководством вырыли в разных местах два колодца глубиной около 20 саженей (рытьё одного колодца стоило около 2500 руб.!). На том исследования временно прекратились.

В феврале 1912 года проводились исследования почвенных вод на месте будущего города Алексеевска. Было пробито два колодца, один в более возвышенной местности, прилегающей к заболоченной части городских земель. Вода во втором оказалась прозрачной, хорошего качества и вполне пригодной для питья на глубине 10–12 саженей. В первом колодце на такой же глубине вода оказалась мутной.

В 1912 году один из первых засельщиков и, по сведениям свободненского краеведа Ю. А. Тарасова, первый городской голова г. Свободного Е. А. Данилов, очевидно, очень состоятельный человек, имел собственную электростанцию. Он же оборудовал первую в городе водокачку и снабдил её электромотором. «Свою воду» Е. А. Данилов предоставлял населению бесплатно.

«Суражевский мост. Пока идут приготовительные работы: заготовка материала, сборка и установка машин, постройка барачков для жилья служащих и рабочих контор. Прибыли кое-какие части кессонов, сами кессоны ожидаются осенью. Сейчас приступили к рытью котлована для берегового устоя на стороне Суражевки. Мост находится от Суражевки в 3,5 верстах, по реке Зеи ниже. Заканчивается укладка рельсов между Суражевкой и мостом. Со стороны Введенки перед мостом сооружается громадная насыпь, со стороны Суражевки также есть насыпь, но значительно ниже. У моста образовался посёлок из зданий, выстроенных строителями моста. В середине июля открылась частная лавочка, в скором времени здесь открывается отделение торгового дома «Кунст и Альберс», строящее собственное здание. Сейчас рабочих около 300, с началом кессонных работ ожидается, что их будет около 1500, наём будет производиться в крае. Специалисты для кессонных работ уже приглашены и находятся на месте. Окончание постройки моста ожидается в мае 1914 года»⁴³.

37 «Эхо», 26 июля 1912 г.

38 «Эхо», 12 июля 1912 г.

39 «Эхо», 2 авг. 1912 г.

40 «Эхо», 3 авг. 1912 г.

41 «Эхо», 4 авг. 1912 г.

42 «Эхо», 5 авг. 1912 г.

43 «Эхо», 7 авг. 1912 г.

«Станция Суражевка — Алексеевск производит впечатление станции, которая уже находится в эксплуатации. Станция имеет три пути, по которым движутся поезда (балластные), на путях кое-где видны рабочие с флагами, очевидно, стрелочники, появляются кондукторы, жандармы, начальника станции видать не пришлось. Вдоль пути ряд железнодорожных вполне законченных домов, в них помещаются конторы, больницы, квартиры служащих, за заборами видны коровы, куры, дети»⁴⁴.

«В окрестностях Алексеевска найдены залежи высокого качества материалов, употребляемых для выделки стекла. По слухам, находятся предприниматели для оборудования там стеклянного завода»⁴⁵.

«Домостроительство в Алексеевске развивается. За последние три недели выстроено до 30 новых домов в разных частях будущего города. Появились пекарни и бакалейные лавки. Интерес к Алексеевску все больше проявляют харбинцы»⁴⁶.

Сентябрь

«Советом общества попечения о начальном народном образовании приобретено и отправлено в школу в Суражевке 30 парт системы Эрисмана. Преимущества этой системы в сравнении с существующими заключается в том, что ученик во все время занятий сохраняет самое удобное для своего организма положение. Парты эти обошлись около 9 рублей каждая, тогда как заказываемые раньше, прежних систем, стоили на несколько рублей дороже. Такие же парты введены в реальном училище (в Благовещенске) и постепенно начинают вводиться в городских школах»⁴⁷.

«Суражевское волостное правление по постановлению Амурского областного по крестьянским делам присутствия перенесено в с. Троицкое и будет именоваться Троицким волостным правлением»⁴⁸.

«Я имел в Суражевке на базарной площади дом, который 11 июля сгорел. Суражевское, ныне Алексеевское, общество вошло в моё бедное положение, подарило мне годовую арендную плату в сумме 165 р., за что приношу великую благодарность Алексеевскому сельскому обществу. С почтением, Сумишевский»⁴⁹.

«Заключено контрактов на аренду усадеб в Алексеевске на 11 сентября в Благовещенске 506, в Хабаровске — 79, внесено на мелиорацию города в Благовещенске 28 632 р., в Хабаровске — 5812 р. Арендной платы в Благовещенске

внесено 25 338 р., о Хабаровске сведений нет. Из числа заключённых в Благовещенске два участка — в фабрично-заводской части, 36 — в торгово-промышленной, остальные — в обывательской части обоих разрядов.

Постройка в Алексеевском поселке (Суражевка) при переселенческом пункте зданий для больницы и детского приюта окончена. На днях из Благовещенска выехала комиссия для приёмки»⁵⁰.

«В настоящее время в Алексеевске построено 37 домов, живёт 60 семей, часть семей ютится в палатках. Переселенческое управление просило об оставлении в Алексеевске двух лесных объездчиков. В помощь приставу нанимается ещё два стражника на оклад 40 р. при казённом обмундировании. Всего стражников будет три. Железная дорога приступает к постройке зданий казначейства и почты»⁵¹.

«В настоящее время в Алексеевске насчитывается детей школьного возраста 39: 21 мальчик, 18 девочек. С 1 октября предполагается открыть школу. Временно, до постройки здания, школа будет находиться в наёмном помещении»⁵².

«Алексеевск. 20 сентября артелью рабочих рядчика Балашова генерал-губернатору отправлена депеша. «Хабаровск. Его высокопревосходительству начальнику края Гондатти. Мы, рабочие, более 50-ти, 6-го участка средней части Амурской железной дороги рядчика Балашова просим заступничества вашего распоряжением дороги немедленно нас рассчитать согласно списков и книжек. Больше двух месяцев рядчику денег не выдают. Положение крайне тяжелое. Сами раздеты, голодны, семьи тоже. Ради Бога заступитесь. Живём в поселке Алексеевском. За всех и за себя Семён Матвеевский и Семён Казаков».

Работали рабочие на земляных работах на 37-й версте от Алексеевска. Две недели как ушли с места работ, потому что провизии Балашов не мог им доставить в нужном количестве. Износились, терпят нужду, особенно те, кто с семьями.

Вот уже три недели ждут полочки, но их не рассчитывают. Даже не говорят почему. Рабочие хотят поговорить с начальником участка Елфимовым, но тот избегает встречи с ними. Посылают жандарма к начальнику. Уступая просьбам, идёт в канцелярию, но, боясь беспокоить Елфимова, прячется в прихожей за дверями и не выходит к рабочим. Доведенные рабочие самовольно забираются в канцелярию, но оттуда их выпроваживают солдаты.

Согласно спискам и расчетным книжкам, рабочим следует получить около 4000 р.»⁵³.

44 «Эхо», 8 авг. 1912 г.

45 «Эхо», 21 авг. 1912 г.

46 «Эхо», 23 авг. 1912 г.

47 «Эхо», 3 сент. 1912 г.

48 «Эхо», 4 сент. 1912 г.

49 «Эхо», 5 сент. 1912 г.

50 «Эхо», 12 сент. 1912 г.

51 «Эхо», 14 сент. 1912 г.

52 «Эхо», 16 сент. 1912 г.

53 «Эхо», 28 сент. 1912 г.

Октябрь

«Строевой лес, получающийся после корчёвки леса, по распоряжению переселенческого управления будет обращен на постройку колодцев и другие работы и продаваться не будет, дровяной лес лесничему поручено продать»⁵⁴.

«1 октября после молебна в Алексеевске открыта двухклассная школа. Изъявило желание учиться 53 человека. Горожане обратились с просьбой через переселенческое управление о наименовании школы в честь начальника края Гондаттьевской»⁵⁵.

«28 августа в Суражевке состоялась закладка правого берегового устоя Суражевского моста. Кессонные части уже все получены, так что работа по постройке моста пойдёт полным ходом в зиму. В ноябре предполагают начать опускать один кессон. На работах будет занято около 500 человек. Организацию постройки моста называют образцовой»⁵⁶.

«Из Суражевки до Черняево и Джалинды совершается три раза в неделю автобусное движение. Из Суражевки автобусы выходят по понедельникам, средам и пятницам в 8 утра»⁵⁷.

«В Алексеевске в настоящее время выкорчевано более 60 вёрст, устроен взвоз с мостом, произведена балластировка и планировка некоторых улиц. 17 октября приступили к постройке церкви»⁵⁸.

«Жители Алексеевска просят разрешить им открыть в городе базар по воскресеньям. Наиболее подходящим местом является Театральная площадь. Переселенческое управление высказало согласие, как на открытие базара, так и на разрешение бесплатно устроить временные лавочки с условием убрать таковые по первому требованию»⁵⁹.

«Подрядчик Зорин возбудил перед военным губернатором жалобу на комитет по постройке в Алексеевске церкви за то, что тот отдал постройку церкви некоему Баранову без торгов за 17 150 р., тогда как артель Зорина соглашалась за 15 500 р. Зорин ходатайствует о назначении торгов. По справкам оказывается, что церковь строится на общественные деньги»⁶⁰.

«На днях вышла из печати книга инженера Булгакова "Город Алексеевск". Книга издана великолепно и украшена многими картами и чертежами»⁶¹.

Ноябрь

«К сведению алексеевцев. Срок заключения контрактов на аренду участков в Алексеевске продлен до 1 декабря.

Эта отсрочка последняя. Лица, приобретшие участки, но не заключившие к 1 декабря контрактов, потеряют право на участки»⁶².

«Из 5000 отпущенных казною на постройку суражевского училища в настоящее время не досчитываются 508 р. Упорно говорят, что их присвоил один из членов комиссии недавно скрывшийся из Суражевки»⁶³.

«На днях у правого берега Зеи близ Суражевки произведена закладка второго кессона для постройки железнодорожного моста. Рабочих больше 200. Продолжается наёмка. Плата повышенная.

Хотя Суражевка/Алексеевск сильно разросся и насчитывает 10–12 тысяч жителей, в ней до сих пор нет церкви, хотя по словам жителей в ней чувствуется настоятельная нужда. До последнего времени богослужения совершались в министерском училище. Лишь с конца нынешнего лета для молений было отведено особое здание, принадлежащее переселенческому управлению. Но здание крайне мало, вмещает не более 150 человек. Молящихся же каждый праздник 300–350 чел. Разумеется происходит невообразимая давка. Заложённая месяц назад церковь будет готова в феврале будущего года.

В Суражевском двухклассном училище предложено ввести уроки ручного труда. Вопрос о том, какую сумму общество могло бы ассигновать на ремесленный класс, пока не обсуждался»⁶⁴.

«В феврале ещё из представителей местной интеллигенции и купечества было устроено собрание, на котором решено открыть клуб в Суражевке. Были пожертвования, платились членские взносы, ставились спектакли в пользу будущего собрания. Денег теперь имеется около 2000 р.

Интеллигенты задались целью к осени устроить свое здание, обставить его как следует, устроить в нём библиотеку, но скоро они охладели к своему детищу. Собрания теперь стали крайне редки. Публика на собрания ходит очень вяло. Вот и осень пришла, а ни здания, ни библиотеки нет, даже устава не выработано»⁶⁵.

«С осени нынешнего года в Алексеевске образовался новый кружок любителей сценического искусства, которым ставятся спектакли в помещении электро-театра-кино под режиссёрством Шелестова. Кроме него есть в Алексеевске старый кружок, режиссёром которого состоит Томский. Сборы от спектаклей старого кружка идут в пользу будущего общественного собрания»⁶⁶.

54 «Эхо», 4 окт. 1912 г.

55 «Эхо», 4 окт. 1912 г.

56 «Эхо», 6 окт. 1912 г.

57 «Эхо», 6 окт. 1912 г.

58 «Эхо», 19 окт. 1912 г.

59 «Эхо», 24 окт. 1912 г.

60 «Эхо», 25 окт. 1912 г.

61 «Эхо», 31 окт. 1912 г.

62 «Эхо», 1 нояб. 1912 г.

63 «Эхо», 2 нояб. 1912 г.

64 «Эхо», 12 нояб. 1912 г.

65 «Эхо», 21 нояб. 1912 г.

66 «Эхо», 21 нояб. 1912 г.

«Желая взять участок в Алексеевске, я решил проехать и посмотреть, что из себя представляет эта местность, что в ней на настоящее время и на что можно надеяться.

Зимним путём от Благовещенска до Суражевки 135 вёрст, причём большую часть пути приходится проезжать по Зее и лишь 39 вёрст берегом или, как говорят возчики, лугом. Самую дорогу, не считая ночёвок, а только дневные остановки, можно сделать в 19 часов на долгих, а потому, чтобы иметь в пути только одну ночёвку, надо выезжать из Благовещенска рано утром.

Останавливаться приходится по приезде в Суражевку на берегу Зеи в 7–8 верстах от будущего Алексеевска.

По официальным сведениям, Суражевка входит в состав города и переселенческое управление даже продаёт в ней участки, но сами суражевцы категорически отрицают своё слияние и данное сходом согласие толкуют только как согласие на обмен земельных наделов, отходящих городу, на другие.

Не бывшие в Суражевке год не могут узнать этого селения. Несмотря на то, что сейчас зима и во всех делах затишье, в Суражевке нельзя найти квартиры и на улицах масса народа, снующего взад и вперёд, базар торгует бойко, на постоянных дворах оживление.

В Суражевке две прекрасно оборудованных мельницы с лесопилками, одна Алексеевского товарищества, другая — торгового дома «В. П. Ключев». Затем громадный казённый склад, заканчивающий оборудование своей лесопилки.

Последний планирует отпускать не только круглый и распиловочный лес, но и целые дома, построенные по нескольким выработанным типам, а также по планам заказчиков. Заведующий заготовками Крюгер планирует открыть казённую мастерскую по изготовлению мебели.

С кирпичом проблемы. Дубовка, место, где до недавнего времени концентрировались кирпичные заводы, истощается, и теперь кирпич плох — он содержит много гальки, благодаря чему непригоден для обделки, плохо подвергается обжигу и легко растворяется в воде.

Кирпич продаётся на заводах рублей по 18 тысяча, с доставкой 25–26 р. Благовещенск обслуживают 15 кирпичных заводов, для Алексеевска при строительной горячке четырёх заводов едва хватит для снабжения печей на постройках, а не целых кирпичных построек.

Переселенческому управлению надо бы отвести участки под кирзаводы возможно ближе к городу, провести проезжие от них дороги, сделать надлежащие объявления.

Рабочие руки в данное время в Суражевке очень дешевы. Постройки в Суражевке и на станции приканчиваются, артелей без работы очень много, и они охотно берутся за постройку одноэтажных домов по 35 р. за квадрат. Подённю плотника можно нанять за 2 р., чернорабочего за 1 р. 30 к. Не то будет летом.

Как слышно, железнодорожники так нарвались с привозом рабочих из России, что в будущем году этот опыт повторять не собираются. Брать на работы арестантов они тоже не склонны, хотя, говорят, на западном участке Амурской железной дороги подрядчики довольны продуктивностью труда арестантов.

Следовательно, всё, что будет летом, всё будет занято на дороге, и для нужд частного строительства в Алексеевске останутся китайцы, но вопрос о допуске китайцев на работы стоит открытым.

Алексеевск будет вызван к жизни только если в нём будет находиться управление дороги. До тех пор говорить о затратах частных лиц на постройки не приходится, так как поселившимся в Алексеевске нечем будет существовать.

По мнению моих собеседников, желательно теперь же, чтобы были построены мастерские, рассчитанные на 2000 мастеровых. Необходимо официально сообщить, будут ли допускаться китайские рабочие. Необходимо сообщить, в каком виде будет введено городское самоуправление. Необходимо теперь же решить вопрос о средних учебных заведениях. Масса засельщиков обучает детей в средних учебных заведениях и жить на два дома или отдавать детей в чужие руки для многих непосильная тягота. Ребёнок дома стоит 200 р. в год, а в чужой семье приходится на одного ребёнка считать лишних 300 р. в год.

Засельщики предлагают переселенческому управлению сделать анкету между засельщиками, которые с 1 января 1913 года заключают контракты, и выяснить количество детей, которых можно иметь в учебных заведениях к будущему году по роду заведения и классу. Засельщики считают, что могли бы в первые 2–3 года вносить усиленную плату, лишь бы не разбивать семьи.

Алексеевск расположен на гористой площадке, слегка волнистой. Через небольшую часть города проходит глаголем Николаевский проспект, раскорчеванный, очищенный и даже, по словам жителей, слегка забалластированный.

Торгово-промышленная часть и половина первого обывательского разряда расположены на бывших пашнях суражевцев и в раскорчёвке не нуждаются, та же часть первого обывательского разряда, которая лежит за полотном железной дороги, в раскорчёвке участков нуждается. На этих участках редкий березняк и дубняк, годные на дрова.

Улицы здесь раскорчёваны, но не трассированы, говорят, что трассировка будет проводиться в 1913 году, местность глухая. Застроено всего 90 участков, в подавляющем большинстве — в первом разряде, где жизнь начинается значительно раньше, чем в торгово-промышленной части.

Центром города в первые годы надо считать школу. В городе есть одна школа, где обучается 80 детей.

Сообщение с Суражевской пристанью прекрасное: времянка железной дороги, прорезающей город посередине, и переселенческой Черниговской дороги, огибающей город с восточной стороны, причём с этой дороги в город устроены два очень хороших подъёма в город, в обывательский район»⁶⁷.

«В трудах Амурской экспедиции (вып. 2, том 6) опубликован текст приговора суражевцев. Пункт 2 этого приговора: “Мы, селяне суражевского сельского общества, уступая вышеозначенную площадь из своего надела, изъявляем согласие на включение наших усадебных мест в черту городской селитьбенной площади города Алексеевска, но с оставлением нас в крестьянском сословии”. Суражевцы, составляя самостоятельное крестьянское общество и не участвуя в будущем городском самоуправлении, как входящие в черту городской оседлости обязаны нести городские повинности и исполнять обязательные постановления городского самоуправления. Такое положение не является новостью: в Никольске-Уссурийском большая половина главной улицы занята крестьянами Никольского крестьянского общества, имеющего свое сельское управление.

О положении дел в самом городе мы получили сведения от помощника заведующего переселенческими делами Рубинского.

Вот, что сделано в Алексеевске к 1 ноября.

1. Раскорчёвано улиц 110 вёрст (до 150 десятин), т. е. вся нагорная часть, кроме юго-западных кварталов, где сдана в аренду пока только одна усадьба.

2. Переезд с мостом через болотистую падь, отделяющую вторую часть от первой.

3. Два взвоза в город со стороны Черниговской дороги, один на 5-й версте по дороге от Суражевки в Черниговку, другой — у моста через Жалун.

4. Дорога к кладбищу.

5. Вырыто девять колодцев для общественного пользования: два в 1911 году инженером Стакле, семь — ныне осенью инженером переселенческого управления Чарнецким. Из последних три колодца самых глубоких оборудуются насосами с баками по 200 вёдер каждый. В квартире, занятой под школу, переселенческое управление за счёт владельца дома устроило насос в кухне дома.

6. Произведено изыскание канализации города, а также буровые изыскания на воду.

7. 20 ноября приступлено к постройке двухклассной школы на 150 учащихся.

8. Строятся два обширных здания почтово-телеграфной конторы и квартиры служащих.

На 1913 год В. И. Рубинский представил свои соображения генерал-губернатору. В первую очередь, он считает,

необходимо устроить пристань, летний барак у пристани для пассажиров и грузов, эстакаду длиной до 40 сажень, в противопожарных целях — пруд в болотистой части, построить здание для общественного управления и пожарной каланчи с пожарным обозом и бараками для команды, соединить телефоном старую и новую пристани с пожарной каланчой, шоссировать полотно главной улицы, а также сырые улицы города около будущего пассажирского вокзала.

Весной предполагается приступить к заготовке строительного материала для собора.

В. И. Рубинский высказался за открытие в будущем году мужской и женской прогимназий и учительской семинарии»⁶⁸.

«Министр путей сообщения изъявил согласие на устройство управления Амурской железной дороги в Алексеевске»⁶⁹.

«Деятельность нашего пристава Крамера заслуживает того, чтобы о ней сказали пару слов. Господин Крамер не любит канцелярщины. Это было бы хорошо, но Крамер не любит только один вид канцелярских бумаг — квитанции в приёме денег от разных просителей.

13 октября пристав Крамер выдал за 3 р. 15 к. рабочему Строилову на 6 месяцев временный вид за № 176. Квитанции в приёме денег пристав не дал.

Таких случаев десятки. Кроме того, пристав заставляет давать ему лошадей и отправляет на них частных лиц по своим личным делам. Об этом алексеевским поселковым обществом подана жалоба заведующему 8-м крестьянским участком Гулюку.

Задерживает исполнительные листы или даже отказывается принять их, если ему не заплатят. Утром 10 ноября в канцелярию пристава пришла Киснерович с исполнительным листом, выданным мировым судьёй в обеспечение иска к Амуро-Зейскому горно-известковому товариществу в 500 р. денег, которые будут выручены 11 ноября от продажи имущества товарищества. Крамер изрёк следующее: “Уплатите мне 5 рублей 10 копеек. Пока не заплатите, я не дам дохода вашему исполнительному листу”. После категорического заявления просительнице пришлось заплатить. На просьбы выдать квитанцию Крамер ответил: “Я не обязан выдавать квитанций в получении денег, следуемых мне за труды”.

— А в получении исполнительного листа вы дадите мне квитанции?

Такая квитанция была выдана, но она написана писцом и на клочке бумаги. Подписи пристава на ней не имеется. Следовательно, квитанция эта не может иметь значения юридического документа.

68 «Эхо», 27 нояб. 1912 г.

69 «Эхо», 29 нояб. 1912 г.

67 «Эхо», 24 нояб. 1912 г.

Спрашивается, за какие труды пристав получит 5 р. 10 к.? Ему как исполняющему обязанности судебного пристава полагается получать вознаграждение по завершении торгов. Как он мог потребовать себе плату за действия, которых не совершал? Торги могли быть отменены. Как тогда быть просительнице? Может она рассчитывать на получение своих 5 р. 10 к. от пристава Крамера, если у неё не имеется никакой квитанции? И кто может поручиться, что в день торгов Крамер с просительницы не потребует вторые 5 р. 10 к.? Ведь об этом так легко забыть. Допустимо ли законом, который пристав Крамер призван охранять, такое издевательство над просителями?»⁷⁰.

Декабрь

«На 4 декабря по Алексеевску числилось заключённых контрактов на аренду участков 885, из них 776 — в Благовещенске, 109 — в Хабаровске. Есть ещё около 40 заявлений о желаниии арендовать участки. Без торгов сдано 143 участка»⁷¹.

29 декабря 1912 года в зале благовещенской городской думы прошло общее собрание засельщиков Алексеевска. Обсуждали насущные вопросы.

1. О предоставлении засельщикам, заключившим арендные условия до 21 февраля 1913 года, права выкупа участков в собственность по спроектированной переселенческим управлением плате и с рассрочкой платежа.

2. О предоставлении всех остальных участков и угодий, кроме занятых под казённые учреждения и надобности железной дороги, в собственность города.

3. О предоставлении всех арендных взносов, как уже поступивших, так и тех, которые должны поступить до перехода земли в собственность арендаторов и города, в долгосрочную и беспроцентную ссуду на учреждение городского общественного банка, необходимого теперь же для правильного и скорейшего развития города.

4. Об образовании ссудосберегательного товарищества.

5. О введении самоуправления.

6. Об увеличении числа членов комитета до 20.

7. О принятии участия в предстоящем торжестве 300-летия царствующего дома.

По данным на 10 декабря 1912 года арендаторами Алексеевска стали (по сословиям): купцы благовещенские — 12, мещане благовещенские — 129, мещане владивостокские — 6, мещане других городов — 231, крестьяне Амурской области — 125, крестьяне Приморской области — 59, крестьяне Вятской губернии — 36, крестьяне Орловской губернии — 10, крестьяне Казанской губернии — 12, крестьяне прочих губерний — 346, чиновники — 43, дворяне — 16. Всего 890 человек⁷².

Таблица. Постройки в городе Алексеевске (на 20 декабря 1912 г.)⁷³

	Возведено	Возводится
Мещанами Благовещенска	22	
Мещанами Владивостока	1	
Прочими мещанами	5	
Крестьянами Амурской области	15	2
Крестьянами Приморской области	2	4
Крестьянами Вятской губернии	6	1
Крестьянами Казанской губернии	2	
Прочими крестьянами	29	4
Дворянами	4	1
Всего	86	12

«Возбуждено ходатайство перед военным губернатором области об утверждении устава общественного собрания в Алексеевске (Суражевке)»⁷⁴.

«Любительский концерт удался на славу и привлёк массу публики. На концерт приезжали не только жители окрестных деревень, но и из далёких медвежьих углов. Программа обычная — пение, декламация, музыка. В заключение серпантин конфетти и летучая почта.

Бюро аплодисментов вызвало исполнение арии Лизы из «Пиковой дамы» артистки Панченко-Галицкой. Из декламации особенно понравилось «Письмо с востока». Павленко, читавшая его, обладает незаурядным талантом рассказчицы. Разумову, красиво исполнившему на скрипке анданте, были поднесены цветы. Билеты были распроданы почти все. Сбор дал более 500 р. Деньги пошли в пользу детского железнодорожного приюта.

Концерты в Алексеевске — новинка. Пение и музыка у нас не в авантаже. Публика льстит себя надеждой, что устроители не ограничатся одним концертом и в ближайшем будущем дадут другой. Сбор от концерта: за билеты 500 р., от торговли шампанским и прочим 500 р., всего около 1000 р.»⁷⁵.

«С первыми вестями о прелестях жизни в Алексеевске сюда хлынули купцы и купчики. Началась усиленная погоня за покупателем, на первых порах довольно удачная. Но вот наступила зима. Рабочий люд схлынул. Остались только чиновники, люди неопределённых профессий да десяток-другой местных домовладельцев. Стало купцов более, чем покупателей. И начала торговля прогорать. Работают только крупные фирмы Чурина, Кунста, Скоблина. Но и на их фирмах сказался ажиотаж первых дней торговли в новом

70 «Эхо», 30 нояб. 1912 г.

71 «Эхо», 6 дек. 1912 г.

72 «Эхо», 30 дек. 1912 г.

73 «Эхо», 23 дек. 1912 г.

74 «Эхо», 12 дек. 1912 г.

75 «Эхо», 15 дек. 1912 г.

городе. Двинули эти фирмы в Алексеевск товару побольше, а качеством похуже в надежде на луженый русский желудок. Вся заваль и гниль, неизбежная в пакагазах крупной фирмы, поплыла по Зее в новый город. Луженый желудок в большинстве случаев оправдывает свою репутацию, но иногда пасует перед деликатесами. Национальный амурский деликатес икра кетовая особенно даёт чувствовать справедливость поговорки “Ты со мной дружи, но слабительное поближе держи”.

В разное время, поев икры, купленной в местном “Мюр и Мерилиз” — “Чурин” — заболели доктор Николаев, две служанки, зав. казённым винным складом, механик Обухов и другие. Служанки, очевидно, основательно налегали на икру, так что пришлось их отправить в больницу. Рядчик Гвелисиани купил бочку рыбы для рабочих. Хорошо, вмешался железнодорожный жандарм и приказал всю бочку уничтожить: там уха — всё развалилось, лишь рыбы косточки целы. Мировым судьей Гвелисиани был оштрафован на 25 р.

Так обстоит дело в крупной фирме. Что можно ожидать от мелких торговцев? Города ещё нет, а санитарная комиссия уже необходима»⁷⁶.

«Суражевское одноклассное училище преобразовано в двухклассное. На расширение старого школьного здания от казны ассигновано 5000 р. Деньги ещё в апреле были выданы Гулюку, заведующему суражевским подрайоном, для передачи суражевскому обществу.

Тогда же суражевское общество обратилось к старшему технику переселенческого управления Вальдесу с просьбой составить план для училища. Вальдес затянул, а данный ему план старого училища затерял. В начале мая по предложению Рубинского был сделан обмер училища. Но плана, который настойчиво просили суражевцы у переселенческого управления, опять-таки не дали. Неизвестно почему, но дело с планом будущего училища не продвигалось вперёд.

И только в первых числах августа инженер переселенческого управления Вахмин предложил суражевскому обществу начерченный им план школьного здания на пять комплектов. Говорят, он был настолько неудовлетворителен, что суражевцы от него отказались. Тогда старший техник переселенческого управления Антонов предложил им план существующего теперь училища, состоящего из двух классов. Крестьянские уполномоченные, хотя и были недовольны этим планом, приняли его, чтобы не оттягивать и без того затянувшуюся постройку. Было уже 7 августа. С такой капитальной постройкой, какой является школа, спешить, конечно, не следует.

Все капитальные сооружения, особенно казённые, строят, как известно, всегда по отдельно разработанным

планам и смете. Не то мы видим в данном случае. Хотя технический надзор и был представлен в лице техника Антонова, но сметы выработано не было. Не имелось даже чертежа. Постройка началась по грубому наброску, состряпанному техником Антоновым на клочке бумажки. Только впоследствии появился чертёж, да и тот своей неразработанностью немало вызвал недоразумений у строителей с плотниками.

Условия, заключённые уполномоченными с плотниками, также поражают своей крайней неудовлетворительностью. Вместо того, чтобы точно оговорить все свои желания, уполномоченные в условии написали лишь “Плотники обязаны сделать всё, что понадобится”. Такой пункт в договоре породил немало недоразумений. Но центр тяжести не в этом.

Главные уполномоченные и техник Антонов упустили из виду, что училище будет состоять из трёх комплектов. Говорят, крестьяне заявляли технику Антонову, что следует строить трёхкомплектную школу, но будто бы он не принял их заявление во внимание.

Я не знаю, правда ли это. Склонен думать, что и техник Антонов, и уполномоченные смотрели на свои обязанности как на лишнюю обузу. Если бы техник вздумал узнать, какая должна была быть школа — двух- или трёхкомплектная — он мог бы это узнать у Гулюка.

С другой стороны, если бы уполномоченные могли настоять на своём требовании, могли бы сделать, просто заявив его технику: “Нам отпущены деньги от казны на постройку трёхкомплектного училища, поэтому мы и должны строить три класса”. Как бы там ни было, а про третий класс забыли. Зато не забыли построить клозет-люфт. Это детище Антонова. Оборудование его стоит больше 500 р. На эти деньги, по мнению знатоков строительного дела, можно было построить помещение для третьего комплекта. Клозет помещается в коридоре рядом с первым классом (через 1 аршин). Хотя он отапливается печкой и имеет вытяжные трубы, но в коридоре стоит амбре от аммиака.

Как Гулюк, так и Рубинский, помощник заведующего переселенческим делом по Амурской области, признали, что люфт-клозет поставлен не на месте и что от него всегда будет проистекать аромат и в коридор, и в классы. Правда, Антонов ручался и ручается за свой клозет. Вот буквально его слова в разговоре с Рубинским: “Если запах от клозета будет переходить в коридор, то я берусь перестроить его за свой счёт”. Это, конечно, одни фразы. Ничего перестраивать он не будет. Допустим даже, построит новый, лучший, а как же помещение для третьего класса?

Курьёзнее всего, что техник перед приёмной комиссией заявил, что не знал, что суражевское училище — трёхкомплектное. На что Гулюк сказал, что об этом можно было узнать в канцелярии Суражевского подрайона. И члены строительного комитета не выполнили своих обязательств.

76 «Эхо», 15 дек. 1912 г.

Мало что они оказались нестойкими и проявили крайнюю индифферентность к школьным интересам, крестьянин один из них, Рыжик, в сентябре, не сдав никому дела, уехал в Европейскую Россию якобы по срочным делам. На руках у него было 508 рублей казённых денег. Недостача этих денег затормозила стройку. Так, предполагалось обнести училище оградой. Теперь этого не сделано. Долгое время в

школе не было парт и досок для 2-го класса. Сейчас имеется три учителя»⁷⁷.

...Через четыре года в Алексеевске было уже 1500 построенных усадеб. Отчего такой стремительный рост? Дело в том, что в 1914 году открылось регулярное движение по Амурской железной дороге и в новый город было переведено её управление.

Список использованных источников

1. Эхо : [ежеднев. большая обществ.-полит. и лит. газ.] / ред.-изд. А. М. Бродовиков. — Благовещенск, Амурская область, 1911.
2. Эхо : [ежеднев. большая обществ.-полит. и лит. газ.] / ред.-изд. А. М. Бродовиков. — Благовещенск, Амурская область, 1912.

Фотографии предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 11.09.2023.

Сведения об авторе: Кобзарь Валентина Петровна, член Союза журналистов России, Союза российских писателей, Русского географического общества; лауреат литературной премии имени Л. Завальнюка (Благовещенск, 2019 г.), лауреат премии губернатора Амурской области в области литературы (Благовещенск, 2021 г., 2022 г.), номинант общероссийской литературной премии «Дальний Восток» имени В. К. Арсеньева (Москва, 2022 г.); автор статей, очерков и книг по краеведению; сертифицированный экскурсовод. Контактные данные: e-mail: acpress@mail.ru.

УРМАНОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

«ДУЛЕТНО И ТЕМНО...»: СЛОВОТВОРЧЕСТВО И СТИЛИЗАЦИЯ КАК ФОРМЫ СОЗДАНИЯ ИРОНИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В СТИХОТВОРНОЙ САТИРЕ ФЁДОРА ЧУДАКОВА

Статья обращена к творчеству Фёдора Ивановича Чудакова (1888–1918 гг.), одного из самых талантливых российских сатириков начала XX века. Анализируется стихотворная сатира, посвящённая одному из видных общественных деятелей Приамурья предреволюционного десятилетия — гласному городской думы Благовещенска Дмитрию Васильевичу Дулетову (1870–1919 гг.). Основное внимание уделяется используемым автором в сатирических и иронических целях стилизации и словотворчеству.

Ключевые слова: литература Серебряного века, Фёдор Чудаков, стихотворная сатира, ирония, словотворчество, стилизация.

Keywords: Silver Age literature, Fedor Chudakov, poetic satire, irony, word creation, stylisation.

К 165-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОБРАЗОВАНИЯ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Фёдор Иванович Чудаков (1888–1918 гг.) — один из наиболее ярких сатириков Серебряного века, журналист, поэт, прозаик, драматург, фельетонист, печатавшийся в амурской периодике под псевдонимами Амурец, Босьяк, Гусляр, Язва и т. д. После трагического ухода самого талантливого писателя Приамурья дореволюционного и революционного времени в течение почти века не было напечатано ни одной его строки. Возвращение художественного наследия Чудакова в современное культурное пространство началось сравнительно недавно — с выхода в 2016 и 2019 годах двух изданий его произведений: однотомного во Владивостоке [14] и двухтомного в Москве [13].

Среди стихотворных фельетонов Чудакова, вызывавших наибольший общественный резонанс, выделяются сплотки произведений, в которых он на протяжении без

Ф. И. Чудаков за работой в редакции газеты «Эхо». Середина 1910-х годов.

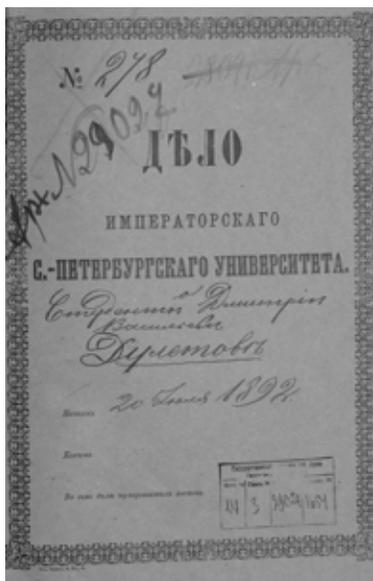
Сотрудники благовещенских газет начала XX века (слева направо): Александр Хворов, Фёдор Чудаков, Фёдор Харитонов, Георгий Артюхов, Валериан Раевский, Евгений Александров, Пётр Спицын, Михаил Поздняков. 11 апреля 1910 или 1911 года.

малого десятилетия (в Благовещенске Амурец провёл треть своей короткой жизни — с октября 1908 по март 1918 г.) раз за разом рисовал образ одного и того же деятеля общенационального (Гучков, Илиодор, Милюков, Пуришкевич, Распутин) или регионального масштаба. Каждый подобный ряд произведений, рассмотренных в хронологической последовательности, даёт наглядное представление о творческом становлении писателя, о трансформации его взглядов, об эволюции его эстетической системы.

В числе общественных деятелей Приамурья, с завидным постоянством попадавших в поле зрения Ф. Чудакова-

Однотомное (Владивосток, 2016 г.) и двухтомное (Москва, 2019 г.) издания избранных произведений Ф. Чудакова.

Обложка личного дела студента юридического факультета Санкт-Петербургского университета Дмитрия Дулетова.

Особенно выделяется гласный Благовещенской городской думы Дмитрий Дулетов.

Что ныне известно о человеке, имя которого чуть более века назад не сходило со страниц амурской периодики, о той роли, которую он играл в общественной жизни города?

Буквально до сегодняшнего дня доамурский период его жизни представлял почти сплошное белое пятно. Не были точно известны год и место его рождения, весьма смутными, существенно неполными были представления о его семье, о том, где, когда и какое образование он получил. Неизвестен был даже его внешний облик. Ситуация изменилась, когда нам удалось разыскать его личное дело периода учёбы в Императорском Санкт-Петербургском университете. Находящиеся в нём документы содержат немало важных биографических сведений о герое многочисленных фельетонов Ф. Чудакова.

Дмитрий Васильевич Дулетов, «православного вероисповедования, из мещан» [6, л. 4], родился «18 октября 1870 года в Вяземском уезде» [6, л. 47] Смоленской губернии, а именно в уездном центре — городе Вязьме [6, л. 55]. Он был младшим ребёнком в многодетной семье, о составе которой даёт представление датированная 26 мая 1893 года докладная записка на бланке канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника:

Господину ректору Императорского Санкт-Петербургского университета.

Проживающий Рождественской части 2 участка в доме 30-26 по Дегтярной улице студент университета Дмитрий Дулетов обратился ко мне с просьбой о выдаче ему свидетельства о бедности на предмет получения стипендии.

Из собранных вследствие сего и представленных полицией сведений видно, что проситель имеет 22 года от роду, поведения одобрительного, состояния бедного, имуществом не располагает, содержания от казны не получает, имеет мать, вдову без занятий, существующую средствами дочери, братьев: Александра 29 лет, учителя, Василия 28 лет и Владимира 27 лет без занятий, Сергея 26 лет, отбывающего воинскую повинность, Николая 24 лет, служащего в телеграфе, и сестру Татьяну 31 года, городскую учительницу в городе Вязьме, проситель занятий не имеет, существует

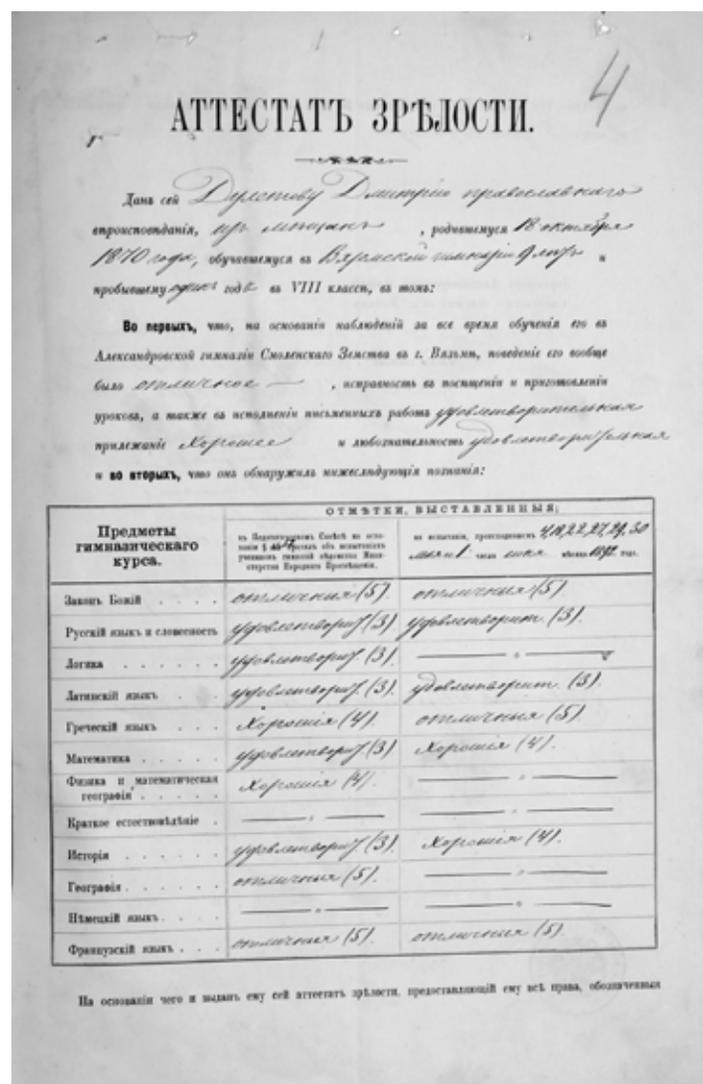
помощью сестры и по бедному положению в стипендии нуждается [6, л. 17].

Забегая вперёд, отметим, что просьба Дмитрия Дулетова была удовлетворена, и он «на 2-м и 3-м курсах» получал «императорскую стипендию» [6, л. 51]. Когда именно умер отец — точно неизвестно, похоже, незадолго до подачи прошения о назначении стипендии.

Судя по находящемуся в личном деле аттестату [6, л. 4], в июне

Фотография из личного дела студента Санкт-Петербургского университета Дмитрия Дулетова. Публикуется впервые.

Аттестат зрелости выпускника Александровской гимназии Смоленского земства в Вязьме Дмитрия Дулетова.

1892 года Дмитрий окончил Александровскую гимназию Смоленского земства в Вязьме и в июле того же года поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. О том, как он выглядел в ту пору, можно получить представление по фотографии в личном деле [6, л. 1]. В деле немало документов, содержащих сведения о том, чем была наполнена жизнь Дмитрия в студенческие годы, но это отдельная тема.

В Приамурье Д. Дулетов оказался в 1897 (или 1898) году. О том, где он находился первые полтора-два года после окончания университета (1896 г.), можно судить по датированному 15 ноября 1896 года «конфиденциальному» запросу управляющего акцизными сборами Харьковской губернии, адресованному ректору Санкт-Петербургского университета. В нём он уведомляет о том, что к нему обратился окончивший курс юридического факультета Дмитрий Дулетов «с просьбой о предоставлении ему должности» в управлении, и просит ректора предоставить ему сведения «о нравственных качествах просителя, а также не было ли за ним каких-либо дел, препятствующих ему служить в казённом учреждении» [6, л. 53]. В ответ на этот запрос ректор заверил, что «за время пребывания в университете ни в чём предосудительном» Дмитрий Дулетов «замечен не был», что «как студент» он был «отличный по успехам и поведению» [6, л. 54]. Так что, судя по всему, до переезда на Амур Д. Дулетов служил в управлении акцизными сборами Харьковской губернии.

Что касается его службы в Приамурье, то известно, что в 1901–1902 годах Дулетов был податным инспектором 2-го Благовещенского участка, а с сентября 1902 по январь 1909 года — Зейского участка Амурской казённой палаты (с резиденцией в Зее-Пристанни, ныне г. Зeya). После отставки с этой должности он перешёл в присяжную адвокатуру округа Иркутской судебной палаты.

В период первой русской революции Дулетов увлёкся общественно-политической деятельностью, возглавлял (на рубеже 1905–1906 гг.) местное отделение кадетской партии. В 1906-м выдвигал свою кандидатуру на выборах во II Государственную думу, но безуспешно.

В период реакции, на рубеже 1908–1909 годов, Дулетов являлся редактором-издателем почти мгновенно закрытой властями «Амурской речи», вышедшей в Благовещенске «литературной, политической» газеты. Первый номер кадетского по духу издания увидел свет 21 декабря 1908 года, последний, 16-й, — менее чем через месяц, 18 января 1909-го. Общий курс подвергавшейся цензурному и административному давлению газеты воспринимался местными властями как оппозиционный, хотя декларировался он в самом издании весьма расплывчато. «Амурская речь» объявила себя чуть ли не единственным в крае «правдивым органом» и

вызвалась быть «путеводителем народа к свету». В редакционной статье, которой открывался 1-й номер, программа «прогрессивного» печатного издания излагалась весьма витиевато, преимущественно аллегорически: «Да будет свет! И стал свет. Мрак, окружающий Землю, разрушен по воле Творца... Итак, вперёд к свету!»¹. В такой иносказательной манере автор (передовица анонимная, но рука Дулетова угадывается безошибочно) изъясняется с читателем на протяжении всей статьи. Понять, что конкретно он имеет в виду под «светом», затруднительно. Есть в статье и высказывания о слугах «мрака», которые «в своём бессилии изыскивают всё новые способы остановить это движение» к свету, которые «находят людей, соглашающихся за горсть золота принести благо народа в жертву, создают органы печати с выработанной ими же программой, называя честную печать врагом народа». Кто эти враждебные народу силы, загромождающие ему путь к «свету», какие именно органы печати создаются «мраком», чтобы обманывать народ, — обо всём этом читателю остаётся лишь гадать, ибо автор не снисходит до пояснений. То ли проявляет осторожность, то ли надеется, что устремлённый к «свету» народ обо всём догадается сам, а потому «брезгливо отворачивается» от лживой периодики, «жадно набрасываясь на правдивый орган». Под «правдивым органом», на который будто бы «жадно набрасывается» жаждущий просветления народ, подразумевается, надо полагать, «Амурская речь».

В таком ключе выдержаны и другие редакционные передовицы, судя по всему, написанные той же рукой. В них много туманно-многозначительных намёков, аллегорий, бьющей через край патетики, но нет главного — содержательной конкретики, ясных формулировок, чётко прописанных программных целей и задач. Похоже, подобная стилистика вкупе с не вполне внятным идейным содержанием были не только следствием цензурных ограничений, но и «фирменным знаком» — проявлением специфических особенностей мышления и риторических талантов Дмитрия Дулетова, идеолога и ньюсмейкера «Амурской речи» и общественно-политических сил, стоящих за нею.

Несмотря на бросающуюся в глаза «политкорректность» и повышенную осторожность редактора-издателя, напуганные прокатившейся не так давно по стране революцией власти на всякий случай затоптали этот чахлый росток провинциального либерализма. Что касается Д. В. Дулетова, то для него кратковременное редакторство чуть было не обернулось тюрьмой: в 1909 году за размещение в «Амурской речи» статей «вредного направления» он был привлечён к суду и приговорён к заключению сроком на один год. От этого наказания незадачливый редактор-изда-

¹ *Амурская речь*. — 1908. — № 1 (21 дек.). — С. 1.

тель был освобождён ввиду поданного им в министерство юстиции прошения о помиловании. В прошении, к которому прилагались подтверждающие выписки из газет, он уверял в своей лояльности по отношению к властям.

Отделавшись лёгким испугом, в дальнейшем Дулетов не искал судьбу и не примеривал на себя тогу неустрашимого борца с силами «мрака», то есть с царской властью и её институтами. И впредь не помышлял уже о благородной миссии редактора газеты, несущей «свет» народу.

Свой недюжинный темперамент и бьющие через край амбиции он направил в иное русло — стал гласным городской думы Благовещенска (с 1910 по 1919 г.), снискав на этом поприще славу непревзойдённого оратора и чрезвычайно компетентного деятеля. 12 сентября 1919 года, объявляя на заседании городской думы о гибели Дулетова, её тогдашний председатель И. Н. Шишлов отдал должное заслугам покойного: «В области и Благовещенске нет такого человека, который бы не знал Дмитрия Васильевича. Общественная деятельность его известна всем. Знаток области, он был неоценимым деятелем в общественной работе, и кто его лично знал, скажет: работник “не за страх, а за совесть”. Затрудняюсь сказать, кем было сказано, что он не может себе представить думу без Дулетова, но я лично присоединяюсь к сказанному; при отсутствии Дмитрия Васильевича

разрешение многих практических вопросов в думе шло очень трудно. Знания, долголетний опыт и острота ума Д. В. Дулетова являлись всегда на помощь при разрешении того или иного вопроса. Область и... город потеряли многое. И долго ещё будут общественные работники, разрешая тот или иной вопрос, ссылаться на мнения Дмитрия Васильевича. Его труды, многочисленные доклады в письменной форме или устные, зафиксированные в комиссиях и заседаниях, ещё очень и очень долгое время будут являться исходным пунктом при разрешении многих практических вопросов»².

Жизнь 48-летнего «амурского Демосфена» оборвалась трагически нелепо: через полтора года после самоубийства Фёдора Чудакова, 12 сентября 1919-го, он был застрелен у себя дома мужем любовницы, штабс-капитаном Петром Шаныгиным. Поначалу газеты сообщили, что на следующий день убийца покончил с собой, однако позже выяснилось, что это была ошибочная информация. Более того, военно-полевой прифронтовой суд, состоявшийся 20–21 декабря, оправдал Шаныгина на том основании, что он «совершил убийство в состоянии патологического аффекта».

«Амурский Саша Чёрный» вывел Дмитрия Дулетова (случай беспрецедентный!) в восьми сатирических

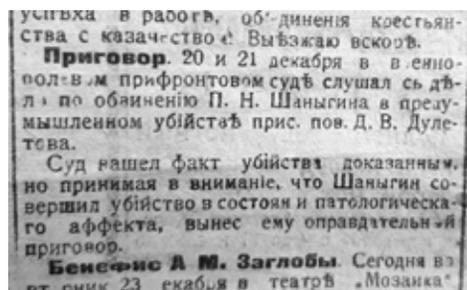

Заметка о заседании городской думы Благовещенска, состоявшемся в день убийства «амурского Демосфена».

Благовещенская газета «Амурская жизнь» (сентябрь 1919 года) о смерти Д. Дулетова.

² Амурская жизнь. — 1919. — № 194 (14 сент.). — С. 2.

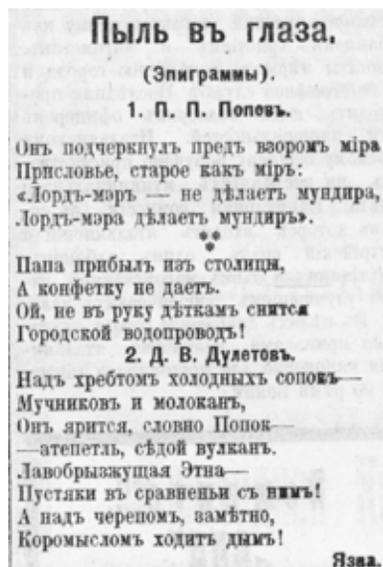
Заметка об итогах суда над убийцей
Дмитрия Дулетова, опубликованная
в газете «Амурская жизнь», № 275.
23 декабря 1919 года.

«республиканцев» (1917 г.) — уже проанализированы нами [11; 12], очередь за другими.

В 1910-е годы среди публичных фигур Благовещенска Дулетов был, пожалуй, вторым по известности после Петра Петровича Попова, городского головы (1911–1914 гг.). Не случайно именно они вдвоём стали персонажами двучастной эпиграммы Язвы «Пыль в глаза», опубликованной в «Эхе» 9 мая 1913 года [15]. Общий заголовок призван был выразить авторскую мысль, что главная, объединяющая этих людей черта — стремление произвести внешний эффект, с помощью разного рода ухищрений создать у окружающих выгодное о себе представление.

В первых сатирических произведениях о Дулетове (они относятся к 1910–1913 гг.) Чудаков обращает внимание преимущественно на внешние особенности речевого поведения амурского «златоуста»: на горячий темперамент, на многословие при дефиците содержательного наполнения. Сатирик не обличает «амурского Демосфена», а лишь подтрунивает над ним, над его риторическими манерами.

Отношение «амурского Саши Чёрного» к Дулетову

Эпиграммы «Пыль в глаза»
в прибавлении к № 1318 газеты
«Эхо» за 9 (22) мая 1913 года.

стихотворениях и стихотворных фельетонах и одной эпиграмме. Некоторые из этих произведений — фельетоны «В новой думе» (1910 г.), «Пир «республиканцев»» (1917 г.) и «Баллада про «ре-

спубликанцев»» (1917 г.) — уже проанализированы нами [11; 12], очередь за другими.

стало меняться в начале 1914 года. Самой вероятной причиной могли стать поступки и высказывания недавнего «либерала» Д. В. Дулетова, всё чаще выступавшего в защиту интересов амурских толстосумов — купцов-мукомолов и золотопромышленников. Ну и, наконец, могло сказаться то, что в начале 1914 года прошли очередные выборы в городскую думу, а в марте новый состав этого представительного органа должен был избрать на

следующий четырёхлетний срок городского голову, что обострило вражду между сторонниками различных общественно-политических сил.

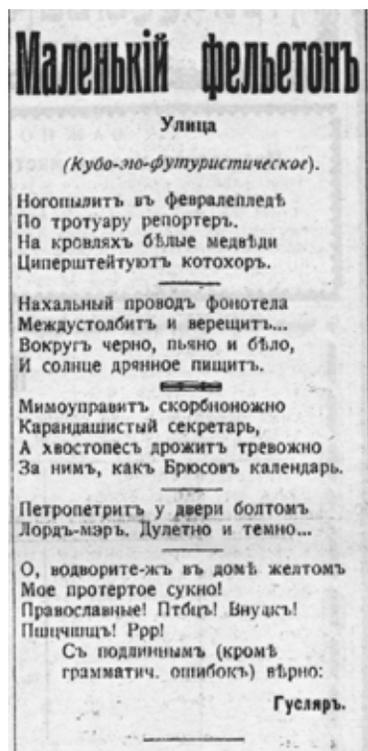
Как известно, Чудаков-сатирик весьма часто отпускал шпильки в адрес действующего лорд-мэра Благовещенска П. П. Попова. В течение нескольких месяцев, предшествовавших голосованию, он не раз печатно высказывался в том смысле, что сохранение Попова на его посту будет иметь для города печальные последствия. Даже на страницах «Эха», в целом весьма лояльного к лорд-мэру и городской управе (из-за позиции тесно сотрудничавшего с ними редактора газеты Н. Ф. Губанова), он умудрялся так или иначе выразить свою позицию. Как это произошло, например, в ироническом стихотворении «Предвыборное раздумье», опубликованном под псевдонимом Гусяря 8 октября 1913 года:

*Близкий чувству азарт,
Я дрожу, лечася бромом:
Грянет-грянет месяц март
Над главами буйным громом!
Осенит ли нас штандарт
Долгожданного прогресса?
Или снова месяц март
Вложит нас под доску пресса?
Дайте мне колоду карт,
Я гадать по картам сяду:
Что сулит грядущий март
Моему родному граду?
Пётр Петрович устоит
Иль отыдет, горько плача, —
Всё грядущий март решит,
А пока сие — задача... [4]*

Сатирик прозрачно намекает: ему не хочется, чтобы Благовещенск ещё на четыре года попал «под доску прессы», то есть «под Попова». В марте 1914-го Пётр Петрович не «устоит» (точнее, не усидит в своём кресле): городским головой будет избран Иосиф Дмитриевич Прищепенко.

Дулетов же не без оснований воспринимался сатириком как активный сторонник Попова, как важнейшая его опора в городской думе, а потому усиление критического отношения к «амурскому Демосфену» накануне выборов могло быть спровоцировано именно этим обстоятельством.

26 февраля, то есть буквально накануне судьбоносного голосования по кандидатуре городского головы, Ф. Чудаков опубликовал в «Эхе» ещё один язвительный текст — «Улица», в котором вновь свёл вместе Попова и Дулетова. Но форма, приёмы, которые он здесь использует, — новаторские, ранее им не применявшиеся. Стихотворение строится на пародийном обыгрывании стилистики входившего тогда в моду футуризма.

Стихотворение «Улица» в номере газеты «Эхо» за 26 февраля (11 марта) 1914 года.

роподобного одностопного текста («О, ты, / Мечты / Моей / Святей- / Ший храм! / Ты там, / В раю! / Твою / Любовь / Я вновь / Пере- / (Тире) / Живал / И слал / Упрёк / Жесток — / Ой, смер- / Ти! Вер- / Ен я! / Тая / В тиши / Души / Тоску, / Влеку / Года!..»), автор в конце «элегии» делает иронический вывод — уже в прозаической форме: «Стоп! На этой точке я схватил себя зубами за руку. Довольно! Нет никакого

Обложка первого сборника футуристов. 1912 год.

Следует отметить, что помимо «Улицы» Чудаков пародировал футуристов лишь однажды — в «Электро-элегии», опубликованной годом раньше, 19 марта 1913-го. «Электро-элегия» — чистая, не связанная с амурскими реалиями пародия на эгофутуризм, точнее — на его бездарных эпигонов. Фельетон предвдвывает преамбула: «Главная оригинальность его стиха — двоеслие. Например: / «Вспеним, / Взденем / Наши / Чаши!» / (Рецензия эгофутуриста В. Миронова на стихи эго-же-футуриста Зайцера. «Верх», журнальчик).

Комично поупражнявшись в создании эгофутуроподобного одностопного текста («О, ты, / Мечты / Моей / Святей- / Ший храм! / Ты там, / В раю! / Твою / Любовь / Я вновь / Пере- / (Тире) / Живал / И слал / Упрёк / Жесток — / Ой, смер- / Ти! Вер- / Ен я! / Тая / В тиши / Души / Тоску, / Влеку / Года!..»), автор в конце «элегии» делает иронический вывод — уже в прозаической форме: «Стоп! На этой точке я схватил себя зубами за руку. Довольно! Нет никакого сомнения, что я — эгофутурист. Сейчас засяду писать полное собрание своих сочинений» [3]. Слабый отзвук имевшей место поэтической пикировки Чудакова с футуризмом — строчки из его «Письма Раёшнику-деду»³, опубликованного в июне того же 1913-го: «С тоской и злобою в очах сидим, ругаем октябристов, артистов, эгофутуристов, циклистов⁴, автомобилистов» [2].

Отсутствие в творческом наследии Амурца других текстов, содержащих прямые или завуалированные отсылки к футуризму, позволяет заключить, что период активной художественной рефлексии Чудакова на это поэтическое явление ограничен февралём – июнем 1913 года. Судя по всему, это была его реакция на первый литературный сборник российских футуристов «Пощечина общественному вкусу», вышедший в Москве в середине декабря 1912 года и вызвавший множество язвительных откликов в российской печати.

В отличие от «Электро-элегии», написанная годом позже «Улица», несмотря на подзаголовок «Кубо-эго-футуристическое», — рефлексия не столько на футуризм, сколько на текущие события амурской действительности, но отражаемые с применением провозглашённых в «Пощечине...» программных положений. Автор «Улицы» как бы солидаризируется с заявлениями футуристов о праве поэта «на увеличение словаря в его объёме произвольными и производными словами», как бы разделяет их установку на «Самовитое, самоценное Слово» [9]. И, как следствие, — на практике начинает использовать (в иронических целях) применяемые авторами сборника «Пощечина общественному вкусу» принципы и приёмы словопроизводства. В первую очередь, приём Велимира Хлебникова по «сборке» самовитого слова из нескольких обычных, что он продемонстрировал, например, в стихотворении «Песнь Мирязя»: «стадо-рого-хребто-мордо-струйная река» [9].

В «Улице» искусственное соединение нескольких (двух) слов в одно самовитое — основной стилистический приём, главная лексико-семантическая «фишка» автора, ключевой способ создания им речевого комизма и дополнительных смыслов. Всего в стихотворении подобных двусоставных неологизмов девять, в том числе три — в первой строфе:

*Ногопылит в февралепледе
По тротуару репортёр.
На кровлях белые медведи
Циперштейтуют котохор [5].*

Поясним некоторые слова и выражения: *белые медведи* — отдельные, ещё не растаявшие островки снега на крышах домов; *котохор* — истошные вопли мартовских котов (напомним: стихотворение «Улица» было опубликовано 11 марта по новому стилю); *циперштейтуют* — скользят, сползают, крутятся, по кровле, совершают движения, напоминающие танцевальные па (и пугая своим движением и производимым шумом находящихся на крышах котов). Авторский неологизм *циперштейтуют* образован от фамилии Давида Михайловича Циперштейна, известной в 1910-е годы личности: учитель 2-й женской гимназии, но прежде того «артист балета» (как он представлял себя в газетных объявлениях), организатор так называемой «Школы танцев»

3 Дед Раёшник (Раёшник-дед) — фельетонист, печатавшийся под этим псевдонимом в газете «Эхо» и ряде других благовещенских газет.

4 Циклисты (устар., от франц. *cycliste*) — велосипедисты.

с её ежедневными групповыми занятиями и «практическими вечерами» по выходным.

Отметим, кстати, что словосочетание *циперштейтуют котохор* стилистически, фонетически и морфологически перекликается с *крылышка* *золотописьмом* — первой строкой знаменитого стихотворения В. Хлебникова из «Пощёчины...»: «Крылышка золотописьмом / Тончайших жил, / Кузнечик в кузов пуза уложил / Прибрежных много трав и вер...» [9]. Словообразовательное сходство здесь очевидно (особенно если используемые поэтами слова привести в грамматическое соответствие): *крылушкуют* — *циперштейтуют*, *золотописьмо* — *котохор*.

Что касается *ногопылящего* (то есть пылящего при ходьбе) репортёра, то современникам Чудакова это выражение было понятно: в те годы широкое распространение получило неофициальное, шуточное название Благовещенска — Ветропыльск (из-за постоянных сильных ветров и обилия грязи и пыли на улицах). К концу февраля городские тротуары обычно уже освобождались от снега и покрывались изрядным слоем грязи. *Февралеплед* не поддаётся столь же однозначной расшифровке, как предыдущие неологизмы. Возможно, это самовитое слово содержит намёк на то, что февраль, несмотря на припекающее в затишке солнце, в целом был месяцем ветреным, студёным, из-за чего горожанам приходилось кутаться в пледы. В начале XX века пледом было принято называть и плотное шерстяное или полушерстяное покрывало (обычно с бахромой), употребляемое как одеяло или платок, и плотную ткань (устар.), и тёплое покрывало для путешествий [7].

Роль второй строфы — передать общую атмосферу, общий фон жизни Благовещенска в феврале 1914 года. Он, этот фон, в изображении сатирика крайне безрадостен и дискомфортен:

*Нахальный провод фонотела
Между столбит и верещит...
Вокруг черно, пьяно и бело,
И солнце дрянное пищит* [5].

Нахальный провод фонотела — телефонный провод. *Между столбит* — висит, натянутый меж телеграфными столбами. *Верещит* — на сильном ветру издаёт громкий, режущий звук.

Третья строфа позволяет установить координаты запечатлённого места:

*Мимоуправит скорбноножно
Карандашистый секретарь,
А хвостопёс дрожит тревожно
За ним, как Брюсов календарь* [5].

Мимоуправит — проходит, пробегает мимо городской управы, которая находилась на чётной стороне улицы

Здание городской управы в начале XX века.

Большой (ныне Ленина, 130/1), между пересекающимися её Торговой (с 1954 г. — Богдана Хмельницкого) и Графской (ныне Калинина). В этом историческом здании не только располагалась городская управа, но и проходили заседания городской думы, а сейчас, век спустя, располагается производственный корпус бездействующего электроаппаратного завода. *Карандашистый* — значит высокий, худой; в то же время эпитет этот призван метафорически выразить сущность человека: *карандашистый* — полностью поглощённый казёнными, канцелярскими заботами, подобие гоголевского Акакия Акакиевича. *Скорбноножно мимоуправит* (передви-

Это же здание с пристройкой в конце XX века.

Отреставрированное здание бывшей городской управы в наши дни.

гается) он, скорее всего, потому, что приближаются выборы городского головы, после которых, в случае смены власти, в управе могут начаться увольнения служащих, по обычаю самых беззащитных, мелких.

Увязавшийся за *карандашистым* секретарём дрожащий *хвостопёс* — образ-эмблема, воплощение бесприютности, бездомности амурской (и шире — российской) действительности. Бездомный *хвостопёс* предвосхищает другого пса, выведенного спустя четыре года в поэме Блока «Двенадцать». «Поджавший хвост паршивый пёс» тот, «пёс холодный — пёс безродный», вначале жмущийся к «буржую», а потом «ковыляющий» позади грозящих «поколотить» или даже «пощекотать» его штыком красногвардейцев, тоже будет символизировать холодный, неуютный, ненавистный Блоку «старый мир».

В следующей строфе появляется, наконец, глава города, с тревогой ожидающий скорых выборов:

*Петропетрит у двери болтом
Лорд-мэр. Дулетно и темно...
О, водворите ж в доме жёлтом
Моё протёртое сукно! [5]*

Причудливый неологизм *петропетрит* — производное от имени-отчества Попова — Петра Петровича. *Петропетрит у двери болтом / Лорд-мэр...* — очевидно, речь идёт о каком-то агитационном, рекламном щите или плакате — настенном или тумбовом призыве голосовать за продление полномочий нынешнего городского головы Попова. То есть *петропетрит у двери* не сам Попов, а плакат, на котором выведены крупным шрифтом его имя и отчество.

Дмитрий Дулетов, главная опора лорд-мэра в городской думе, «прописан» сатириком на одной с Поповым строке, но обозначен не прямо, а слегка завуалированно. Предикатив (предикативное наречие) *дулетно* — авторский неологизм, самовитое слово, означающее, во-первых, что городскому голове сейчас дурно от нехороших предчувствий, что на душе у него скверно, муторно. По Чудакову, *дулетно* — это и общее состояние переживаемого им и его современниками момента, которое можно выразить с помощью контекстуально синонимичных слов типа *неуютно, тягостно, безрадостно, беспросветно, безнадёжно*.

Чудаковское *дулетно и темно* явственно перекликается с созвучным ему выражением из пушкинского экспромта, написанного в 1818 году как бы от лица Жуковского, которому порой досаждали начинающие стихотворцы, в том числе лицейский друг Пушкина Кюхельбекер (Кюхля):

*За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно —
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно и тошно [10].*

С лёгкой руки Пушкина сконструированное им из фамилии Вильгельма Кюхельбекера слово получило широкое

распространение. *Кюхельбекерно* — шутливая словоформа, в комическом ключе характеризующая физиологическое состояние человека, которому дурно — от переедания ли, от чрезмерного употребления спиртного или же от назойливости окружающих. Сконструированное же Чудаковым из фамилии гласного городской думы Благовещенска Дмитрия Дулетова слово призвано отражать не столько физиологическое или психологическое состояние отдельного человека, сколько дух, атмосферу времени. Слово *дулетно* относится не только к лорд-мэру и его верному златоусту. По Чудакову, *дулетно* и в думе, и в управе, и в городе, и в природе, *дулетно* во всей России. Слово *дулетно* в контексте произведения становится лексическим кодом современной сатирику эпохи — гнетущей, непереносимо унылой, безрадостной, тошнотворной, подлой, продажной, безумной.

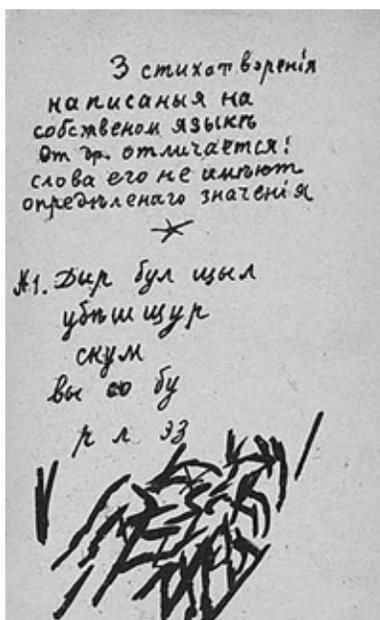
В последних двух строках четвёртой строфы Гуслер воспроизводит крик души лорд-мэра, боящегося потерять своё кресло: *О, водворите ж в доме жёлтом / Моё протёртое сукно!* Иначе говоря, изберите меня, чтобы я мог и дальше протирать свои штаны в «доме жёлтом»! Что за дом имеется здесь в виду? В разговорной практике начала XX века жёлтыми домами принято было называть больницы для умалишённых. Подобное наименование вошло в обиход потому, что так, по жёлтому цвету окраски фасадов, первоначально называли психиатрическое отделение Обуховской больницы в Петербурге.

Но герой «Улицы», разумеется, просит «водворить» его не в психушку, а в свой уютный кабинет в здании управы. На то, что городская управа и дума при Попове и Дулетове превратились в подобие сумасшедшего дома, намекает автор произведения. Здание управы было построено из красного кирпича, поэтому «жёлтый» цвет в стихотворении — не реалистическая подробность, а аллегория, язвительный намёк.

В процитированной строфе автор обыгрывает стилистику не только футуризма, но и символизма. Речь о стихотворении Блока «Фабрика» (1903 г.), откуда Гуслер и заимствовал не всем, быть может, понятные в контексте «Улицы» «болты» и дом, для описания которого поэт использует цветовое обозначение «жёлтый» (у автора «Фабрики» в этом слове — ненормативная буква «о» вместо «ё»):

*В соседнем доме окна жолты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам [1].*

Думается, прочерченная Чудаковым параллель с блоковским стихотворением была адекватно понята образованной частью благовещенской общественности — теми, кто помнил и другие строчки «Фабрики». И потому в состоянии был продолжить заданную сатириком сопоставительную парадигму. В их сознании вполне могла всплыть

Страничка сборника А. Кручёных «Помада» (1913 год).

И, наконец, в финальных строчках стихотворения, выдерживая и даже усиливая мотив царящего в Благовещенске и во всей России сумасшествия (в том числе и эстетического), Чудаков актуализирует заявленную в подзаголовке тему — пародирует «заумную» стилистику российского футуризма:

блоковская, но подходящая и для амурского контекста строка «глухо заперты ворота», ибо и в городскую управу почти невозможно было достучаться со своими проблемами простым людям. Могли вспомнить они и о том, что власти Благовещенска тоже не уставали призывать народ «согнуть измученные спины». Вполне предсказуемо было для них и то, что после вождя «водворения» в привычные кресла «в желтых окнах засмеются, / Что этих нищих провели».

Православные! Птбц! Внудк!
Пщцшщ! Ррр!
С подлинным (кроме
грамматических ошибок) верно:
Гусляр [5].

Похоже, первые две строки являются иронической реакцией амурского сатирика на тексты, подобные скандально знаменитому стихотворению Алексея Кручёных 1913 года, про которое автор говорил, что в нём «больше русского национального, чем во всей поэзии Пушкина»:

Дыр бул щыл
убеш щур
скум
вы со бу
р л эз [8]

С точки зрения автора созданной за полгода до Первой мировой войны и за три года до революционного 1917 года «Улицы», внедряемая в отечественную словесность футуристами заумь, отстаивание ими права пользоваться «разрубленными словами, полусловами и их причудливыми хитрыми сочетаниями» (А. Кручёных) — отражение, эстетическая проекция хаоса и безумия, царящих в головах представителей правящего класса и его интеллектуальной obsługi (к которой Чудаков относил Дмитрия Дулетова), а также в окружающей действительности — амурской, российской, общемировой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Блок, А. А. Фабрика // Лирика. Тридцать лирических циклов и разные стихотворения / А. А. Блок ; сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Вл. Орлова. — Москва : Совет. Россия, 1980. — С. 43.
2. Г-рь (Чудаков Ф.). Письмо Раёшнику-деду // Эхо. — 1913. — Прибавление к № 1343. — 12 (25) июня. — С. 2.
3. Г-рь (Чудаков Ф.). Электро-элегия. На смерть кого-то // Эхо. — 1913. — № 1281. — 19 марта (1 апреля). — С. 3.
4. Гусляр (Чудаков Ф.). Предвыборное раздумье // Эхо. — 1913. — Прибавление к № 1435. — 8 (21) октября. — С. 2.
5. Гусляр (Чудаков Ф.). Улица. Кубо-эго-футуристическое // Эхо. — 1914. — № 1545. — 26 февраля (11 марта). — С. 3.
6. Дулетов Дмитрий Васильевич // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 29027. Л. 1–56.
7. Епишкин, Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. — Москва : ЭТС, 2010. — URL: <http://endic.ru/galicism/Pled-19926.html> (дата обращения: 10.04.2023). — Текст : электронный.
8. Кручёных, А. Е. Помада / [соч. Алексея Кручёных ; рис. Михаила Ларионова]. — Москва : Изд-во Г. Л. Кузьмина и С. Д. Долинского, [1913]. — URL : <https://www.togdazine.ru/article/936> (дата обращения: 27.05.2023). — Текст : электронный.
9. Пощёчина общественному вкусу. В защиту свободного искусства : [Стихи. Проза. Статьи] : [сборник] : [Д. Бурлюк, Н. Бурлюк, А. Кручёных, В. Кандинский, Б. Лившиц, В. Маяковский, В. Хлебников]. — Москва : Издание Г. Л. Кузьмина, 1912. — 112 с. — URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/futuristy-pov/futuristy-pov.html#s003> (дата обращения: 03.04.2023). — Текст : электронный.
10. Пушкин, А. С. За ужином объелся я... // Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 1 : Стихотворения. 1813–1820 / А. С. Пушкин. — Москва, 1962. — С. 441.
11. Урманов, А. В. Образ гласного городского думы Благовещенска Дмитрия Дулетова в фельетоне Ф. Чудакова «В новой думе» / А. В. Урманов // Лосевские чтения : материалы регион. науч.-практ. конф. — Благовещенск, 2021. — Вып. 14. — С. 4–17.
12. Урманов, А. В. «Равняйся по Дулетке!» Формы сатирической характеристики в фельетонах Ф. Чудакова о Дмитрии Дулетове и Союзе амурских республиканцев // Лосевские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф. — Благовещенск, 2022. — Вып. 15. — С. 4–25.
13. Чудаков, Ф. И. Избранное : из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века : в 2 т. / Ф. И. Чудаков ; сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. В. Урманова. — Москва : Викмо-М : Русский путь, 2019.
14. Чудаков, Ф. «Чаша страданья допита до дна!...» : из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / Ф. И. Чудаков ; сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. В. Урманова. — Владивосток : Рубеж, 2016. — 716 с.
15. Язва (Чудаков Ф.). Пыль в глаза. Эпиграммы. 1. П. П. Попов. 2. Д. В. Дулетов // Эхо. — 1913. — Прибавление к № 1318. — 9 (22) мая. — С. 2.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 14.06.2023.

Сведения об авторе: Урманов Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (г. Благовещенск).

Контактные данные: г. Благовещенск, ул. Горького, д. 112, кв. 48; e-mail: a.v.urmanov@gmail.com; тел. 8-914-591-63-97.

ЧИКУНОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

АМУРСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ: ОТ ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА К СООБЩЕСТВУ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

В статье представлена история возникновения сообщества «Амургенеалогия» и дан краткий обзор основных направлений его разносторонней деятельности. Особый акцент сделан на специфике исследовательской работы в региональных архивах Дальнего Востока.

Ключевые слова: генеалогия, Амурская область, «Амургенеалогия», архивное дело.

Keywords: genealogy, Amur Region, "Amurgenealogy", archival studies.

Интерес к семейной истории стал пробуждаться у россиян в конце XX века. Тогда из домашних преданий начали вырисовываться первые контуры генеалогических деревьев. Далее пошли в ход метрические книги и иные документы региональных архивов. Некоторым исследователям удалось даже издать свои родословные в печатном виде. Тогда генеалогическими изысканиями в основном занимались люди пенсионного возраста, которые отдавались этому увлечению по мере собственных сил и возможностей. К настоящему времени российская генеалогия значительно помолодела и приобрела более организованный характер.

Эта общероссийская тенденция нашла выражение и в Амурской области, где в январе 2021 года образовалось сообщество «Амургенеалогия». Всё началось с того, что в читальном зале регионального архива встретились несколько энергичных молодых людей, искавших сведения о своих предках. Познакомившись друг с другом, мы стали обмениваться справочной информацией и обнаруженными документами. Наши частные генеалогические поиски

начали приобретать более системный характер. Вскоре нам стало тесно в стенах архива. Желая поделиться накопленным опытом с другими людьми, мы начали осваивать общественно-культурное пространство Благовещенска. Так началась наша бурная проектная деятельность.

Актив сообщества составляют четыре человека: Мария Чикунова, Елена Слободчикова, Наталья Олейникова и Ольга Овчаренко. Их общая увлечённость генеалогией, а также разнопрофильный профессиональный опыт (в науке, педагогике, сферах менеджмента и массовых коммуникаций) стали отличным подспорьем для организационного становления и развития сообщества. В настоящее время оно объединяет несколько сотен людей разных поколений, живущих в разных уголках мира, но имеющих общие корни на Амурской земле.

«Амургенеалогия» имеет собственный сайт [1] и странички во всех популярных социальных сетях [2; 3; 4]. За три года в них было сделано более 200 полезных публикаций. Продуктивно работают наши каналы и группы в популярных мессенджерах. Активное присутствие сообщества в Интернете позволило аккумулировать опыт амурских генеалогов и объединить их усилия в поисках информации о своих предках, а также наглядно представить объём актуальных исследований.

Важным результатом совместных усилий стало создание пофамильной базы родов Амурской области. С её помощью находят друг друга дальние родственники, объединяются в поисках люди по одному населённому пункту. Также в ряде случаев, опираясь на родовую базу, можно найти места выхода искомым переселенцев. На примере этого проекта хорошо видна нарастающая популярность региональной генеалогии: база родов Амурской области регулярно обновляется и включает уже более 800 фамилий. В перспективе планируется выпустить на её основе печатный справочник.

Актив сообщества «Амургенеалогия».

Генеалогический лекторий на книжном фестивале «Берег». Благовещенск, 23 сентября 2022 года.

Мастер-класс для детей на площадке книжного фестиваля «Берег». Благовещенск, 24 сентября 2022 года.

Не желая ограничиваться сетевым общением, амурские генеалоги «пошли в народ». За три года нами было организовано более 150 публичных мероприятий. Активистов «Амургенеалогии» в качестве спикеров регулярно приглашают на областные и городские мероприятия, такие как книжный фестиваль «Берег», областной патриотический форум, областная конференция «Современные проблемы музейного дела в Амурской области», проекты «Культурный город», «Ночь музеев» и пр. Кроме того, все наши проекты всегда вызывают живой интерес у региональных СМИ.

Одним из знаковых проектов сообщества является неделя генеалогии — серия лекций, мастер-классов, экскур-

сий, посиделок, объединённых одной темой. Она ежегодно проходит на различных общественно-культурных площадках Благовещенска и привлекает большой круг участников. В 2023-м, юбилейном для Амурской области году, была избрана тема «Переселение на Амур». Её спикерами стали профессиональные историки, преподаватели вузов, музейщики, библиотекари, а также опытные генеалоги.

Людей, желающих заняться изучением своих корней, но не знающих, с чего начать, «Амургенеалогия» приглашает в «Школу семейной истории». Учиться здесь можно как очно, так и в дистанционном формате. Программа составлена таким образом, чтобы любой человек мог успешно освоить методологию генеалогического исследования и организовать продуктивный поиск своих предков. Школа начала действовать в конце 2021 года. К настоящему времени её выпускниками стало уже более 100 человек. Большинство из них сегодня являются активными участниками сообщества.

Важной вехой в жизни «Амургенеалогии» стала первая генеалогическая конференция «Амурские родословные», организованная нами совместно с Амурским областным краеведческим музеем имени Г. С. Новикова-Даурского. Конференция проходила 13–14 октября 2022 года в Благовещенске. Помимо амурских исследователей, в ней приняли участие опытные генеалоги из других регионов Российской Федерации и даже иных стран. Программа конференции включала 18 докладов, посвящённых характеристике источниковой базы, современным методам генеалогического

Участники конференции «Амурские родословные». Благовещенск, 14 октября 2022 года.

поиска, а также успешному опыту составления отдельных родословных [5]. Кроме того, в рамках конференции был проведён круглый стол, где участники обозначили основные проблемы региональной генеалогии и возможные пути их решения. В планах — сделать такую конференцию традиционным мероприятием.

Отрадно, что на конференцию приехали коллеги из других районов и городов Амурской области и даже из соседних регионов. Но и мы не сидим на месте — по мере сил стараемся тоже выезжать за пределы Благовещенска. В рамках сообщества активно развивается «генеалогический туризм» — комплексное направление, включающее в себя как культурно-просветительскую часть, так и полевые исследования. Организаторы сообщества уже посетили сёла Ивановка и Козьмодемьяновка, города Райчихинск и Белогорск, где познакомились с местными жителями и единомышленниками, изучили музейные и частные собрания документов, имеющих генеалогическую ценность.

География деятельности «Амургенеалогии» не ограничивается пределами одной только Амурской области. Сведения о своих предках члены сообщества активно ищут в фондах других региональных архивов. В 2023 году группа амурских генеалогов совершила две рабочие поездки в архивы Владивостока (РГИА ДВ) и Иркутска (ГАИО). Здесь они обнаружили и отсканировали описи нескольких фондов, насчитывающих несколько тысяч дел, содержащих ценную информацию об амурских переселенцах.

В регулярном режиме организаторы проекта ведут исследовательскую работу в фондах Государственного архива Амурской области (ГААО), где выявляют интересные документы, которые могут помочь участникам сообщества в их генеалогических изысканиях. Как правило, это переселенческие дела, а также дела, касающиеся административно-территориального деления Амурской области в разные исторические периоды. Идёт сканирование наиболее информативных дел, их последующая публикация в информационных группах сообщества; непрерывно ведётся работа по составлению пофамильных списков из различных архивных дел. Весь этот материал очень важен для исследователя семейной истории.

Таким образом, архивная работа остаётся центральным звеном в деятельности «Амургенеалогии». Причём это также и самое сложное направление работы, поскольку здесь нам приходится сталкиваться с множеством проблем, значительная часть которых граничит с нарушением конституционного права россиян на пользование учреждениями культуры и доступ к культурным ценностям. Но начать следует с объективных трудностей. Так уж случилось, что в связи с частым административно-территориальным переустройством Дальнего Востока дела по Амурской области

отложились в разных региональных архивах. Помимо ГААО, интересные документы можно встретить в архивах Хабаровского (ГАХК) и Забайкальского (ГАЗК) краёв, Иркутской (ГАИО) и Еврейской автономной (Госархив ЕАО) областей. Кроме того, в силу исторических обстоятельств, большая часть документов по Амурской области в 1940-е годы была вывезена в Томск, а в 1990-е оказалась во Владивостоке, где и хранится ныне в фондах РГИА ДВ.

Территориальная разбросанность архивных материалов является серьёзным препятствием для продуктивной работы амурских генеалогов. В век бурного развития информационных технологий эту проблему вполне могли бы решить электронные читальные залы, предоставляющие удалённый доступ к оцифрованным документам. Однако из всех дальневосточных архивов в ногу со временем старается шагать только ГАХК. Наиболее критическая ситуация характерна для РГИА ДВ и ГААО, являющихся основными местами хранения документальной истории Амурской области.

На официальном сайте РГИА ДВ выложен полный перечень его фондов, но при отсутствии в открытом доступе описей хранящихся в них дел содержание значительной части этих фондов остаётся загадкой для исследователей. Работа по оцифровке описей архивом ведётся, но фонды Амурской области, к сожалению, не входят в группу приоритетов. Поэтому амурские исследователи вынуждены отправлять в архив пространственные письменные запросы или самостоятельно отправляться во Владивосток на поиски важных документов. Вот почему так важны научные командировки, которые предпринимают активисты «Амургенеалогии».

Но и в родном, амурском, архиве заниматься поисковой работой нелегко. ГААО является классическим примером архаичного регионального архива. Многие дела (прежде всего метрические книги) не подлежат выдаче, так как находятся на реставрации, за которую отвечает всего один сотрудник. При этом оцифровкой ветхих бумаг вовсе никто не занимается. Такое положение вещей, во-первых, вызывает опасения за сохранность ценной архивной информации, а во-вторых, многократно усложняет работу исследователей. При этом комфортные условия для работы в самом архиве отсутствуют. Читальный зал маленький, способен вместить не более десяти человек одновременно, а работает он всего три дня в неделю. Не имея возможности самостоятельно изучить документы в полном объёме, исследователям приходится заказывать справки и копии. В сравнении с другими региональными архивами цены на эти услуги существенно завышены.

Все эти проблемы оголила пандемия коронавирусной инфекции 2020–2021 годов. Именно тогда стало ясно, что «по-старому» работать уже нельзя. Представители «Амургенеалогии» неоднократно обращались к руководству ГААО

с конструктивными предложениями по совершенствованию работы областного архива, обращали внимание на положительный опыт других регионов и предлагали волонтерскую помощь по оцифровке и систематизации документов. К сожалению, эта помощь была отвергнута. Нежелание решать указанные проблемы и полное равнодушие к общественным инициативам демонстрирует и региональное министерство культуры и национальной политики, в ведении которого находится областной архив. На официальные запросы оба ведомства отвечают в жанре классических чиновничьих отписок — просто констатируют отсутствие технических возможностей. Между тем важно понимать, что модернизация архивного дела — это не блажь общественных активистов и не закрытая сфера ведомственных интересов. Это приоритетная задача национальной политики, необходимое условие сохранения нашей общей истории, которая складывается из частных историй отдельных семей.

Однако, несмотря на названные трудности, сообщество «Амургенеалогия» не опускает рук, наращивает число

своих единомышленников, выстраивает крепкие горизонтальные связи с другими организациями и движениями, придумывает и успешно реализует новые проекты. Свою цель мы видим в активизации и популяризации историко-генеалогических исследований в Амурской области. Ведь генеалогия — это не просто научная дисциплина о родословных. Это целый мир, в котором каждый человек может найти ответы на тревожащие его вопросы, прожить судьбу своих предков и лучше узнать самого себя. Радостно видеть, что поиском своих корней занимается всё больше амурчан. Это значит, что растёт понимание ценности каждой личности в истории семьи, региона и целой страны. Нам удалось объединить людей совершенно разных профессий, связать воедино несколько поколений амурчан и всем вместе оживить региональную историю — придать ей человеческое измерение. Надеемся, что настоящая статья также позволит завязать плодотворное сотрудничество с коллегами из других регионов Дальнего Востока.

Список использованных источников

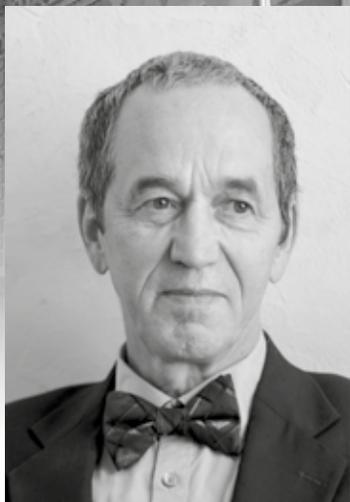
1. Амургенеалогия. Проект для тех, кто хочет узнать историю своей семьи : сайт. — URL: <https://amurgenealogia.getcourse.ru/amurgenealogia> (дата обращения: 23.09.2023). — Текст : электронный.
2. Амургенеалогия : страница сообщества // ВКонтакте : [социальная сеть]. — URL: <https://vk.com/amurgenealogia> (дата обращения: 23.09.2023). — Текст : электронный.
3. Амургенеалогия : страница сообщества // ОК : [социальная сеть]. — URL: <https://ok.ru/amurgenealogia> (дата обращения: 23.09.2023). — Текст : электронный.
4. Амургенеалогия : страница сообщества // Telegram : [мессенджер]. — URL: <https://t.me/amurgenealogia> (дата обращения: 23.09.2023). — Текст : электронный.
5. «Амурские родословные» : материалы I межрегион. генеал. конф., Благовещенск, 13–14 октября 2022 г. / ГБУ АО «Амурский областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Дарурского», сообщество «Амургенеалогия». — Благовещенск, 2022. — 180 с.

Фотографии предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 25.09.2023.

Сведения об авторе: Чикунова Мария Андреевна, сооснователь сообщества «Амургенеалогия» (г. Благовещенск). Контактные данные: e-mail: marshy@bk.ru; тел. 8-924-681-70-72.

► К 185-летию со дня рождения Фёдора Буссе

ХИСАМУТДИНОВ АМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

ФЁДОР БУССЕ: ОТ ЖУРНАЛИСТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ ДО АНАЛИЗА ПРОБЛЕМ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

Публикация посвящена журналистским и научным интересам известного дальневосточного деятеля Фёдора Фёдоровича Буссе (1838–1896 гг.), первого заведующего Переселенческим управлением в Южно-Уссурийском крае и первого председателя Общества изучения Амурского края (ОИАК) во Владивостоке, автора публикаций по истории, этнографии, археологии, библиографии и экономике российского Дальнего Востока. В статье использованы материалы из личной коллекции Ф. Ф. Буссе, хранящиеся в ОИАК.

Публикация приурочена к 185-летию со дня рождения Фёдора Фёдоровича Буссе и 140-летию создания Общества изучения Амурского края (1884–2024 гг.).

Ключевые слова: Ф. Ф. Буссе, ОИАК, история науки на Дальнем Востоке, журналистика, библиография.

Keywords: F. F. Busse, Society for the Study of the Amur Region, history of science in the Far East, journalism, bibliography.

От своего отца Фёдор Буссе наследовал аналитический ум. Он старался дотошно заниматься темами, имеющими практическое значение, стремился обращать особое внимание на детали, собрать воедино разрозненные сведения.

Отлично понимая проблемы российско-го Дальнего Востока, Буссе решил заняться журналистикой. Ведь именно печать может помочь в информированности населения. Первой стала статья «Из поездки в маньчжурский город Айгун на Амуре», опубликованная 1 июня 1866 года в первой дальневосточной газете «Восточное Поморье», которая выходила в Николаевске-на-Амуре.

Фёдор Фёдорович Буссе.

По результатам своего первого путешествия в Приморье Ф. Ф. Буссе написал работу «Очерк условий земледелия в Амурском крае». Большое будущее Ф. Ф. Буссе предсказывал в ней Владивостоку. Он писал: «Сравнивая Владивосток с г. Николаевском, мы приходим к заключению, что преимущества первого, обусловленные отличной гаванью и удобством судоходства, меньшим расстоянием от заграничных портов, а главное — обеспеченностью предмета вывоза, делают конкуренцию между этими двумя гаванями невозможной. Благоприятные условия для ввозной торговли Владивостока, несмотря на сложную доставку водой и сухим путем, понизят цены на товары в Амурском крае так, что они совершенно устроят товары из Николаевска, и тогда Владивосток завладеет совершенной морской торговлей Амурского края и Сибири. В этом смысле значение и развитие его будут возрастать постоянно и обеспечат ему первенствующее значение в торговле» [2, с. 4]. Первая большая научная работа Ф. Ф. Буссе получила в печати благоприятный отзыв.

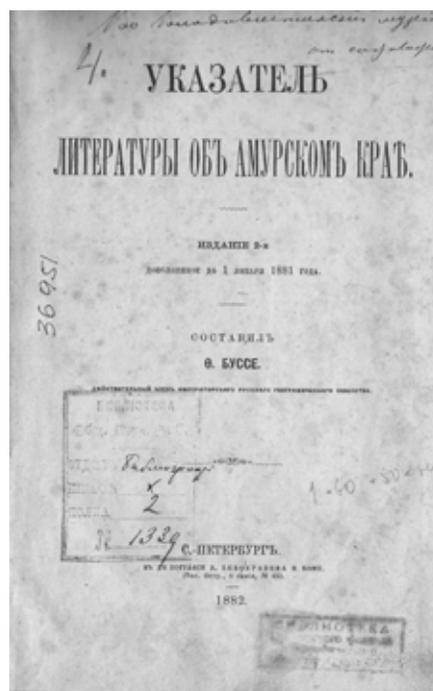
19 декабря 1870 года в газете «Санкт-Петербургские ведомости» была опубликована статья бывшего начальника штаба войск Приморской области М. И. Тихменева, в которой он писал: «Ко всему сказанному Буссе и Пржевальским о современном гражданском и экономическом положении Приамурского края в период 1866 г. и до первой половины 1869 г. включительно можно прибавить весьма немного, и то не вполне удобное для впечатления; возразить же против действительности заявленных ими фактов и верности сделанных заключений едва ли решится кто-либо из бывших в

том крае и знакомых с ним не по слухам, а по действительно совершившимся событиям»¹.

Владея свободно немецким языком, в 1871 году он опубликовал на немецком языке статью «Южно-Уссурийский край в Маньчжурии», где дал широкую картину природных, географических и этнографических особенностей Приморья, а также подвёл итоги переселения туда крестьян в 1866–1867 годы.

Тогда же Ф. Ф. Буссе осуществил давнее желание: напечатать дневник своего двоюродного брата Н. В. Буссе, что удалось сделать на страницах популярного журнала «Вестник Европы». В итоге дневниковые записи вышли в трёх номерах: начальная публикация «Остров Сахалин и экспедиция 1852 года» в октябрьском номере, следующая была озаглавлена «Остров Сахалин и экспедиция 1853 года», завершающая — «Русские и японцы на Сахалине. Дневник: 10-е февраля – 11-е мая 1854 г.». Это публикация стала как разорвавшаяся бомба, так как в ней приводились резкие замечания об адмирале Геннадии Ивановиче Невельском и о некоторых участниках сахалинской экспедиции, в частности о контр-адмирале Николае Васильевиче Рудановском. Со всех сторон посыпались обвинения в предвзятости. Фёдор Буссе постарался ответить и защитить имя брата.

В дальнейшем работа Буссе в основном проходила в Главном управлении Восточной Сибири. В мае 1874 года его перевели в Санкт-Петербург на работу в министерство финансов.

Буссе Ф. Указатель литературы об Амурском крае. — Санкт-Петербург, 1874. — 42 с. — Изв. ИРГО, 1874. — Т. 10, № 7, прил. С. 1–42. — Отд. оттиск.

В течение трёх лет он активно участвовал в работе юридической комиссии при Обществе содействия русским мореплавателям, а затем, в 1878 году, опубликовал свой доклад в трудах этого общества.

Правовым основам мореплавания он посвятил и другую свою работу — «Антверпенский международный конгресс 1877 г. и

¹ Архив Общества изучения Амурского края (ОИАК). Фонд Ф. Ф. Буссе. Газетные подшивки Ф. Ф. Буссе.

установленные им правила общей аварии», которая увидела свет в 1883 году.

В эти годы Буссе проявляет себя ещё и как библиограф. Им составляется первый библиографический «Указатель литературы об Амурском крае».

Из личного архива Ф. Ф. Буссе видно, что он с первых же дней работы на Дальнем Востоке поставил своей целью сбор всяческой информации об этой части России. Он завёл особую картотеку, куда вносил данные обо всех публикациях на эту тему. Эта картотека и помогла Буссе в работе над указателем, который, кстати, был не самой первой пробой его пера в библиографии. В «Библиографических заметках» и «Известиях» Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, членом которого был Буссе, ещё в 1870 году появилась его критическая статья на работу Плаксина «Приморская область Восточной Сибири». В ней Буссе даёт дополнительные сведения по географии и этнографии Дальнего Востока.

Через три года в тех же «Библиографических заметках» выходит его статья с критическими замечаниями по поводу другой работы. На этот раз под прицелом оказалась книга Руссея Киллуга «Через Сибирь в Австралию и Индию».

Работая в Петербурге, Буссе ярко раскрывается как журналист, публикуя множество статей в различных изданиях. Участвуя в полемике «Где быть основному русскому форпосту на Дальнем Востоке?», в своих публикациях он приводит немало веских доказательств в пользу Владивостока. Буссе пишет и несколько работ, посвящённых судьбе Добровольного флота. Основываясь на письмах своих друзей, живущих во Владивостоке, он публикует несколько статей

о современном состоянии Южно-Уссурийского края.

Фёдор Фёдорович Буссе принимал деятельное участие в ежегодных «Амурских обедах». Немало жителей нашего края, отслуживших положенный срок и вышедших на пенсию, уезжает за пределы Приморья. И порой бывшие дальневосточники, неожиданно встречаясь на улицах Москвы или Петербурга, спешат куда-нибудь

отметить встречу и вспомнить молодость. Так было и в прошлом. Интересную роль сыграли в истории нашего края встречи бывших дальневосточников, получившие названия «Амурских» и «Пекинских обедов», которые проходили в столице Российской империи.

На «Амурские обеды» обычно собирались в конце февраля, а начало этой традиции положила в 1861 году отставка графа Н. Н. Муравьёва-Амурского. Тогда его сподвижники задумали отметить это событие в самом шикарном петербургском ресторане — «Малом Ярославце». С тех пор так и повелось: ежегодно в этом ресторане стали встречаться люди, которые по долгу службы или иным образом были связаны с Дальним Востоком.

На традиционный обед приходили те, кто только что вернулся из экспедиции по отдалённому краю, и те, кому в какой-то период довелось руководить освоением его необжитых земель, и те, кто работал под их началом. На одном обеде можно было видеть и знаменитого путешественника Н. М. Пржевальского, совершившего в Приморский край своё первое путешествие. Бывал на обедах и писатель С. В. Максимов. С благодарностью принимали приглашения на эти встречи и предприниматели. А уж С. С. Лесовский, П. В. Казакевич, Г. И. Невельской, И. И. Зарубин, К. С. Старицкий, М. П. Тихменев и другие высшие военные чины, поселившиеся к тому времени в столице, были постоянными участниками «Амурских обедов».

Как правило, на обедах не говорилось длинных речей, но участники их нередко делились результатами своих научных наблюдений на Дальнем Востоке. Так, в 1876 году П. Н. Назимов зачитал весьма любопытный документ о происхождении звания старосты у одной из малых народностей Амура — ульчей. Такой обмен впечатлениями и наблюдениями привёл в том же 1876 году «амурцев» к мысли об их «святой обязанности приступить, пока не ушло время, пока не изгладились живые следы событий», к собранию исторического материала о Дальнем Востоке [1, с. 3].

Предложение это было принято с интересом. Многие из присутствовавших заявили о своей готовности немедленно прислать имеющиеся у них материалы. Вскоре в «Кронштадтском вестнике» и других газетах было дано объявление о том, что сбор материалов ведут Ф. Ф. Буссе и издатель Б. А. Малютин. Сборник, к сожалению, так и не вышел, а судьба собранных материалов до сих пор остаётся неизвестной. Но некоторые дела участников традиционных встреч видны и сегодня. «Амурцы» собрали деньги и помогли открыть Александровские мореходные классы во Владивостоке, установить памятник Н. Н. Муравьёву-Амурскому в Хабаровске, приняли участие во многих других полезных начинаниях.

Ф. Ф. Буссе был и на другом мемориальном обеде. 2 ноября 1885 года исполнилось 25 лет со дня заключения

Диплом Ф. Ф. Буссе об избрании действительным членом Императорского Русского географического общества. Архив ОИАК.

Пекинского договора, и двое «амурцев» — Г. И. Андреев и Б. В. Струве — организовали в петербургском ресторане «Демут» встречу людей, причастных к этому событию. Собралось около 35 человек, в основном генералы и адмиралы, а почётным председателем встречи стал граф Н. П. Игнатьев, которому и принадлежала заслуга заключения выгодного для России договора. Историк В. В. Струве разделил дальневосточную историю на три своеобразных периода: Муравьев-Амурский заложил «фундамент здания», которое позднее получило вывеску «Русский Дальний Восток»; Путятин возвёл «стены», а Игнатьев соорудил «крышу», за что всем им и было пожаловано графское звание.

25 сентября 1894 года Буссе направился к Владивостокскому причалу, где должен был сесть на пароход Добровольного флота «Саратов». Проходя мимо здания Общества изучения Амурского края, Фёдор Фёдорович остановился в задумчивости, и глаза его увлажнились. Именно так описал отъезд Ф. Ф. Буссе Н. А. Пальчевский.

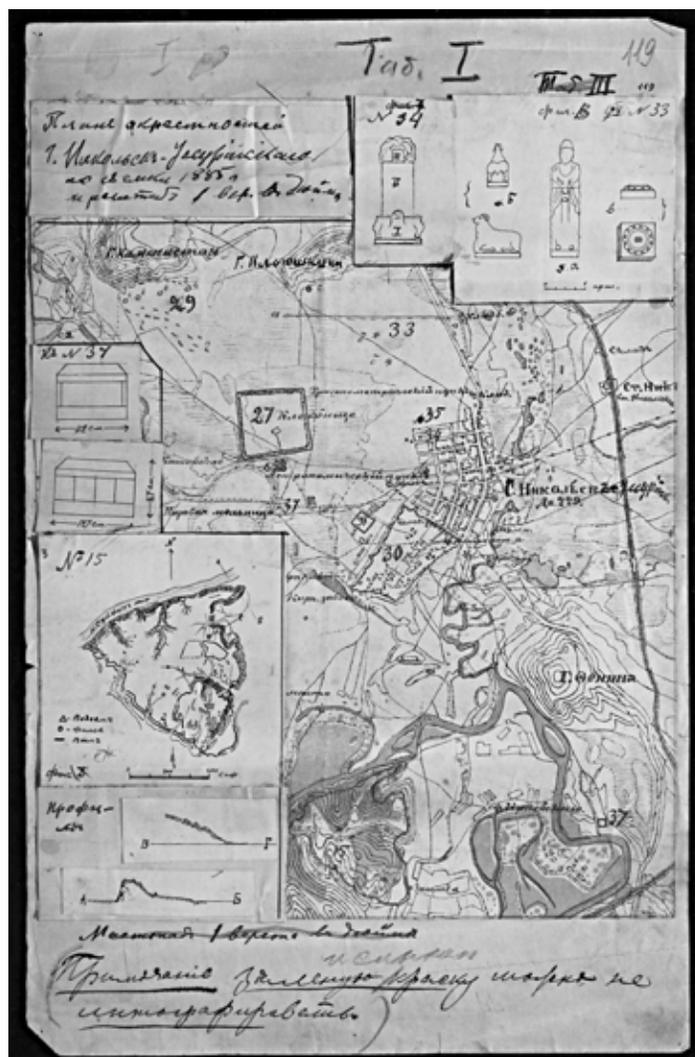
В три часа дня пароход снялся с якоря, но, пройдя о. Скрыплева, вернулся, так как был забыт медицинский сертификат судна. «Саратов» бросил якорь у мыса Голдобин, и Буссе ещё раз окинул взглядом любимый город, прощаясь с ним, как он чувствовал, навсегда.

Фёдор Фёдорович не терял связи с близкими людьми. В письме к Н. А. Пальчевскому он сообщал: «В половине мая я выпустил в свет книгу “Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 гг.”, один экземпляр которой посылаю лично Вам. Издание вышло дорогое, т. е. если бы экземпляры были проданы — чего нельзя ожидать — по объявленной цене 4 рубля, то я получил бы только затраченный капитал, о гонораре и речи нет. Конечно, я останусь в убытке материально, хотя это меня не смущает, ибо, неожиданно напечатав книгу, я выполнил только то, что сам себе обещал. <...> Мое здоровье настолько оправилось, что я могу ходить, как и в 1891 году, а недавно я сделал прогулку верст в пять, причем поднимался на довольно высокую гору и отдыхал только два раза в течение трех часов. <...> Я говорил Вам во Владивостоке, что еду на неопределенное время и что прежде всего исправить здоровье, в пределах возможного. Действительно, я здесь очень поправился и надеюсь заметно еще окрепнуть, и тогда осенью будет видно. Откровенно говоря, я не думаю, что удастся зимой укатить к Вам, ибо здесь предвидится большая работа, конечно, все по Южно-Уссурийскому краю, которую следовало бы сделать мне и тогда уже двигаться»².

По сведениям Переселенческого управления, за десять лет, с 1883 по 1894 год, на пароходах Добровольного флота перевезено на Дальний Восток 3 325 семейств, или

22 243 души, расселившихся в 76 поселениях. Это был результат работы Фёдора Фёдоровича Буссе и его большой успех. Благодаря его усилиям Южно-Уссурийский край стал быстро заселяться, на карте появились десятки новых населённых пунктов.

Получив свободное время, Буссе смог больше внимания уделять своим научным исследованиям, которые его всегда интересовали. Судя по папкам его личного архива, к этому времени у него были начаты работы по нескольким темам: о судоходстве на Дальнем Востоке, по истории Владивостока и Южно-Уссурийского края. К сожалению, эти исследования так и остались неоконченными. Буссе посчитал своей первоочередной задачей обобщить богатейший опыт по переселению крестьян на Дальний Восток, что, по его мнению, должно принести большую пользу развивающемуся краю. Он писал: «Сознавая необходимость сохранить свой опыт для будущих деятелей, я дал себе слово закончить свою общественную деятельность разработкой материалов,

Карта археологических исследований Ф. Ф. Буссе в окрестностях Никольска-Уссурийского.

² ОИАК. Фонд Ф. Ф. Буссе. Папка писем Н. А. Пальчевского.

накопившихся у меня во время служения делу переселения, и я уже с 1890 года начал подготавливать и исподволь обрабатывать имеющиеся данные. Кроме того, эта работа составляет главную причину, почему я не оставил края по получению отставки, а именно потому, что во Владивостоке я ближе всего не только к путешественникам, но и к водворенным крестьянам, следовательно, здесь я могу обильнее черпать недостающий материал из документов и жизни»³.

Канцелярия генерал-губернатора предложила Буссе оплатить его работу, но он отказался, попросив передать предназначенные ему деньги крестьянам. Вскоре труд Буссе о переселении крестьян в Южно-Уссурийский край был окончен, и он решил переехать из Владивостока в Петербург, где было проще его напечатать.

За десять лет работы с переселением крестьян Буссе приобрёл неоценимый опыт и большое количество статистических материалов. В 1896 году в Санкт-Петербурге была опубликована его монография «Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 гг.», о которой он и упомянул в письме к Пальчевскому. Данная работа состоит из восьми глав, 165 страниц, приложения из 12 таблиц на 56 страницах и карт Южно-Уссурийского края. В предисловии к работе Буссе определяет значимость проблемы: движение крестьян из малоземельных губерний в описываемый период являлось одним из самых важных внутренних вопросов, тем более что это движение растёт и растёт его значимость.

Из актуальности темы вытекают задачи исследования: выяснить причины, побуждающие крестьян оставлять родину, изучить все условия, встречаемые эмигрантами на разнородных путях переселения и местах новой осёдлости. Источниковую базу составили статистические данные, собранные самим Буссе. При работе с источниками он в

первую очередь оценивал их достоверность, информативность, доступность.

Буссе поставил перед собой две цели: определить степень обеспеченности населения продовольствием и его избыток, а также определить постепенное нарастание пашни по мере продолжительности пребывания в крае.

В данной монографии Ф. Ф. Буссе рассмотрел важные аспекты: природные условия Южно-Уссурийского края, исторический очерк его заселения, очерк мер и распоряжений администрации по принятию переселенцев во Владивостоке, водворению на выбранных местах и устройству их быта, перевозка переселенцев морем, личный состав переселенцев и движение переселенцев за десять лет, устройство хозяйства и его развитие.

Сопровождающие книгу 12 таблиц содержат данные о составе переселенцев, рождаемости, умерших, количестве заключённых браков, соотношении мужчин и женщин, возрастных группах по рабочей производительности, количестве рабочего скота и посевов у переселенцев, заболеваемости и смертности.

Но заселение шло медленно, и Буссе указывает на причины: трудности сухопутного передвижения, большая стоимость, два-три года пути, большая смертность стариков и детей, снижение нравственности. Буссе также указывает государственные задачи переселения: необходимость занять русскими переселенцами возможно более обширный район, чтобы исключить вредное влияние инородцев.

Монография Ф. Ф. Буссе «Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 гг.» была удостоена золотой Константиновской медали Императорского Русского географического общества. После издания своего труда Буссе подарил два экземпляра библиотеке Общества изучения Амурского края с надписью: «В дар библиотеке, Ф. Ф. Буссе».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Буссе, Ф. Амурский обед 26 февраля 1876 г. / Ф. Буссе. — [Санкт-Петербург : Русская скоропечатня (П. С. Нахимова), ценз. 1876]. — Отд. оттиск. — 4 с.
2. Буссе, Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае / Ф. Буссе // Записки для чтения. — 1869. — № 8/12. — С. 65–135.
3. Буссе, Ф. Указатель литературы об Амурском крае / Ф. Буссе. — Санкт-Петербург : тип. В. Безобразова и К^о, 1874. — 42 с. — Отдельно отпечатано из Известий ИРГО. — 1874. — Т. 10, № 7. С. 1–42. — Прилож.

Автор благодарит Общество изучения Амурского края за предоставленные материалы из фонда Ф. Ф. Буссе. Материал поступил в редакцию 09.08.2023.

Сведения об авторе: Хисамутдинов Амир Александрович, заведующий сектором изучения книжной культуры Центральной научной библиотеки Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток).

Контактные данные: e-mail: khisamut@yahoo.com; тел. (4232) 71-01-59.

МУЩЕНКО АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА

РАЗВИТИЕ КРАЯ В ДЕЛАХ КУПЕЧЕСКИХ

Статья посвящена важному историческому событию дореволюционного Дальнего Востока — выставке Приамурского края в ознаменование 300-летия царствования дома Романовых, организованной в г. Хабаровске в 1913 году, и вкладу купеческого сословия в развитие экономики региона.

Ключевые слова: купеческое сословие, выставочный павильон, Приамурский край, торговый дом, экономическое развитие.

Keywords: merchantry, exhibition hall, Primursky Krai, trading house, economic development.

В Российской империи купечество было важным элементом национальной картины общества, оно являлось одним из сословий, оказывающих существенное влияние на процессы экономической, социальной и культурной жизни. Появление купечества на Дальнем Востоке было неразрывно связано с присоединением обширной восточной территории к России и расширением возможностей для торговых связей в середине XIX века. Купцы занимались торговлей, привозя продукцию из других регионов и стран, расширяя ассортимент и повышая доступность товаров для населения, инвестировали в различные отрасли экономики, открывая фабрики, мануфактуры и другие предприятия, создавая новые рабочие места.

Наиболее полная картина экономического развития Приамурского края и вклада купеческого сословия была представлена на выставке Приамурского края 1913 года, подготовленной в честь празднования 300-летия царствования дома Романовых и 55-летия с основания г. Хабаровска. Под выставку 25 октября 1911 года городская дума передала в распоряжение главного выставочного комитета обширную территорию почти в 24 десятины (≈ 26 га) сроком до 1914 года. Выставочный городок располагался на территории современного парка «Динамо». В 2023 году отмечается 110-летие с открытия выставки Приамурского края в г. Хабаровске, одного из важнейших событий края начала XX века.

На выставке были продемонстрированы передовые технологии, достигнутые в сфере образования, животноводства, земледелия, здравоохранения, железнодорожного транспорта, лесной и горной промышленности, производства различных товаров и услуг для населения и другое. Итогом работы выставки стало награждение самых технологически оснащённых фирм и обществ, передовиков научно-исследовательской деятельности, которым было вручено более 700 наград: большие золотые медали, малые золотые, се-

Издание главного выставочного комитета «Выставка Приамурского края 1913 г. в Хабаровске».

ребряные и бронзовые. Многие были отмечены почётными дипломами и похвальными листами.

Из записок Приамурского отдела Императорского общества востоковедения: «Попав сюда, не верится, что все это именно здесь, в Хабаровске, на далекой окраине нашего отечества, и что эта обширная площадь, кажется на днях

Панорама выставки.

представлявшая собою пустырь, теперь имеет вид городка с электрическим освещением, водопроводом, фонтаном, роскошными клумбами цветов и прочими показателями культуры» [2].

В Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК) хранятся ценнейшие документы — выпуски специальной газеты «Выставка Приамурского края 1913 г.» за 1912–1913 годы, в которых отражается полная картина деятельности главного выставочного комитета, описание внутреннего и внешнего убранства отделов и павильонов.

Наиболее известной купеческой семьёй в Приамурье была семья Плюсниных. На берегах Амура они не только заложили торговлю и фундамент Хабаровки, но и основу того, что называется дальневосточным характером [1]. Андрей Фёдорович Плюснин являлся основателем купеческой династии и в историю «вошел, как один из патриархов дальневосточного предпринимательства» [7]. По причине отсутствия прямых наследников после его смерти дело перешло к брату Василию Фёдоровичу. Новый этап развития фирмы пришёлся на время Василия Фёдоровича и его сыновей Александра и Петра, которым удалось довести капитал фирмы до миллионного состояния. Они занимались торговым делом, золотопромышленностью, промысловым рыболовством. Активно участвовали в общественной и благотворительной деятельности, о чём свидетельствуют исторические документы ГАХК: протоколы заседаний совета Приамурского отдела Русского географического общества, включая протокол от 22 ноября 1918 года № 16 «О назначении Петра Васильевича директором Николаевской публичной библиотеки» [9], причтовая ведомость о заслугах церковного старосты Василия Фёдоровича [8], указ императора Александра II о назначении церковным старостой Андрея Фёдоровича [11].

В 1888 году Плюснины стали инициаторами учреждения городского общественного банка, который стимулировал развитие экономики региона. На юбилейной выставке была представлена фабрика папиросных гильз наследников В. Ф. Плюснина. В павильоне была выставлена машина конструкции инженера И. А. Семёнова, которая набивала резаным табаком до 120 папирос в минуту, что было по тому времени фантастическим результатом. Наследники торгового дома В. Ф. Плюснина Александр и Пётр были награждены большой золотой медалью Министерства торговли и промышленности за папиросные гильзы своей фабрики [10].

Значительное место в торговле Приамурского края занимали иностранные фирмы, среди них особо выделялся торговый дом «Кунст и Альберс». Основателями фирмы явились подданные Германии, выходцы из Гамбурга — Густав Кунст и Густав Альберс, решившие попытать счастья

на востоке России. Торговый дом прошёл длинный путь от маленького магазинчика во Владивостоке до огромной сети в 33 филиала во всех крупных городах Российской империи и соседних азиатских странах. На 1913 год в филиалах и отделениях фирмы насчитывалось около полутора тысяч служащих [4].

Торговый дом стал не просто местом продажи товаров, но и своеобразным культурным центром города. В праздничные дни и по особым торжественным мероприятиям здание на углу улиц Истомина и Муравьёва-Амурского украшалось с большим вкусом и было одним из красивейших в городе [4]. В конце 1920-х годов здание было муниципализировано и передано для размещения центрального гастронома, который в советский период также оставался одним из крупнейших предприятий продовольственной торговли в Хабаровске. На сегодняшний день комплекс зданий фирмы: главное торговое здание, общежитие служащих и складские помещения, представляет собой своеобразный архитектурный ансамбль и входит в перечень объектов исторического и культурного наследия федерального значения [5].

На Приамурской выставке торговый дом «Кунст и Альберс» имел один из лучших павильонов. Здесь было представлено огромное разнообразие продукции, начиная кухонной посудой и заканчивая сельскохозяйствен-

Павильон наследников В. Ф. Плюснина.

ными машинами, которое поражало не только простых жителей, но и самых взыскательных специалистов [6]. Павильон, привлекавший внимание посетителей, был удостоен визита приехавшего в Хабаровск проездом из Владивостока известного норвежского путешественника Фрицьофа Нансена в сопровождении инженера Е. Д. Вруцеля. Рассказывал о выставке заместитель комиссара научного отдела выставки Приамурского края, писатель, исследователь Дальнего Востока Владимир Клавдиевич Арсеньев. Память о таком великом событии запечатлена не только на фотографии, но и в книге Фрицьофа Нансена «В страну будущего».

Деятельность руководителей и служащих торгового дома «Кунст и Альберс» была по заслугам оценена Министерством торговли и промышленности. Торговый дом был награждён двумя малыми золотыми, малой серебряной и бронзовой медалями за производство и продажу масляных красок, байхового и кирпичного чая, молотого кофе, столового хлебного вина и папирос, изготовленных в собственной мастерской [10].

Крупнейшей дальневосточной торговой фирмой являлся «Торговый дом «И. Я. Чурин и К^о»», организованной в 1867 году под началом коммерсанта, мецената, иркутского купца Ивана Яковлевича Чурина при участии братьев Бабинцевых [3]. Свой бизнес они вели не только в дальневосточных городах: Хабаровске, Благовещенске, Николаевске-на-Амуре, Владивостоке, но и по всей России, а также в Харбине,

Маньчжурии, Шэньяне и на других станциях — вдоль полосы отчуждения Китайской Восточной железной дороги.

Фирма стала одним из главных экспонентов на выставке Приамурского края, привлекая всеобщее внимание к архитектуре павильона и экспонатам. В павильоне было продемонстрировано мастерство и разнообразие товаров, предоставляемых этой компанией: различные хозяйственные товары, включая украшения для дома, бытовую химию и посуду, керосиновые лампы, стеариновые свечи, швейные машины, рояли и пианино Шредера, пишущие машинки системы «Смит», земледельческие орудия и другая продукция собственных заводов и мастерских торгового дома. По завершении работы выставки представители фирмы были награждены почётным дипломом за широкую и рациональную постановку торгового дела в крае малой золотой, большой серебряной, малой серебряной, бронзовой медалями и похвальным листом Министерства торговли и промышленности — за продукцию и услуги собственного производства (выделку кожи, меховые изделия, папиросы) [10].

Выставка в ознаменование 300-летия царствования дома Романовых 1913 года показала, что Приамурский край обладал талантливыми, широко мыслящими, компетентными людьми, имевшими необходимые способности, обширные знания и капитал для развития Дальнего Востока и становления его как одного из крупнейших центров экономического потенциала России.

Павильон торгового дома «И. Я. Чурин и К^о».

Посещение выставки Ф. Нансеным.

Список использованных источников

1. Бурилова, М. Ф. Фамилия Плюсниных в истории Хабаровска / М. Ф. Бурилова // История и культура Приамурья. — 2012. — № 2. — С. 27–39.
2. Записки Приамурского отдела Императорского общества востоковедения. — Хабаровск : Тип. приамур. ген.-губернатора, 1913 г. — Вып. 2. — IV, 360, 31, [1] с.
3. Зими́на, Н. А. Первые предприниматели на Дальнем Востоке / Н. А. Зими́на // Четвёртые архивные научные чтения им. В. И. Чернышёвой : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Дальний Восток: историческое наследие и современность». — Хабаровск, 2012. — С. 123–127.
4. Зубова, Л. Н. Альбом о деятельности торговой фирмы «Кунст и Альберс» // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 770.
5. Крадин, Н. П. Памятники архитектуры Хабаровска / Н. П. Крадин. — Хабаровск : Этнос-ДВ, 1996. — 252 с. : ил.
6. Крадин, Н. П. Старый Хабаровск : портрет города в дереве и камне (1858–2008) / Н. П. Крадин. — Хабаровск : РИОТИП, 2008. — 447 с. : фот.
7. Ляхов, Д. А. Тот, кто заложил фундамент / Д. А. Ляхов // Словесница Искусств : культурно-просветит. журн. — 2022. — № 1. — С. 90–92.
8. Причтовая ведомость Градо-Хабаровского собора Успения Божией Матери // ГАХК. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 1.
9. Протокол заседания совета Приамурского отдела Русского географического общества // ГАХК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 8. Л. 13–14 (об.).
10. Список наград за экспонаты на выставке Приамурского края в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых // Выставка Приамурского края. — 1913. — 26 октября. — № 44.
11. Указ императора Александра II о назначении А. Ф. Плюснина церковным старостой при Хабаровской церкви // ГАХК. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 1.

Фотографии предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 10.08.2023.

Сведения об авторе: Мушченко Анастасия Сергеевна, бакалавр кафедры «Библиотечно-информационная деятельность, документоведение и архивоведение» Хабаровского государственного института культуры, ведущий археограф сектора научного использования документов Центра доступа к архивным ресурсам Государственного архива Хабаровского края (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: mushchenkonastya@gmail.com; тел.: 8-914-422-93-18, (4212) 30-53-00.

БУШМАКИН
ВАДИМ
АЛЕКСАНДРОВИЧ,
КАРФИДОВ
МАКСИМ
ВИКТОРОВИЧ,
ПАСТУХОВ
АЛЕКСЕЙ
МИХАЙЛОВИЧ

ШАНХАЙ, «ЧЁРНАЯ СУББОТА» 14 АВГУСТА 1937 ГОДА. Часть 2

В статье рассматривается бомбардировка силами ВВС Народно-революционной армии Китайской Республики международного селтльмента Шанхая 14 августа 1937 года, приведшая к многочисленным жертвам среди мирного населения, в том числе китайских беженцев, пытавшихся укрыться в селтльменте от ужасов войны; излагается авторская версия событий с рассмотрением всех технических и тактических особенностей ситуации. Статья является второй частью данного материала, посвящённой реконструкции этих трагических событий на основании впервые вводимых в научный оборот японских и китайских документов.

Ключевые слова: Шанхай, Бунд, Хуанпу, селтльмент, «Идзумо», ВВС, Вторая японо-китайская война, консульство, бомбардировка, судовой журнал, Curtiss Hawk III, Northrop Gamma-2E, истребитель, бомбардировщик, зенитный огонь.

Keywords: Shanghai, Bund, Huangpu, settlement, "Izumo", air force, The Second Sino-Japanese war, consulate, bombardment, logbook, Curtiss Hawk III, Northrop Gamma-2E, fighter aircraft, bomber, anti-aircraft fire.

Окончание. Начало в № 1 (34) / 2023 г.

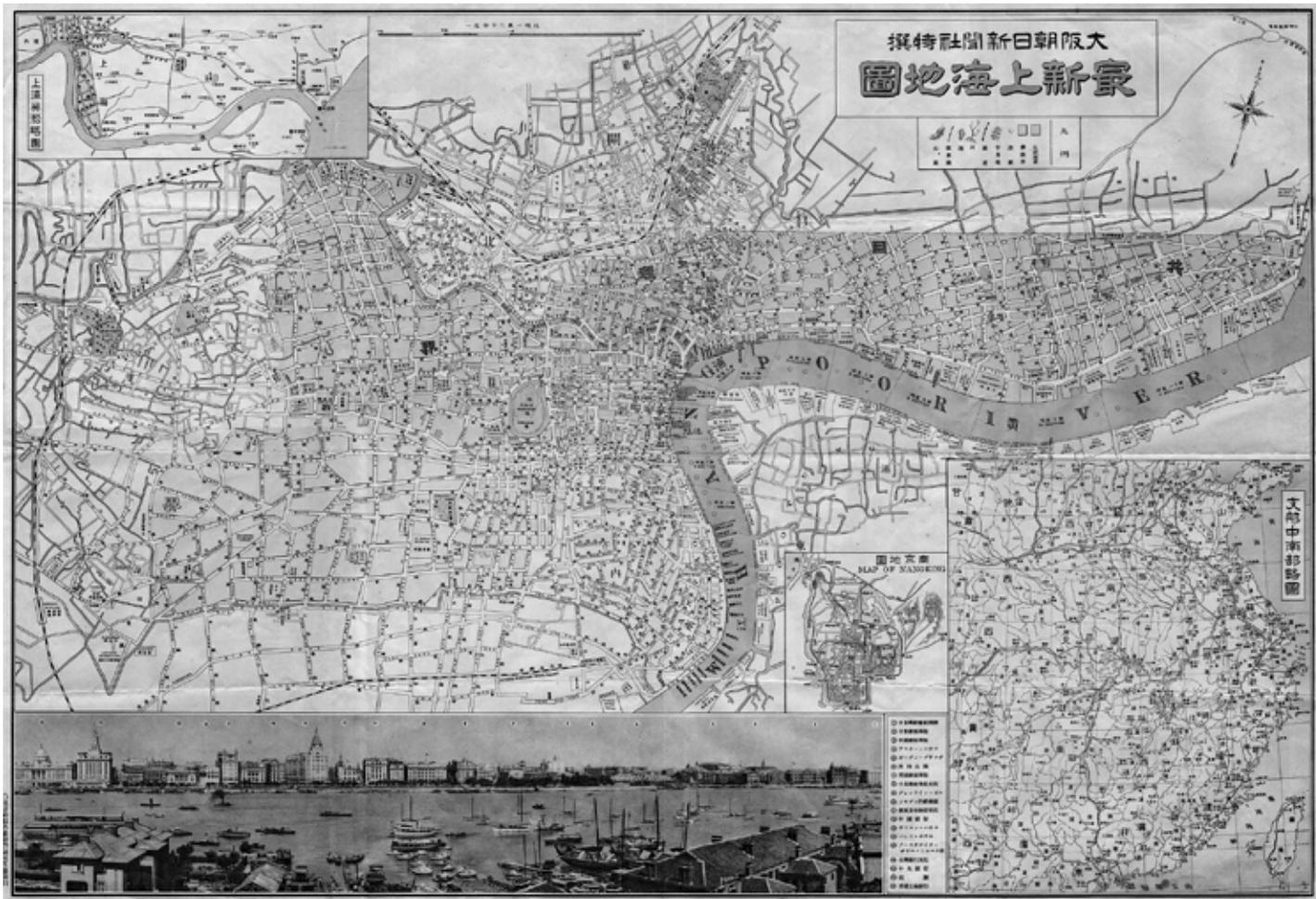
В первой части статьи нами были рассмотрены события «чёрной субботы» 14 августа 1937 года в Шанхае в соответствии с двумя основными версиями произошедшего, распространёнными в мировой историографии.

По официальной китайской версии, озвученной Чан Кайши, падение бомб было вызвано повреждением

бомбодержателей китайских самолётов огнём японских средств ПВО [8, р. 414].

По версии служившего в ВВС НРА американского добровольца Клэра Ли Шеннолта, бомбы были сброшены на международный селтльмент пилотами ВВС НРА в результате ошибок в прицеливании [6, р. 45].

Поскольку обе версии имеют свои слабые места, необходимо рассмотреть их более подробно, чтобы создать непротиворечивую версию событий, позволяющую объяснить произошедшую трагедию.

Карта Шанхая по состоянию на 1937 год.

Версия Чан Кайши о самопроизвольном падении бомб вследствие повреждения бомбодержателей огнём японской ПВО

В 23 часа 14 августа 1937 года посол США в Китае Джонсон сообщил консулу США в Шанхае Гауссу и госсекретарю Корделлу Хэллу официальную версию случившегося: «...согласно информации от Чан [Кайши], означенные самолёты имели целью японские военные корабли на реке [Хуанпу] и, [когда] в процессе пикирования [они] стали выравниваться поблизости от отеля “Катай”, они были повреждены огнём зенитной

артиллерии, и бомбы открепились и упали (bombs were loosened and dropped). Было задействовано три самолёта Northrop, два из них приземлились в Хункоу вследствие полученных повреждений, пилоты находятся в госпитале» [8, р. 414].

Принципиально сход бомбы с бомбодержателя в результате его повреждения (от любых причин) технически возможен. Но в боевом положении авиабомба закреплена на бомбодержателе с помощью пружинного замка, и для её сброса необходимо через тросовую тягу приложить к замку известное усилие для его размыкания. Если просто перебить тягу, это не только не вызовет

Крейсер «Идзумо», пришвартованный на реке Хуанпу около японского консульства. 1937 год.

падения бомбы, но даже лишит пилота возможности её сбросить вообще! Таким образом, для произвольного отсоединения бомбы от самолёта необходимо полное разрушение замка фиксатора.

Возможно ли такое попадание? Гипотетически да. Но вероятность того, что несколько самолётов получили практически одновременно такие ювелирные повреждения сразу четырёх замков (поскольку имеются сведения о четырёх взрывах), крайне мала.

Возможно ли, что Чан Кайши пытался сказать, что повреждения от зенитного огня получил сам самолёт, что привело к решению пилота об экстренном сбросе бомб?

Для анализа этого варианта необходимо учесть высоту полёта самолётов и их скорость. Направление полёта самолетов, сбросивших бомбы, нам известно точно: три бомбы, попавшие в отели «Катай» и «Палас», позволяют совершенно точно определить, что самолёты двигались с юго-запада на северо-восток.

Это доказывает то, что самолёты летели над международным селтльментом и сбросили бомбы с недолётом. Кучность попадания бомб в отели позволяет с абсолютной уверенностью утверждать, что три стофунтовые бомбы были одновременно сброшены с одного самолёта. Четвёртая, пятисотфунтовая авиабомба, попавшая в площадь у «Всемирного развлекательного центра», судя по взаимному расположению мест падения бомб, была сброшена с другого самолёта этого же звена, шедшего тем же курсом.

В ВВС НРА подобную бомбовую нагрузку могли нести два типа самолётов, участвовавших в тот день в налётах: истребители-бомбардировщики Curtiss Hawk III и лёгкие бомбардировщики Northrop Gamma-2E. Однако бомбардировщики несли намного больше бомб, поэтому их залповый сброс привёл бы к куда большим послед-

Истребитель-бомбардировщик ВВС НРА Curtiss Hawk III.

Лёгкий бомбардировщик ВВС НРА Northrop Gamma-2E-C на аэродроме Цзяньцяо.

ствиям, и было бы зафиксировано большее количество взрывов¹.

Поэтому мы будем исходить из того, что в бомбардировке участвовали самолёты Curtiss Hawk III. Стандартная бомбовая нагрузка такого самолёта — одна пятисотфунтовая бомба или четыре стофунтовых. Количество разрывов, зафиксированных на земле, — четыре, при этом три разрыва — это попадания стофунтовых бомб, и один — пятисотфунтовой бомбы. Информация из отчётов полиции французского сектора международного селтльмента о втором взрыве на площади около «Всемирного развлекательного центра» не подтверждается визуально: на месте взрыва имеется всего одна воронка, размеры которой не противоречат версии о взрыве пятисотфунтовой авиабомбы.

Также зафиксировано три попадания в отели. Поскольку Curtiss Hawk III нёс сразу четыре бомбы такого

¹ Бомбовая нагрузка бомбардировщика Northrop Gamma-2E составляла 727 кг, или, поштучно, две пятисотфунтовые авиабомбы, или 12 стофунтовых. Количество и номенклатура подвешиваемых авиабомб определялись количеством и расположением бомбодержателей.

калибра, вероятнее всего, одна из четырёх бомб либо не сошла с бомбодержателя (что технически возможно, но маловероятно, так как это чревато взрывом при посадке самолёта, но такой информации в нашем распоряжении не имеется), либо была сброшена, но не разорвалась и не была обнаружена при поисково-спасательных работах².

Для того чтобы наглядно продемонстрировать ход реконструкции ситуации, мы приводим ряд выкладок по тактико-техническим данным истребителей Curtiss Hawk III.

Максимальная скорость этого самолёта на малой высоте — 300 км/ч³, однако с бомбами на внешней подвеске (внутренние узлы подвески не предусмотрены конструкцией) несколько меньше. При заходе на цель в пологом пикировании скорость может быть и чуть больше 300 км/ч.

Для расчёта была принята скорость 80 м/с (288 км/ч). Высота, на которой истребители могли начать атаку, точно не устанавливается, однако известно, что метеоусловия не позволили японским морским лётчикам взлететь с авианосцев для нанесения ударов по авиабазам НРА в районе Нанкина. Соответственно, поскольку в районе Шанхая и 13, и 14 августа самолёты действовали достаточно активно, можно считать, что нижний край облачности составлял порядка 500 м, с периодически возникающими «окнами»⁴.

Сброшенная с такой высоты авиабомба достигает земли примерно за 10 с, начиная своё падение по параболе со скоростью самолёта, а затем постепенно отклоняясь вниз. Судя по точкам попадания бомб и их траекториям, зафиксированным на полицейских отчётах англо-американской части международного селтльмента, они не успели перейти в отвесное падение, что подтверждает малую высоту сброса, а значит, не успели потерять всю горизонтальную скорость.

Очевидно, что расчёт очень приблизительный и исходит из некоторых допущений (например по скорости), поскольку самолёты могли бросить бомбы как с пологого пикирования, так и кабрирования⁵, иметь высоту чуть меньше или чуть

больше взятой за ориентир, но в целом мы вряд ли сильно ошибёмся, если предположим, что в момент сброса бомб ведущий самолёт находился примерно на 500 м юго-западнее точки попадания бомб. А от точки падения этих бомб до крейсера «Идзумо» и японского консульства остаётся ещё более 600 м.

Таким образом, дистанция от ближайшего китайского самолёта до цели была не менее километра. При этом крейсер «Идзумо» был фактически ближайшей огневой точкой японской ПВО по отношению к китайскому самолёту в этот момент. Остальные японские корабли стояли намного дальше. Так, стоявший за «Идзумо» лёгкий крейсер «Сэндай» находился примерно ещё на километр северо-восточнее.

Тут особенно важно обратить внимание на то, что по состоянию на август 1937 года крейсер «Идзумо» был практически лишён зенитного вооружения. Построенный в 1898 году, он проектировался в эпоху, когда первые самолёты ещё не появились. Даже после Первой мировой войны (1914–1918 гг.), когда крейсер прошёл модернизацию, каких-либо серьёзных средств ПВО на нём так и не установили. Всего «Идзумо» располагал одним трёхдюймовым зенитным орудием и двумя зенитными пулемётами винтовочного калибра⁶.

Универсальное трёхдюймовое орудие 8 см / 40 калибра образца 11-го года правления императора Тайсё (1922 г.)⁷ изначально являлось орудием противоминной

Тумбовая установка японского флотского зенитного пулемёта «Льюис».

2 В связи с этим обстоятельством следует отметить, что в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) процент неразорвавшихся авиабомб был достаточно велик — многие неразорвавшиеся бомбы тех лет находят до сих пор.

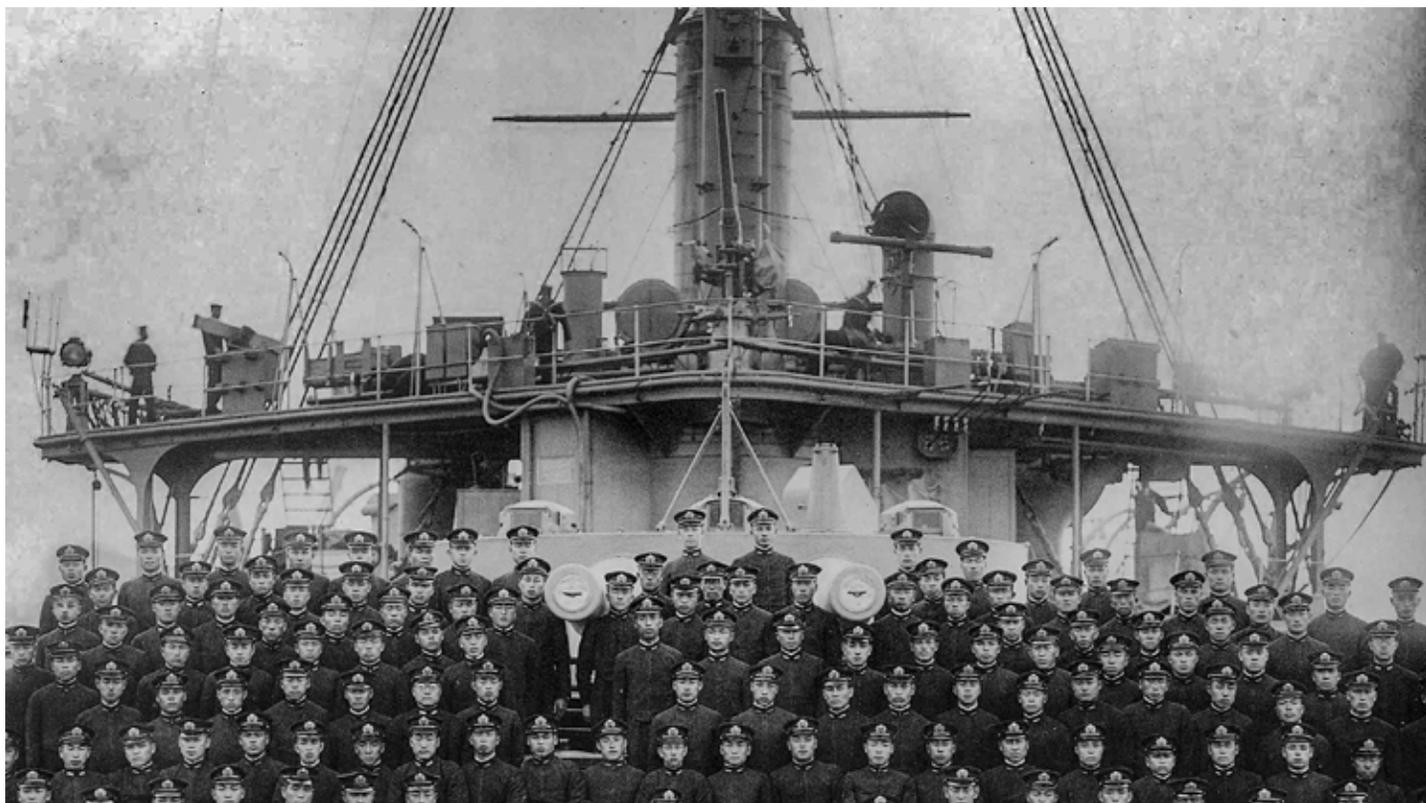
3 Скорость перерассчитана от максимальной, рассчитываемой на высоте 3000 м.

4 О высоте бомбометания в 1500 футов (457 м) пишет и Клэр Ли Шеннол, лично вылетавший к месту стоянки «Идзумо» 14 августа 1937 г. в середине дня [См.: 6, р. 45].

5 Кабрирование — авиационный термин, обозначающий вид тангажа (угловое движение летательного аппарата или судна относительно главной (горизонтальной) поперечной оси инерции), противоположный пикированию. При пикировании нос летательного аппарата находится ниже видимой линии горизонта, и машина движется вниз, при кабрировании — наоборот.

6 В годовом отчёте № 63 за 1937 г. японского военно-морского министерства [23, с. 8] не указано наличие зенитных пулемётов винтовочного калибра. По непроверенным данным, зенитное вооружение крейсера «Идзумо» по состоянию на август 1937 г. могло состоять из одного 8 см зенитного орудия, двух спаренных и двух одинарных зенитных автоматов «Тип 91» калибром 40 мм английского производства и двух одинарных пулемётов «Тип 93» калибром 13,2 мм. Однако в данном случае мы отдаём предпочтение данным официальных японских документов за 1937 г.

7 Несмотря на официальное обозначение калибра как 8 см, орудие стреляло снарядами калибром 76,2 мм. Являлось зенитной модификацией 8 см / 40 кал. обр. 3-го года Тайсё (1914 г.).

8 см / 40 калибра зенитное орудие образца 11-го года правления императора Тайсё на заднем мостике крейсера «Иватэ», однотипного с «Идзумо».

обороны⁸. Но, поскольку оно имело скорострельность один выстрел в четыре секунды и ручную установку замедлителей примитивного порохового типа, шансы попасть из него в одиночный самолёт или даже небольшую группу истребителей были близки нулю. Более того, в ходе японо-китайской (1937–1945 гг.) и Второй мировой (1939–1945 гг.) войн целые батареи таких орудий, ведя огонь по плотным формациям бомбардировщиков, чаще всего не добивались никаких успехов вообще.

Продемонстрируем это на примере: время полёта снаряда на расстояние 1 км составляло около 2 с. За это время истребитель пролетал около 150–160 м. Радиус гарантированного поражения осколками разорвавшегося в воздухе снаряда составлял примерно 15–20 м. После выстрела следовала перезарядка, занимавшая в лучшем случае примерно 4 с — за это время самолёт пролетал ещё около 350 м. Таким образом, наводчику нужно было рассчитать упреждение на 500 м с точностью до 15–20 м, при этом определить, дальше или ближе от цели разорвался предыдущий снаряд, успеть молниеносно выставить замедлитель с поправкой и выстрелить с точностью до доли секунды. Естественно, что и сами замедлители, и устройство их установки не давали такой точности, не

⁸ Такие орудия предназначались для отражения атак миноносцев, имевших в момент постройки крейсера скорость в пределах 30 узлов (55,5 км/ч).

говоря уже о том, что орудие наводилось вручную, «на глазок».

Ещё две огневые точки — это пулемёты винтовочного калибра 7,7 мм, установленные на тумбах, приваренных к крышам орудийных башен. В момент атаки в сторону международного селтльмента могла вести огонь только кормовая пулемётная точка. Передней перекрывали обзор рубка и трубы корабля.

Опыт Второй мировой войны наглядно показал, что эффективная дальность такого оружия при стрельбе по воздушным целям не превышает 300 м, предельная, при которой сохраняются шансы поразить цель, — 500 м. Вероятность попадания из одиночного пулемёта по истребителю на километровой дистанции стремится к нулю. Тем более что одиночный прострел плоскости крыла или фюзеляжной балки не мог привести к каким бы то ни было серьёзным для атакующего самолёта последствиям⁹.

На крейсере «Сэндай», стоявшем примерно на километр северо-восточнее, по состоянию на август 1937 года имелись два установленных на баке орудия 8 см / 40 калибра образца 11-го года правления императора Тайсё и два пулемёта

⁹ Для сравнения: в 1941 г. прикрытие советских аэродромов осуществлялось, как правило, несколькими одиночными и счётверёнными пулемётными установками, но ввиду недостаточной плотности и дальности зенитно-пулемётного огня они практически не мешали немецким истребителям штурмовать аэродромы на малых высотах.

Спаренный крупнокалиберный пулемёт «Тип 93» на флотской тумбовой установке.

«Тип 93» калибра 13 мм¹⁰ [См.: 23, с. 7].

Ситуация с орудиями ПВО была разобрана нами выше.

Пулемёты «Тип 93» — это более мощное и дальнобойное оружие, чем зенитные пулемёты винтовочного калибра, но оно же

и значительно менее скорострельное (450 выстрелов в минуту). Эффективная дальность стрельбы по воздушным целям для таких зенитных пулемётов составляла до 500 м, предельная — до 1000 м. Таким образом, снайперски поразить атакующий китайский самолёт в бомбодержатели на дистанции 2 км «Сэндай» тоже не мог.

Стоявшие ниже по течению Хуанпу канлодки 11-го отряда (яп. сэнтай, 戦隊)¹¹ «Сэта», «Катата» и «Тоба» имели суммарно шесть орудий 8 см / 40 калибра образца 11-го года Тайсё и 18 зенитных пулемётов Льюиса калибром 7,7 мм, однако в силу своей удалённости от эпицентра событий они не могли вести эффективный зенитный огонь по атаковавшим «Идзумо» китайским самолётам.

Разумеется, при наличии достаточного количества орудий ПВО в годы Второй мировой войны часто использовался заградительный огонь зенитной артиллерии: в этом случае огонь вёлся впереди по курсу атакующих самолётов, что заставляло пилотов менять курс, уходя от наблюдаемой зоны разрывов. Но в данном случае создать заградительную завесу японцам было нечем: одно 8 см

орудие на «Идзумо» и два на «Сэндай» не могли обеспечить необходимую плотность огня¹². При этом заградительный и прицельный огонь стоявшего ниже по течению (и, соответственно, встречавшего атаки со стороны Янчжоу) крейсера «Сэндай» вполне мог помешать бомбометанию первого звена.

Кроме того, в цитированном выше сообщении Джонсона имеется очевидная неточность: район Хункоу на момент трагедии представлял собой часть занятой японцами городской территории с плотной застройкой, и там было невозможно произвести посадку самолётов любой конструкции. По всей видимости, в сообщении имелся в виду аэродром Хунцяо, с которого начался так называемый инцидент Оямы 9 августа 1937 года, приведший к началу битвы за Шанхай, но сама по себе такая оговорка свидетельствует о сырости информации и, возможно, расчёте китайских дипломатов на то, что американцы не разберутся в обстановке. Возможно, что Джонсон подозревал нечто подобное, и поэтому копия телеграммы была направлена консулу Гауссу в Шанхай, чтобы он разобрался с происходящим на месте.

Таким образом, можно считать установленным, что зенитный огонь японского флота на ту дистанцию, с которой были сброшены бомбы, не мог быть настолько эффективным, чтобы нанести атакующим самолётам повреждения подобного характера, что делает несостоятельной официальную китайскую версию причин трагедии.

Версия Клэра Ли Шеннолта о промахе китайских лётчиков

Данная версия, изложенная Шеннолтом в его мемуарах, изданных в 1949 году, утверждает, что китайские лётчики учились бомбить с фиксированной высоты 7500 футов (2286 м) и скорости и из-за низкой облачности не смогли правильно перенастроить свои бомбовые прицелы [6, р. 45]. Эта версия также вызывает много вопросов¹³.

¹⁰ Пулемёты представляли собой лицензионную копию французского пулемёта Hotchkiss Mle 1929. Помимо этих аутентичных данных, существует также информация из исследования Лакруа и Уэллса о том, что на август 1937 г. крейсер «Сэндай» имел счетверённую пулемётную установку «Тип 93» перед носовым мостиком, две спаренные установки автоматических зенитных орудий «Тип 96» калибром 25 мм, а также две тумбовые установки пулемётов Льюиса калибром 7,7 мм [См.: 11, pp. 167–168, 195]. Однако в данном случае мы отдаём приоритет аутентичным японским документам 1930-х годов.

¹¹ Отряд предназначался для действий на р. Янцзы и был сформирован задолго до начала 2-й японо-китайской войны для обеспечения защиты интересов Японии в Китае в рамках реализации так называемой политики канонерок, характерного явления эпохи неравноправных договоров, когда Китай разрешал иностранным державам не просто иметь на своей территории вооружённые формирования и корабли этих держав, но и допускал применение ими оружия для защиты интересов этих держав. За несколько дней до начала боёв за Шанхай 11-й отряд успел сконцентрироваться в устье Янцзы и принял активное участие в битве за Шанхай.

¹² Если бы орудий ПВО, развёрнутых против атакующих со стороны международного селтльмента самолётов НРА, было в несколько раз больше, то версия об экстренном сбросе бомб для того, чтобы уйти с курса, на котором атакующие самолёты встречала плотная заградительная завеса, имела бы право на существование. Однако в сложившейся 14 августа 1937 г. ситуации вряд ли японские артиллеристы смогли за считанные секунды точно пристреляться по китайским истребителям, чтобы поставить эффективную заградительную завесу. В свою очередь, вряд ли редкие и некучные разрывы зенитных снарядов могли вынудить китайских пилотов сбросить бомбы, не доходя до цели несколько сот метров, до расчётной точки атаки.

¹³ Воспоминания Шеннолта в целом полны неточностей относительно этого эпизода как по количеству сброшенных бомб, хронологии событий, количеству жертв бомбардировки, так и по переоценке им своей роли в организации ударов ВВС НРА по японским кораблям в Шанхае.

Во-первых, в те времена бомбардировка с горизонтального полёта с высоты менее 1100 м с использованием бомбовых прицелов была практически невозможна. Чтобы можно было увидеть в окуляр прицела точку предполагаемого попадания, бомба должна была после сброса успеть перейти в отвесное падение, что невозможно на малых высотах.

Во-вторых, в ВВС НРА в тот момент бомбовые прицелы имелись только на бомбардировщиках, что подразумевает гораздо более серьёзные последствия в случае промаха — участвовавшие в тот день в авианалётах китайские бомбардировщики Northrop Gamma-2E несли гораздо больше бомб, что ощутимо сказало бы на результатах бомбардировки.

На практике и пилот бомбардировщика, и тем более пилот истребителя-бомбардировщика имели в той ситуации, исходя из погодных условий над Шанхаем, всего один возможный вариант атаки — с пикирования.

Как уже говорилось выше, для отвесного пикирования возможности не было. При этом следует отметить, что при заходе на атаку с углом пикирования 70–90° даже опытного экипажа в идеальных условиях высота, с которой начинается пикирование, не должна быть менее 1500 м. Гораздо чаще при пикировании атаку производили с высоты 2000 м и даже больше. Соответственно, пилоты были вынуждены пытаться сбросить бомбы, пикируя на цель под углом 30–60°¹⁴. Но, выполняя такую атаку, лётчики ясно видели бы цель непосредственно перед сбросом бомб, перед тем как она скрылась бы под капотом, и промахнуться на 600 с лишним метров не могли!

Если же предположить, что лётчики вводили самолёт в пологое или короткое среднее пикирование с высоты порядка 500 м и сбрасывали бомбы с высоты около 300 м (т. е. достаточно рано), то и тогда они вряд ли смогли бы промахнуться более чем на 300 м! Даже если учесть скорость ветра, он никак не мог дополнительно отнести бомбы более чем на 50–70 м от точки прицеливания¹⁵.

¹⁴ Тактика атаки с малой высоты (500–300 м) и с пологого пикирования (30–35°) использовалась не только истребителями-бомбардировщиками, но и всеми штурмовиками Второй мировой войны, включая довольно тяжёлые (снаряжённая масса от 5310 до 6160 кг в зависимости от модификации) Ил-2. Кроме того, атака со среднего угла пикирования (45–60°) в коротком «нырке» в 1930-е гг. являлась стандартным тактическим приёмом пилотов истребителей-бомбардировщиков многих стран, что делает вероятным его изучение в китайских лётных школах, где преподавали итальянские и американские инструкторы.

¹⁵ По данным судового журнала крейсера «Идзумо», с 10:00 утра до 18:00 скорость ветра варьировалась по токийскому времени в пределах 9–10 м/с, ветер постоянно дул с севера [См.: 15, с. 51]. Данные судового журнала крейсера «Идзумо» представляются более актуальными, так как именно он был основной целью китайских самолётов. В то же самое время на крейсере «Сэндай», стоявшем восточнее, отмечали северо-восточное направление ветра и его большую скорость — от 11 до 17 м/с [См.: 17, с. 35].

Кроме того, направление падения бомб отклоняется от продольной оси крейсера вправо на довольно значительный угол. Такой ошибки пилоты допустить не могли, даже если предположить, что они решили бомбить «на глазок» с горизонтального полёта и почему-то сбросили бомбы на нелогично большом расстоянии от цели, то уж азимут на цель они точно могли выдержать! Тем более что вокруг было много ориентиров в виде высотных зданий.

В ходе компьютерного моделирования ситуации, проведённого авторами статьи, выяснилось, что кабина пилота Curtiss Hawk III имеет недостаточно хороший обзор. Несмотря на то что при разработке этого самолёта конструкторы специально занизили мотор относительно рамы и сдвинули нижнее крыло назад, чтобы обеспечить пилоту максимальный обзор вперёд-вниз именно для бомбометания с пикирования, о чём они прямо указывали в рекламных буклетах своего самолёта, всё же идти точно на цель, удерживая её в поле зрения, не позволял кокпит¹⁶. Поэтому для построения захода на атаку с пикирования с высоты 500 м удобно идти немного в сторону от цели под углом примерно 15°, чтобы наблюдать цель немного сбоку от себя, а затем уже непосредственно перед переходом в пикирование выполнить доворот.

Компьютерное моделирование атаки на корабль с Curtiss Hawk III показало, что с учётом специфики обзора из его кабины наиболее удобный заход в точности повторяет на одном из участков траекторию и расстояние, с которых были сброшены бомбы. Однако в реальности бомбы были сброшены намного раньше начала доворота для выхода самолёта в атаку. Соответственно, ошибка в прицеливании может быть исключена — очевидно, что китайские самолёты собирались произвести атаку с пологого или среднего пикирования и строили траекторию движения именно так, как это удобнее всего сделать на данном типе самолёта. Но что-то заставило их сбросить бомбы, не дойдя до цели буквально восемь секунд. Этого очень мало, чтобы сомневаться в твёрдом намерении пилотов атаковать «Идзумо», но слишком много, чтобы быть промахом.

Таким образом, версия Клэра Ли Шеннолта также не соответствует реалиям, зафиксированным в документах 1937 года.

Версия на основе китайских и японских документов

Для получения полной картины произошедшего нами была предпринята попытка с максимальной точностью воссоздать все события того дня по часам и минутам, опираясь на имеющиеся китайские данные и судовые журналы

¹⁶ Кокпит (cockpit) — кабина лётного экипажа. Термин устойчиво применяется в отношении самолётов 1910-х – 1940-х гг. постройки.

Пожар на нефтехранилище *Asiatic Petroleum Company*.
Шанхай, август 1937 года.

Американский крейсер «Огаста» на реке Хуанпу. На заднем плане — пожар на нефтехранилище *Asiatic Petroleum Company*.
Шанхай, август 1937 года.

японских кораблей, отдавая приоритет последним, как более полным и подробным. Удалось обнаружить пять журналов: тяжёлого крейсера «Идзумо», лёгкого крейсера «Сэндай», а также канонерских лодок «Сэта», «Катата» и «Тоба»¹⁷.

Первой задачей стала необходимость правильно определить расположение японских кораблей на Хуанпу. Изначально было точно известно лишь расположение «Идзумо» (ошвартован около японского консульства) и канлодки «Сэта», стоявшей в устье реки Хунцзян. К счастью, вахтенные офицеры японского императорского флота с высокой точностью указывали азимуты на всё, что видели и сочли нужным отметить. Так, в судовых журналах имеются указания на попадания бомб в известные нам объекты и пожары на них.

Часть объектов, в частности горящие цистерны нефтяной компании *Asiatic Petroleum Co.* в районе Пудун, на южном

берегу Хуанпу, удалось идентифицировать на фотографиях Шанхая, сделанных в тот день. Из карт Шанхая 1930-х годов стало точно известно расположение ещё двух целей ВВС НРА: верфи Хуйшань и ткацкой фабрики «Гунда» на северном берегу Хуанпу, благодаря чему удалось позиционировать все корабли с достаточно высокой степенью точности, делая триангуляцию по двум точкам на берегах и азимутам на них.

В результате было установлено, что корабли стояли достаточно далеко друг от друга, причём группа канлодок не находилась в прямой видимости с крейсера «Идзумо», из-за чего не все события ими наблюдались в равной степени хорошо.

Отличалась и манера ведения судовых журналов. Если вахтенный офицер «Идзумо» фиксировал лишь наиболее значимые на его взгляд события (при том что его крейсер был главным объектом атак ВВС НРА), то вахтенный офицер «Сэндай» отметил колоссальное количество деталей¹⁸.

Записи в судовых журналах канлодок, в силу их удалённости от места основных событий, менее подробны, в них фиксировались в основном количество замеченных самолётов, направление их движения и участие кораблей в отражении атаки с воздуха.

Параллельно нами воссоздавалась диспозиция ВВС НРА по состоянию на 14 августа 1937 года. Накануне, в 14 часов 13 августа, в Нанкине был издан приказ № 1 командования ВВС НРА, подписанный главкомом ВВС НРА Чжоу Чжижоу и его заместителем Мао Банчу, о перебазировании авиагрупп (АГ) на новые аэродромы, обеспечивавшие возможность нанесения эффективных ударов по японской части селтльмента¹⁹.

В 20 часов 13 августа вице-консул Японии в Шанхае²⁰ сообщил генеральному консулу США в Шанхае Кларенсу Гауссу (1887–1960 гг.), что он хотел бы, чтобы все заинтересованные лица с американской стороны были оповещены о том, что японцы будут использовать свою ПВО для отражения атак китайской авиации и что полёты коммерческих авиарейсов

18 В. А. Бушмакиным была проделана огромная работа для того, чтобы разобрать записи вахтенного офицера с «Сэндай», написанные крайне неразборчивым почерком. Благодаря этому в нашем распоряжении оказались максимально полные сведения, позволившие составить достаточно объективную картину произошедшего.

19 Согласно приказу № 1, командирам всех АГ, кроме 7-й разведывательной АГ Тао Цзодэ, базировавшейся в г. Сиане в провинции Шэньси, следовало к 10:00 14 августа 1937 г. прибыть в Нанкин для получения персональных предписаний о сроках перебазирования. Перебазирование на ближайшие к Шанхаю аэродромы следовало завершить между 16 и 18 часами 14 августа 1937 г. Об исполнении приказа следовало доложить и ожидать конкретных указаний для начала боевых вылетов.

20 В источнике не указывается имя вице-консула. В 1937 г. в Шанхае уже имелся вице-консул Ёсиока Норитака, кроме того, 13 августа туда были в срочном порядке направлены ещё два японских дипломата, выполнявших ранее роль консулов в других китайских городах: Танака Сэйити и Сиروي Ясуси. Кто из них передал информацию американцам — неясно.

17 На реке Хуанпу в тот момент находился как минимум ещё эсминец «Сигурэ», но его журнал обнаружить не удалось. Кроме того, обнаружен судовой журнал эсминца «Цуга», однако он не находился в Шанхае во время рассматриваемых событий.

над местами базирования японских кораблей будут отнесены полностью на риск и ответственность стороны, производящей такие полёты. Поскольку японское консульство постоянно сносилось с вице-адмиралом Хасэгавой Киёси, державшим флаг на крейсере «Идзумо», таким образом силы ВМФ Японии в Шанхае показали, что будут готовы к решительному отражению авианалётов на свои корабли [8, р. 404].

В 22 часа 13 августа Чан Кайши по секрету сообщил послу США в Китае Нельсону Джонсону (1887–1954 г.), что его беспокоит, что иностранные военные корабли стоят очень близко к японским кораблям на Хуанпу, и что его беспокойство можно рассеять, передвинув корабли на другие якорные стоянки, так как китайская авиация может быть вынуждена атаковать японские корабли, поскольку к 15 августа китайцы ожидают начала большой японской военной операции в Шанхае [8, р. 406]. Из этого сообщения становится понятным, что китайцы намереваются нанести превентивный удар по японским кораблям до того, как японцы сами перейдут в наступление.

Как становится очевидным из общения Джонсона и Гаусса с китайской и японской сторонами, и Китай, и Япония готовились к схватке за Шанхай.

Когда к ночи 13 августа выяснилось, что перебазирование всей авиации не может быть завершено к назначенному времени, в то время как в Шанхае с 15 часов 13 августа уже начались уличные бои, в 02:00 14 августа был издан приказ № 2, предписывавший начать атаки по мере готовности каждой АГ, не дожидаясь окончательного сосредоточения китайских ВВС на новых аэродромах. К сожалению, нам не удалось обнаружить полный текст этого приказа, но цитаты из него приводились в ряде китайских работ по этой теме, и были нами использованы для реконструкции хода событий.

Из приказа № 2 следовало, что утром 14 августа 2-й бомбардировочной, временной и 5-й истребительной АГ следовало нанести бомбовые удары по целям в Шанхае: кораблям на реке Хуанпу, ткацкой фабрике «Гунда». Особо важно отметить, что 5-й истребительной АГ ставились задачи исключительно по бомбардировке кораблей. Все участвующие в операции АГ должны были начать подготовку к вылету в 7 часов утра, чтобы в 9:00 или 9:40 (в зависимости от расстояния) быть над предписанными им районами и нанести авиаудары по японским войскам и кораблям.

2-я АГ, состоявшая из трёх авиаэскадрилий (АЭ)²¹ бомбардировщиков Northrop Gamma-2E, к вечеру 13 августа

²¹ В среднем в АЭ ВВС НРА насчитывалось от 6 до 10 самолётов, вне зависимости от типа АЭ, однако количество полётопригодных машин могло быть ниже. Как правило, все неисправные машины продолжали числиться за АЭ, но находились в резерве командования той АГ, в которую входила АЭ. Поэтому количество машин той или иной АЭ, участвовавших в налётах, может отличаться от номинального состава АЭ.

перебазировалась на аэродромы Гуандэ и Чансин, расположенные примерно в 200 км и 150 км к западу от Шанхая²².

Временная АГ, состоявшая из различного типа самолётов-разведчиков, истребителей и т. п., сформированная на базе Центральной лётной школы в Цзяньцяо, находилась на расстоянии около 90 км до цели к юго-западу²³.

5-я АГ, состоявшая из трёх АЭ истребителей Curtiss Hawk III, была переброшена из Наньчана на авиабазу Янчжоу, расположенную на северном берегу Янцзы. Расстояние до Шанхая составляло примерно 230 км по прямой. А учитывая, что лётчики в качестве единственного ориентира, особенно в плохую погоду, могли использовать только реку Янцзы, длина их маршрута составляла примерно 265 км в одну сторону²⁴.

Безусловно, самолёты Curtiss Hawk III имели достаточную дальность для преодоления такого расстояния, но с бомбами вместо подвесных баков это было близко к пределу их возможностей и ограничивало свободу манёвра²⁵.

Первая атака самолётов, которая была отмечена японскими вахтенными офицерами, — это налёт пяти бомбардировщиков Northrop Gamma-2E, атаковавших канонерские лодки, расположенные вблизи устья Хуанпу. Надо отметить, что японцы засекли самолёты примерно за 10 минут до сброса первых бомб, около 10:50 по токийскому времени²⁶. Группа заходила на цель с юга. Зенитный огонь по ним открыли канонерские лодки «Сэта», «Катата» и «Тоба».

²² 2-я бомбардировочная АГ, командир авиагруппы — Чжан Тинмэн, заместитель командира — Сунь Тунган. В состав 2-й АГ входили три эскадрильи: 9-я АЭ, командир эскадрильи — Се Юйцин, место первоначального базирования — Наньчан, с 13 августа — Чансин; 11-я АЭ, командир эскадрильи — Хуан Чжэньюй; 14-я АЭ, командир эскадрильи — Чжао Тинчжэнь, заместитель командира — Лань Цзяньцюань, место базирования обеих АЭ — Гуандэ. На вооружении каждой эскадрильи состояло по девять самолётов Northrop Gamma-2E.

²³ Временная АГ Центральной авиационной школы, командир авиагруппы — Чэнь Ювэй, на вооружении состояли самолёты Curtiss Hawk III, Vought V-65C/V92C Corsair и Douglas O-2MC — около 25 полётопригодных единиц. Место базирования — аэродром Центральной авиационной школы в Цзяньцяо.

²⁴ 5-я истребительная АГ, командир авиагруппы — Дин Цзисюй, заместитель командира — Ма Тинхуай. В состав группы входило три эскадрильи: 24-я АЭ, командир эскадрильи — Лю Цуйган, заместитель эскадрильи — Лян Хуньюнь, на вооружении — 10 самолётов Curtiss Hawk III; 25-я АЭ, командир эскадрильи — Ху Чжуанжуй, заместитель командира — Дун Миндэ, на вооружении — девять самолётов Curtiss Hawk III; 28-я АЭ, командир эскадрильи — Чэнь Цзичун, заместитель командира — Чэнь Жуйдянь, на вооружении — девять самолётов Curtiss Hawk III, один самолёт Focke-Wulf Fw-44. Место базирования 5-й АГ с 13 августа — Янчжоу.

²⁵ Относительно лётно-технических характеристик китайских и японских самолётов, задействованных в операции 14 августа 1937 г., см. таблицу на с. 74.

²⁶ Все судовые журналы императорского японского флота велись по токийскому времени. Разница во времени между Токио и Шанхаем составляла один час. Таким образом, 10:50 по токийскому времени соответствует 9:50 по шанхайскому времени, что соответствует времени, указанному в приказе № 2 относительно начала операции.

Очевидно, что за 10 минут лёта по прямой самолёты вряд ли могли быть обнаружены, это дистанция свыше 40 км. Следовательно, они кружили в видимости цели, занимаясь ориентировкой, опознанием целей и выбирая направление для атаки. В воздухе звенья рассыпались, после чего один самолёт атаковал противника с юга, затем к нему в 11:18 присоединились ещё два²⁷, зашедшие с севера и сбросившие бомбы после разворота. Затем в зоне видимости появилось ещё четыре самолёта, один из которых атаковал самостоятельно и три — группой. Самолёты то появлялись, то пропадали из вида, прежде чем зайти на бомбометание. Последние бомбы были сброшены в 11:23. На этот раз их целью был крейсер «Идзумо».

Вахтенные офицеры крейсеров довольно точно подсчитывали количество сброшенных бомб, показания журналов практически сходятся, из чего можно сделать вывод, что китайцы бомбили крейсера пятисотфунтовыми фугасными бомбами из расчёта по две на машину. Несколько бомб упало в воду, по данным с «Идзумо», на расстоянии 300 м от корабля, ещё пара бомб попадала в здания на северном берегу Хуанпу. В связи с этим становится очевидным, что атаки выполнялись или поперёк корпуса корабля, или под очень большим углом к его продольной оси.

В 11:35 японскими наблюдателями был замечен одинокий самолёт, судя по его поведению — разведчик. По нему открыли зенитный огонь «Сэндай» и стоявшая намного восточнее «Тоба», после чего самолёт пропал из виду²⁸.

Аналогичным образом с 12:00 до 14:20 японцы фиксировали пролёты одиночных разведчиков. Судя по указанным в журналах азимутам, китайцы летали над районом Яншупу, контролируемым японцами. Скорее всего, это были самолёты Douglas O-2 и Corsair из временной АГ.

В 13:04–13:10 разведчик приблизился к «Катата» и «Тоба», был открыт зенитный огонь.

В 13:21–13:24 «Сэта» открыла огонь по появившемуся около неё самолёту.

С 14:20 до 14:25 с канлодки «Тоба» наблюдали атаку целого звена разведчиков²⁹ и вели по ним зенитный огонь.

²⁷ Вероятно, это было звено одной из АЭ 2-й АГ.

²⁸ Предположительно, это был самолёт, пилотируемый Клэром Ли Шеннолтом, вылетевший на рекогносцировку с целью уточнить дальнейший план действий китайских ВВС [См.: 6, pp. 45–46]. Тем не менее спустя 12 лет после событий Шеннолт пишет, что вылетел из Нанкина ранним утром, что противоречит хронологии событий, зафиксированных в судовых журналах японских кораблей.

²⁹ 1920-е – первая половина 1930-х гг. были временем расцвета универсальных самолётов, представлявших собой одновременно и разведчик, и лёгкий бомбардировщик, и даже штурмовик: в условиях неразвитой войсковой ПВО лишённые брони самолёты могли штурмовать позиции пехоты и даже корабли. Яркий пример действий подобных самолётов — действия гидросамолётов МР-1 и их сухопутного аналога Р-1 в боях за Лахасусу и Фугдин в 1929 г. в ходе конфликта на КВЖД.

В 14:29 оба крейсера выпустили свои поплавковые гидро-самолёты-разведчики «Накадзима E8N1»³⁰. Этот процесс занял некоторое время, поскольку более современный «Сэндай» запускал самолёт с катапульты, а у построенного в 1898 году «Идзумо» катапульты не было, поэтому он был вынужден спускать гидроплан на воду стрелой, чтобы тот мог выполнить разбег с воды. Задачей гидропланов было прояснить ситуацию и по возможности нанести бомбоштурмовой удар по китайскому аэродрому Хунцяо.

Гидросамолёт-разведчик ВВС японского императорского флота «Накадзима» «Тип 95» E8N1 с крейсера «Идзумо» на реке Хуанпу. 1937 год.

В 14:30 на «Тоба» отметили атаку с восточного направления сразу пяти бомбардировщиков. Один из этих самолётов, судя по всему, прошёл вдоль реки южнее японских кораблей — по нему по очереди с разницей около минуты открывают огонь почти все корабли.

В 14:47 этот одиночный бомбардировщик окончательно пропадает из виду.

В 14:50, после 20-минутного отсутствия, на Хуанпу приводнились японские разведчики. Через 10 минут они уже были подняты на борт своих кораблей для дозаправки и пополнения боекомплекта.

Затем наступило временное затишье, во время которого посол Джонсон в 15:00 успел передать в Вашингтон телеграмму, основанную на официальном китайском заявлении, что три эскадрильи ВВС НРА нанесли успешные бомбоштурмовые удары по целям в Шанхае, поразив штаб-квартиру японской морской пехоты и фабрику «Гунда», а также попытались уничтожить «Идзумо», но промахнулись, поразив расположенную рядом верфь. При этом несколько китайских самолётов получило повреждения, а один не вернулся на базу [8, p. 407–408].

С 15:50 до 16:00 японские вахтенные офицеры снова отмечают появление в воздухе китайских самолётов. Следует сказать, что шторм в открытом море сделал невозможным вылеты палубной авиации с находившихся там в тот момент японских авианосцев «Хосё», «Рюдзё» и «Кага», поэтому

³⁰ Через несколько лет, когда союзники введут кодовые имена для обозначения японских самолётов, этот аэроплан получит имя Dave. Самолёт имел курсовой и турельный пулемёты, а также мог нести бомбовую нагрузку общим весом в 60 кг.

какое-либо истребительное прикрытие японских кораблей, стоявших на Хуанпу, полностью отсутствовало. Гидросамолёты-разведчики на крейсерах являлись единственными японскими самолётами в Шанхае.

Для обеспечения безопасности кораблей командиры обоих крейсеров приняли решение поднять в воздух свои разведчики для воздушного патрулирования, о чём в судовых журналах были сделаны соответствующие записи.

В 16:16 с поверхности Хуанпу поднялся в воздух гидроплан с «Идзумо», а через 10 минут с катапульты «Сэндай» стартовал второй самолёт.

Гидросамолёты «Накадзима E8N1» имели большой запас горючего, что позволяло им держаться в воздухе примерно четыре с половиной часа. Самолёт обладал отличной маневренностью, почти не уступая в этом истребителям-бипланам, и хорошую скорость: при крейсерской скорости 185 км/ч самолёт мог максимально развить 296 км/ч (на высоте 3000 м, у земли максимальная скорость была намного меньше — около 250 км/ч), что было сравнимо с Curtiss Hawk III при выполнении им задач бомбардировщика³¹.

В 17:00 на канлодке «Катата» была замечена атакующая группа из трёх самолётов.

В 17:05 замечена ещё одна группа.

Очевидно, что самолёты скрывались от наблюдателей в облаках, идя под нижней границей облачности. Учитывая подлётное время из Янчжоу, это были самолёты 24-й АЭ 5-й АГ, оснащённой истребителями Curtiss Hawk III³².

В это же время по первым трём самолётам открыл огонь «Идзумо». А на «Сэндай», который имел лучший обзор, находясь в центре позиции, обнаруживают уже пять самолётов на 136° справа³³.

Одновременно сигнальщики и «Тоба», и «Катата» наблюдают атаку трёх самолётов на «Идзумо» и её отражение средствами ПВО крейсера. Самолёты ушли, при этом ни один из вахтенных офицеров не указал на то, что заходившие на «Идзумо» в 17:05 самолёты отбомбились

по крейсеру, в то время как все остальные сбросы были зафиксированы по меньшей мере в судовом журнале «Идзумо».

Отсутствие упоминания о сбросе бомб не значит, что их не сбросили вообще, но это значит, что они не упали рядом с крейсером. Судя по всему, группа из пяти самолётов разделилась. Первое звено, ведомое будущим асом китайских ВВС, командиром 24-й АЭ Лю Цуйганом (1913–1937 гг.), очевидно, встретив сильный зенитный огонь «Сэта», «Сэндай» и «Идзумо», от атаки отказалось³⁴. Вероятно, китайцы выбрали другие цели³⁵. Нельзя исключить и того, что первое звено сбросило бомбы из-за зенитного огня с излишней высоты и поперёк корпуса корабля, но промахнулось, и они упали за зданием, а места их падения с кораблей не были видны.

Капитан ВВС НРА, командир 24-й истребительной АЭ Лю Цуйган.

Капитан ВВС НРА, заместитель командира 24-й истребительной АЭ Лян Хуньюнь.

Но куда делись ещё два самолёта из пяти, замеченных наблюдателями «Сэндай»? В 17:12 вахтенный офицер «Сэндай» делает запись: «Слева на 30° [замечены] два самолёта». В 17:15 он дополняет: «Самолёты пропали из вида».

³¹ Крейсерская скорость китайского истребителя составляла 253 км/ч, максимальная у земли — 310 км/ч. Однако с авиабомбами на внешней подвеске аэродинамика самолёта ухудшалась, и максимальная скорость неизбежно снижалась.

³² В том, что это были бипланы, сомнений нет: японские наблюдатели чётко выделяли монопланы Northrop Gamma-2E, и офицеры фиксировали это в судовых журналах. В то же самое время огромное количество разнотипных бипланов, находившихся на вооружении ВВС НРА, делало их определение в воздухе затруднительным, и тогда в судовых журналах фиксировалось только то, что замечены вражеские самолёты, их количество, удаление и азимут.

³³ Для определения азимута на воздушную цель сигнальщики указывали примерный угол, отсчитывая его от носа корабля по своему борту — правому или левому.

³⁴ Возможно, в отражении атаки участвовали также средства ПВО находившихся на берегу частей японской морской пехоты (Imperial Japanese Navy Special Naval Landing Force, IJNSNLF). Самолёты Лю Цуйгана были встречены сначала зенитным огнём канонерок, потом к ним присоединился «Сэндай», а на заключительном этапе — и стоявший дальше всех к западу «Идзумо».

³⁵ Существовала практика указания запасной цели, если атака основной цели окажется невозможной. В городе китайская авиация бомбила и штурмовала опорные пункты японской морской пехоты.

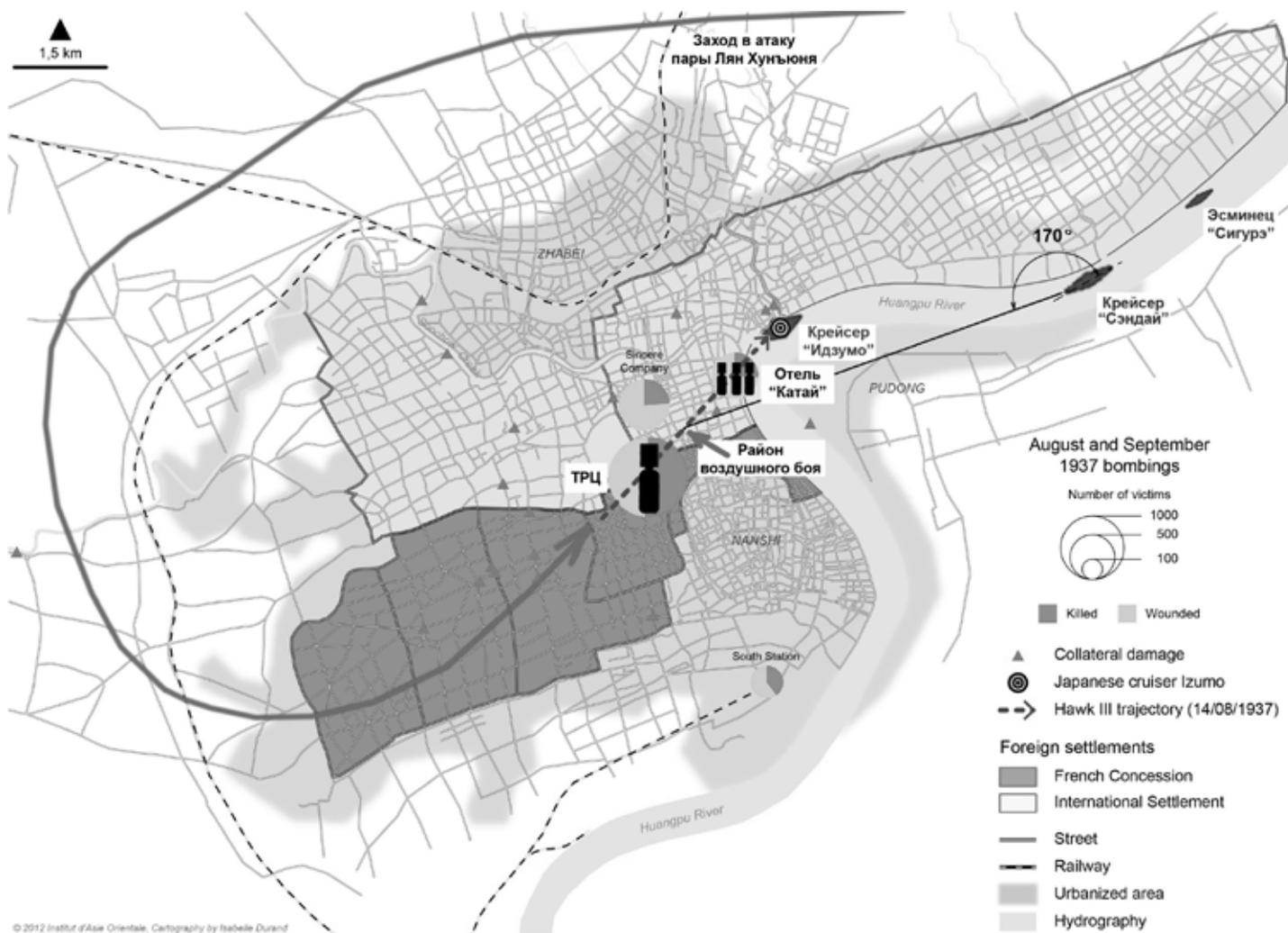

Схема выхода звена Лян Хунъюня в атаку. Шанхай, 14 августа 1937 года (автор — М. В. Карфидов).

Судя по всему, это ведомая замкомэска 24-й АЭ Лян Хунъюнем (1913–1937 гг.) пара истребителей обходит цель с севера, удаляясь от крейсеров, возможно, прячась в облаках. Как мы предполагаем, исходя из записей в журнале «Сэндай», пока внимание ПВО было сосредоточено на первой тройке, Лян Хунъюнь принял решение обойти зону зенитного огня по широкой дуге с севера, чтобы зайти со стороны международного сэттльмента.

Это давало ему сразу два огромных преимущества. Во-первых, он мог совершенно спокойно подойти на дистанцию уверенного бомбометания, поскольку никакого зенитного огня на своём боевом курсе (если не считать единственного пулемёта «Идзумо», способного вести огонь в западном направлении, уже на финальной части пикирования, когда попасть в самолёт почти нереально) он бы не встретил.

Наблюдая за атакой Лю Цуйгана, Лян Хунъюнь имел возможность чётко увидеть по трассерам³⁶ пулемётов,

³⁶ Трассер (трассирующая пуля или снаряд) — боеприпас особой конструкции, поражающие элементы (пуля или снаряд) которого начинают светиться в полёте, создавая ясно видимый след (трассу) для стрелка, предназначенный для корректировки огня и целеуказания.

откуда ведётся наиболее опасный огонь ПВО, а где его нет вообще.

Во-вторых, заход со стороны международного сэттльмента давал главное — возможность уверенно выполнить атаку, заходя вдоль корпуса крейсера, а не поперёк, что увеличивало шансы на успешное поражение цели. С обратной стороны для этого пришлось бы пройти через весь зенитный огонь всех японских кораблей (и всех возможных средств ПВО морской пехоты на берегу). Казалось бы, сложились идеальные условия для успешной атаки, но, как нам известно из её последствий, что-то пошло не так.

Ответ на вопрос о причине неудачи атаки звена Лян Хунъюня даёт запись в судовом журнале крейсера «Сэндай» за 17:17: «Гидросамолёт с «Идзумо» ведёт бой с самолётом противника на 170° слева».

Бой происходит практически за кормой крейсера «Сэндай», с поправкой на то, что скорее всего было указано не само время атаки, а начало активного сближения, которое видел наблюдатель «Сэндай», но не видел Лян Хунъюнь...

Существует небольшая разница во времени (10 мин.), которое указано в судовом журнале относительно начала

воздушного боя, и времени, когда, как считается, бомбы упали на селтльмент. Время падения бомб было зафиксировано по большим настенным часам во «Всемирном развлекательном центре», которые взрывом сорвало со стены. Такие часы даже в наши дни на многих объектах легко могут отставать или спешить на несколько минут, не говоря уже о том, что тяжёлая фигурная минутная стрелка могла сдвинуться вниз чисто по инерции от удара.

Капитан ВВС японского императорского флота Мията Акира.

Атакующий экипажем капитана Мияты Акиры Лян Хунъюнь не был сбит. Смертельно раненый, он смог выйти из боя и посадить самолёт на ближайший китайский аэродром Хунцяо, расположенный примерно в 16 км от места боя. В 17:20 (менее чем через час после попадания бомб в отели «Катай» и «Палас») Лян Хунъюнь скончался от полученных ранений.

Итак, основываясь на сопоставлении записей судовых журналов по времени, месту и обстоятельствам, мы можем с максимально возможной степенью вероятности утверждать, что события «чёрной субботы» развивались именно так. Лян Хунъюнь со своим ведомым решил не следовать за первым звеном из-за слишком сильного противодействия огня ПВО, а решил выполнить заход на цель через международный селтльмент. Отвернув вправо на восток, он обошёл Шанхай с севера и начал выполнять заход для атаки с юго-запада. Время для выполнения такого манёвра точно соответствует указанному в японских документах. За восемь секунд до сброса бомб всё внимание лётчика было полностью сосредоточено на цели. Ведомый, шедший на несколько сот метров позади, следил за самолётом командира, чтобы сразу же за ним начать переход в пикирование³⁷.

Однако японский самолёт-разведчик, патрулируя небо над кораблями, вовремя обнаружил атакующие китайские самолёты и ринулся на перехват, скорее всего, на встречных курсах, поскольку догнать идущий в атаку Curtiss Hawk III с хвоста более тихоходный гидросамолёт вряд ли бы смог. Пользуясь плохим обзором из кабины китайского истребителя, а также тем, что Лян Хунъюнь был полностью сосредоточен

на цели, японец атаковал его самолёт и смертельно ранил лётчика³⁸. Тот, в свою очередь, немедленно сбросил бомбы «где был», чтобы попытаться выполнить манёвр уклонения и не быть добитым в воздухе. Его ведомый, скорее всего, просто последовал примеру ведущего и тоже сбросил бомбу, приняв сброс бомбы ведущим за сигнал к началу атаки, или же для того, чтобы освободиться от дополнительной нагрузки на случай атаки японскими истребителями, или для защиты атакующего ведущего, после чего оба самолёта отвернули на север и затем ушли на запад.

В результате сброса пятисотфунтовой авиабомбы вторым истребителем в положении «где был» была поражена оживлённая транспортная развязка на границе французского и англо-американского секторов международного селтльмента. Взрыв был всего один, поскольку на площади была обнаружена только одна воронка. По всей видимости, сведения полицейских протоколов о втором взрыве в воздухе относятся к отражению ударной волны от окружающих площадь зданий³⁹. В результате этой трагедии погибло более 1200 человек и примерно столько же было ранено.

Эти взрывы не были отмечены японскими наблюдателями, так как произошли вне пределов прямой видимости с кораблей из-за высоких зданий, поэтому у нас нет никаких сведений о первой реакции японцев на произошедшее⁴⁰.

38 Хотя в японских пропагандистских материалах 1937–1938 гг. указывается, что китайский самолёт сбил лично капитан Мията Акира, чисто технически это маловероятно. Скорее всего, самолёт Лян Хунъюня был подбит пилотом Ямадзаки Рёхэем из курсового пулемёта, но победа была засчитана всему экипажу, которым командовал капитан Мията. Разумеется, невозможно полностью исключить вероятность того, что после завязки боя китайские лётчики сбросили бомбы, а уже затем в ходе этого боя Лян Хунъюнь был ранен японским воздушным стрелком. Однако при таком развитии событий манёвранный воздушный бой на малой высоте, сопровождаемый рёвом моторов и звуками длинных пулёмётных очередей, с большой вероятностью был бы отмечен многими наблюдателями. Но никакими сведениями о таком бое мы в настоящий момент не располагаем. Внимание большинства наблюдателей было приковано к крейсеру «Идзумо» и атакующим его самолётам. По этой причине мы склоняемся именно к версии внезапной атаки самолёта Лян Хунъюня из курсового пулемёта японского гидросамолёта.

39 Конструктивные особенности фугасных авиабомб, применявшихся ВВС НРА, не предусматривают подрыв бомбы в воздухе — взрыватель приводится в действие только при соударении с целью, при этом сопротивление цели должно быть достаточным, чтобы взрыватель мог взвестись для срабатывания. Поэтому некоторые бомбы, не встретив необходимого сопротивления цели, не разрывались, а просто пробивали конструкции цели и оставались неразорвавшимися.

40 Первой известной нам в настоящий момент реакцией со стороны иностранных дипломатов на бомбардировку международного селтльмента является телеграмма, которую в 17:00 по шанхайскому времени отправил в Нанкин послу Джонсону и в Госдепартамент США американский консул в Шанхае Гаусс. Он отмечает падение китайских авиабомб около Бунда и сообщает о попадании бомбы в отель «Палас» [8, р. 408].

37 Предположительно, самолёт командира звена был вооружён стофунтовыми бомбами, которые должны были подавить средства ПВО крейсера, а следовавший за ним самолёт нёс более тяжёлую пятисотфунтовую бомбу, которая должна была добить вражеский корабль.

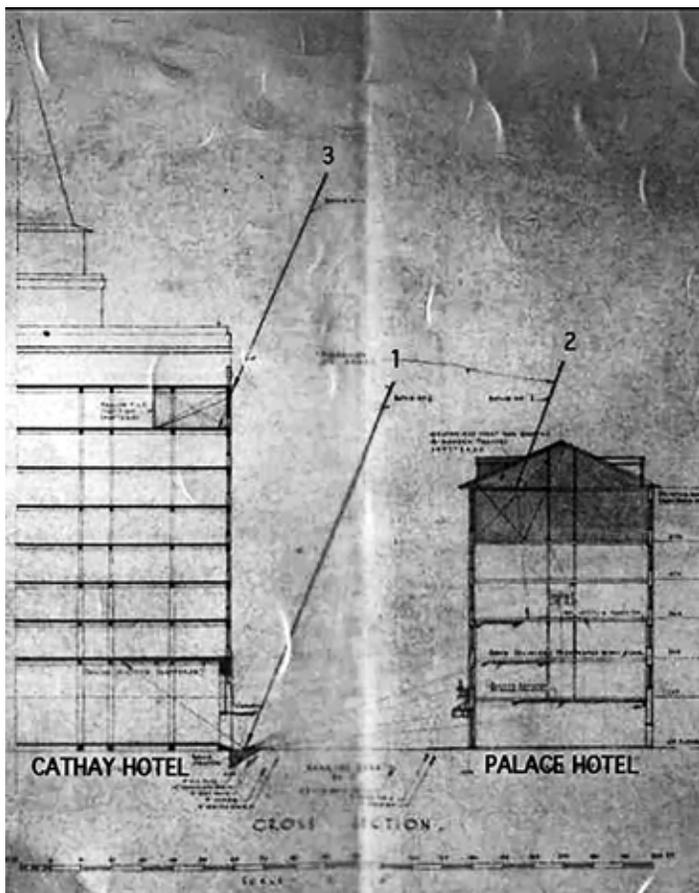

Схема попаданий китайских авиабомб в отели «Катай» и «Палас».

Жертвы бомбардировки на Восточной Нанкинской улице, около отелей «Катай» и «Палас». 14 августа 1937 года.

Однако в условиях боя это было вполне оправданно: со стороны района Пудун уже готовились к атаке только что обнаруженные японскими наблюдателями бомбардировщики Northrop Gamma-2E, а также бипланы (возможно, Curtiss Hawk III другой АЭ). Начинаясь вторая волна бомбардировки, но её описание выходит за рамки этой статьи.

В заключение следует отметить, что обвинить Лян Хунъюня в том, что он сбросил бомбы, было бы в корне неверно. Любой лётчик, подвергшийся атаке с бомбами,

Общий вид площади перед «Всемирным развлекательным центром» после бомбардировки. 14 августа 1937 года.

первым делом стремится их сбросить, в противном случае самолёт представляет собой для противника лёгкую мишень.

Единственной альтернативой сбросу бомб в такой ситуации было бы падение горящего самолёта вместе с бомбами, причём примерно в тот же район, куда в реальности упали бомбы. Вряд ли такое решение привело бы к иным результатам.

Возможно, что ведомый лётчик мог бы попытаться завершить атаку. Но мы не знаем, что он видел в момент сброса бомб Лян Хунъюнем, и не знаем, был ли он при этом атакован сам⁴¹.

В любом случае конструктивно перетяжёленный истребитель Curtiss Hawk III с пятисотфунтовой бомбой терял всякую манёвренность, и вести на нём бой, уклоняясь от атак противника, было невозможно⁴².

Изложенная нами версия, безусловно, не может считаться полностью доказанной ввиду недостаточного объёма

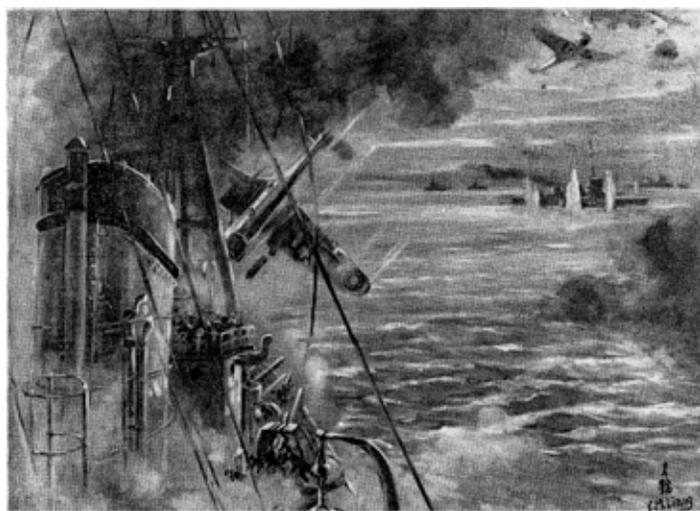
Вид воронки от взрыва китайской авиабомбы на площади перед «Всемирным развлекательным центром». 14 августа 1937 года.

⁴¹ В небе над Шанхаем находились оба японских гидросамолёта, о действиях второго у нас нет никаких достоверных сведений, возможно, потому что в момент боя экипажа Мията Акира с Лян Хунъюнем он находился вне зоны видимости с кораблей (например, над облаками).

⁴² Чтобы компенсировать резкое ухудшение аэродинамики истребителя при подвеске пятисотфунтовой бомбы под фюзеляж, которое приводило к бафтингу (тряске) хвостового оперения, конструкторы даже разработали специальное аэродинамическое кольцо-стабилизатор воздушного потока, которое должно было спасти положение, однако, хотя эта мера и избавляла самолёт от опасных вибраций хвоста, она, естественно, не могла разрешить возникающие проблемы со скоростью и манёвренностью.

Жертвы бомбардировки на площади перед «Всемирным развлекательным центром». 14 августа 1937 года.

«Огненный таран» крейсера «Идзумо» бомбардировщиком Northrop Gamma 2E № 904 лейтенанта Шэнь Чунхуя 19 августа 1937 года. Иллюстрация из альбома «Воздушная война в иллюстрациях. ВВС Китая», 1947 год.

Крейсера «Идзумо» (а) и «Иватэ» (б), потопленные в бухте Курэ.

доступных нам документов⁴³. Однако в настоящий момент она является единственным непротиворечивым объяснением причин произошедшей трагедии и увязывает в одно целое все известные нам факты о «чёрной субботе» 14 августа 1937 года в Шанхае.

В завершение всей истории следует сказать, что попытки китайских военных уничтожить «Идзумо» продолжались в течение всей битвы за Шанхай. Так, 19 августа 1937 года

погиб экипаж бомбардировщика Northrop Gamma-2E № 904 в составе пилота Шэнь Чунхуя (1911–1937 гг.) и стрелка-радиста Чэнь Сичуня (1916–1937 гг.): вылетев в составе 9-й бомбардировочной АЭ Се Юйцина на поиск и уничтожение японских кораблей, самолёт Шэнь Чунхуя был подбит в районе верфи Наньхуй в районе Пудун и с высоты 2000 м совершил огненный таран корабля, идентифицированного китайцами как «Идзумо». К сожалению, в тот день «Идзумо» стоял на своей обычной стоянке на Хуанпу и не выходил в район Наньхуй.

Атаки продолжались и в дальнейшем, что позволило Шеннолту высказать в своих мемуарах ещё одну оригинальную версию о том, что ВВС НРА всё же добились успеха: «Как-то вечером китайские пилоты поразили старый «Идзумо» тремя пятисотфунтовыми бомбами, вызвав пожары и последовавшие [за ними] взрывы. До рассвета медленно горящий «Идзи» (sic!) был выведен в море

⁴³ Например, нам в полной мере недоступны данные китайской стороны — как архивные, так и современные, непредвзятые работы китайских исследователей. Более того, некоторые китайские авторы до сих пор придерживаются версии газеты «Шэньбао», приписывая попадания бомб во «Всемирный развлекательный центр» и отели действиям именно японской авиации, которая, как известно из японских документов, не выполняла в тот день никаких полётов бомбардировщиков или других типов самолётов, способных нести такую бомбовую нагрузку, над Шанхаем, а возможность гидросамолётов-разведчиков были ограничены всего двумя тридцатикилограммовыми бомбами на каждый самолёт.

буксирами. Три дня спустя предположительно, он [же] вернулся на свою старую якорную стоянку на Хуанпу, при этом выглядел подозрительно свежим и неповрежденным. Я уверен, что мы потопили настоящий “Идзумо” и джапы (sic!) прислали однотипный корабль для того, чтобы сохранить лицо. Оба были идентичными [друг другу] линейными крейсерами, захваченными у русских в 1904 г. (sic!). В конце войны при пересчёте ВМФ джапов (sic!) предположительно был продемонстрирован “Идзумо”,

затопленный в иле в Курэ, но нет никаких сведений об однотипном крейсере» [6, р. 54]⁴⁴.

К сожалению, память подвела Шеннолта снова. Американский пилот оказался неправ: «Идзумо» был потоплен во время налёта американской авиации на японскую авиабазу в Курэ на острове Хонсю 28 июля 1945 года. Однотипный с ним крейсер «Иватэ» был затоплен там же 25 июля 1945 года вследствие повреждений, полученных во время налёта 24 июля 1945 года [5, р. 347–349, 361–362]⁴⁵.

Таблица. Лётно-технические характеристики (ЛТХ) китайских и японских самолётов, участвовавших в событиях 14 августа 1937 года в Шанхае⁴⁶.

Параметр	Northrop Gamma-2ED-C ⁴⁷	Curtiss Hawk III	Nakajima E8N1
Вес пустого	1746 кг	1457 кг	1370 кг
Взлётный вес	3447 кг (с бомбовой нагрузкой)	1958 кг	2050 кг
Мощность мотора	735 л. с.	770 л. с.	460 л. с.
Максимальная скорость	367 км/ч (на высоте)	325 км/ч	296 км/ч
Вооружение	4 * 7,62 мм курсовых пулемёта 1 * 7,62 мм турельный пулемёт	2 * 7,62 мм курсовых пулемёта	1 * 7,7 мм курсовой пулемёт 1 * 7,7 мм турельный пулемёт
Бомбовая нагрузка	2 * 474-фунтовых бомбы или 12 * 116-фунтовых бомб	1 * 474-фунтовая бомба или 4 * 116-фунтовых бомб	2 * 60-фунтовых бомбы
Экипаж	2 человека	1 человек	2 человека
Дальность полёта	1180 км	925 км (с подвесным топливным баком)	1332 км (на крейсерской скорости 185 км/ч)

⁴⁴ В целом речь Шеннолта изобилует пренебрежительно-уничтожительными выражениями в отношении противника, к тому же им допущена серьёзная фактическая ошибка: «Идзумо» и однотипный с ним крейсер «Иватэ» были построены в Англии для ВМФ Японии в 1898–1901 гг. и никогда не служили в русском флоте!

⁴⁵ Конспирологическая версия Шеннолта относительно того, что японцы скрыли гибель одного корабля, заменив его другим, однотипным, полностью опровергается описанием повреждений и фотоснимками обоих кораблей, сделанных в 1946 г. На снимках чётко видно, что крейсер «Иватэ» сел на дно с креном на борт, а «Идзумо» перевернулся. Схемы из указанного издания свидетельствуют о том, что крейсер был обследован американцами после окончания войны, кроме того, указаны имена людей, чьи показания были использованы для описания гибели обоих крейсеров: командира артиллерийской боевой части крейсера «Иватэ», капитана 3-го ранга Нисикавы и командира артиллерийской боевой части крейсера «Иватэ», капитана 3-го ранга Окиноки.

⁴⁶ Часть ЛТХ приводится по расчёту, поскольку точные данные по конкретным модификациям отсутствуют. Зачастую публикуемые данные относятся к другим модификациям и не отражают возможностей модификаций, поставившихся в Китай. Так, например, Леннарт Андерссон указывает, что мощность двигателя Curtiss Hawk III составляла 650 л. с. [См.: 2, р. 258]. Однако к 1937 г. мощность двигателя экспортной версии для Китая была доведена до 770 л. с.

⁴⁷ Приведены данные по испытаниям поставленной в СССР модификации бомбардировщика Northrop, проведённым в ЦАГИ и НИИ ВВС в 1936 г. [См.: 1, с. 23].

Список использованных источников

1. Котельников, В. Гамма штурмовиков Джона Нортропа / В. Котельников // Крылья Родины. — 1997. — № 1. — С. 19–28.
2. Andersson, L. A History of Chinese aviation. Encyclopedia of aircraft and aviation in China until 1949 / Andersson, L. — Taipei : AHS of ROC, 2008. — 320 p.
3. Andrews, Hal. Naval Aircraft: BF2C-1 / H. Andrews // The Voice of Naval Aviation. — 1986. — Jan-Feb. — Pp. 16–17.
4. The Bettencourt diary. — URL: <http://www.chinamarine.org/Shanghai/1937/VoicesfromtheSoochow.aspx> (дата обращения: 17.08.2023). — Текст : электронный.
5. The Campaigns of the Pacific war / United States strategic bombing survey (Pacific), Naval Analysis Department. — [Washington], 1946. — 416 p.
6. Chennault, C. L. Way of a fighter : The Memoirs of Claire Lee Chennault, Major General, U.S. Army (ret.) / C. L. Chennault ; R. Hotz (ed.). — New York : G. P. Putnam's sons, 1949. — 375 p.
7. Curtiss Goshawk. United States Fighter & Dive bomber. — Buffalo ; New York : The Curtiss Airplane & Motor Company, Inc., 1933. — URL: <http://www.airminded.net/goshawk/goshawkad.html> (дата обращения: 17.08.2023). — Текст : электронный.
8. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). Vol. III. The Far East, 1937. — Washington : U.S. Government Printing Office, 1954. — 1008 p.
9. Hamsen, P. Shanghai 1937. Stalingrad on the Yangtze / P. Hamsen. — Philadelphia & Oxford : Casemate, 2013. — 310 p.
10. Henriot, C. August 1937: War and the Death en masse of Civilians / C. Henriot // War in History and Memory, part 3. — Taipei : Academia Historica, 2015. — Pp. 60–126.
11. Lacroix E., Wells II L. Japanese cruisers of the Pacific war. Annapolis : US Naval Institute, 1997. — 882 p.
12. Ма Юйфу (马毓福). Чжунго цзюньши ханкун, 1908 — 1949. Chinese Military Aviation = 中国军事航空 = [Китайская военная авиация]. — Пекин : Ханкун гунье чубаньшэ (航空工业出版社), 1994. — 640 с.
13. Огивара Сиро, Акимото Минору. (荻原 四郎, 秋本実) Нихон гуньёки саммэндзу сю. Кайгунки хэн 日本軍用機三面図集・海軍機編 = [Японские военные самолёты. Сборник схем в трёх проекциях. Самолёты ВМФ] / Огивара Сиро, Акимото Минору. — Токио : Хобун сёрин (鳳文書林), 1962. — 218 с.
14. 航泊日誌驅逐艦梅 昭和十二年八月一日～八月三十一日 = [Судовой журнал миноносца «Цуга», 1–31 августа 1937 г.]. — URL: <https://www.jacar.archives.go.jp/das/image/C11082765200> (дата обращения: 23.08.2022). — Текст : электронный.
15. 航泊日誌輕巡洋艦出雲 昭和十二年七月二十日～八月十九日 = [Судовой журнал легкого крейсера «Идзумо», 20 июля – 19 августа 1937 г.]. — URL: <https://www.jacar.archives.go.jp/das/image/C11084183400> (дата обращения: 23.08.2022). — Текст : электронный.
16. 航泊日誌砲艦堅田 昭和十二年八月一日～九月三十日 = [Судовой журнал канонерской лодки «Катата», 1 августа – 30 сентября 1937 г.]. — URL: <https://www.jacar.archives.go.jp/das/image/C11082973200> (дата обращения: 23.08.2022). — Текст : электронный.
17. 航泊日誌輕巡洋艦川内 昭和十二年八月一日～八月三十一日 = [Судовой журнал легкого крейсера «Сэндай», 1–31 августа 1937 г.]. — URL: <https://www.jacar.archives.go.jp/das/image/C11084152200> (дата обращения: 23.08.2022). — Текст : электронный.
18. 航泊日誌砲艦勢多 昭和十二年七月一日～九月三十日(一) = [Судовой журнал канонерской лодки «Сэта», 1 августа – 30 сентября 1937 г. (1)]. — URL: <https://www.jacar.archives.go.jp/das/image/C11082973200> (дата обращения: 23.08.2022). — Текст : электронный.
19. 航泊日誌砲艦鳥羽 昭和十二年八月一日～十月三十一日(一) = [Судовой журнал канонерской лодки «Тоба», 1 августа – 31 октября 1937 г. (1)]. — URL: <https://www.jacar.archives.go.jp/das/image/C11082926200> (дата обращения: 23.08.2022). — Текст : электронный.
20. 昭和九年海軍省年報第六十回 = [Годовой отчёт Военно-морского министерства № 60 за 1934 г.]. — Токио : Кайгун дайdzин камбо (海軍大臣官房), 1936. — URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/1271201/1/1> (дата обращения: 21.09.2023). — Текст : электронный.
21. 昭和七年海軍省年報第五十八回 = [Годовой отчёт Военно-морского министерства № 58 за 1932 г.]. — Токио : Кайгун дайdzин камбо (海軍大臣官房), 1935. — URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/1447301/1/1> (дата обращения: 21.09.2023). — Текст : электронный.
22. 昭和十一年海軍省年報第六十二回 = [Годовой отчёт Военно-морского министерства № 62 за 1936 г.]. — Токио : Кайгун дайdzин камбо (海軍大臣官房), 1938. — URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/1271205/1/1> (дата обращения: 21.09.2023). — Текст : электронный.
23. 昭和十二年海軍省年報第六十三回 = [Годовой отчёт Военно-морского министерства № 63 за 1937 г.]. — Токио : Кайгун дайdzин камбо (海軍大臣官房), 1940. — URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/1271209/1/1> (дата обращения: 21.09.2023). — Текст : электронный.
24. 昭和十年海軍省年報第六十一回 = [Годовой отчёт Военно-морского министерства № 61 за 1935 г.]. — Токио : Кайгун дайdzин камбо (海軍大臣官房), 1937. — URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/1271197/1/1> (дата обращения: 21.09.2023). — Текст : электронный.
25. Нодзава Тадаси (野沢正). Нихон кокуки сосо. Дай 5 кан Накадзима хэн 日本航空機総集 第5巻中島篇 = [Энциклопедия японской авиации. Т. 5 : Накадзима]. — Токио : Сюппан кёдося (出版協同社), 1963. — 244 с.

Фотографии предоставлены авторами.
Материал поступил в редакцию 22.09.2023.

Сведения об авторах:

Бушмакин Вадим Александрович, независимый исследователь (г. Канадзава, Япония). ORCID 0000-0003-0240-5717.

Контактные данные: email: rossiajin@yandex.ru.

Карфидов Максим Викторович, пилот легкомоторных самолётов, экс-участник пилотажной группы «Колибри» (г. Люберцы).

Контактные данные: e-mail: kordhard@mail.ru.

Пастухов Алексей Михайлович, член Российской ассоциации университетского корееведения (РАУК), научный консультант Фонда «Петропавловск», автор более 50 статей по истории военного дела стран Дальнего Востока, соавтор книг на военно-историческую тематику «Золотой блеск эпохи. Крепости и вооружение Азии» (Москва, «Бук-Хаус», 2006 г.), «Очерки истории российского Дальнего Востока XVII–XVIII вв.» (Хабаровск, ДВАГС, 2009 г.), «Побеждённый дракон. Китайский флот в войне против Японии (1894–1895 гг.)» (Москва, «Яуза-Эксмо», 2016 г.), автор китайской части раздела каталога Государственного музея искусства народов Востока (ГМИИВ) «Смертельная красота. Оружие Индии и Китая» (Москва, 2015 г.), книги «Конфликт на КВЖД 1929 г. Война, которую решили забыть» (Москва, 2023 г.), (г. Москва). ORCID 0000-0003-0151-1796.

Контактные данные: e-mail: chinesewarfare@inbox.ru.

ПЛИСКИНА ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА

ЗА КУЛИСАМИ ХАБАРОВСКОГО ПРОЦЕССА 1949 ГОДА (неизвестные страницы из истории подготовки и проведения Хабаровского процесса)

В данной статье на основе архивных материалов делается попытка раскрыть малоизвестные подробности организации Хабаровского процесса 1949 года. Особое внимание уделено стадии подготовки.

Ключевые слова: Токийский трибунал, подготовка Хабаровского процесса, бактериологическое оружие, отряд 731, Константинов В. М., репатриация.

Keywords: Tokyo Trial, preparation of the Khabarovsk war crimes trials, biological weapon, Unit 731, Konstantinov V. M., repatriation.

Дальневосточники хорошо знают звериное лицо японского милитаризма, помнят разрушенные интервентами города и сёла, сожжённого живым в паровозной топке Сергея Лазо, не забыты Хасан и Халхин-Гол, тревожные ночи на границе, бесчисленные японские диверсии...

Но преступление, которое разбирал Хабаровский трибунал с 25 по 30 декабря 1949 года, по своей чудовищности превосходит всё ранее сделанное [20, с. 4].

Хабаровский процесс 1949 года над японскими разработчиками бактериологического оружия стал последним открытым судом над иностранными военными преступниками, которые испытывали его на советских и китайских гражданах [1, с. 100].

Хотя суд считался открытым, иностранные журналисты на нём не присутствовали. Материалы, касающиеся как подготовки, так и проведения судебного процесса, оказались разрознены и осели в различных архивах тогдашних силовых органов. Таким образом, широкому кругу исследователей они стали недоступны.

В последнее время некоторые архивы приоткрыли свои фонды, но материалы, содержащиеся в них, ещё предстоит исследовать и изучить. Особенно это касается стадии организации и подготовки процесса. Трудность для исследователей заключается ещё и в том, что материалы раскиданы по архивам различных ведомств.

Несмотря на то что о Хабаровском процессе написано уже немало, вопросов по нему возникает достаточно много. Особый интерес вызывает то, что именно явилось отправной точкой для начала расследования. Ведь, как известно, ни один японский военнослужащий, причастный к разработке бактериологического оружия, не пришёл с явкой с повинной. Какие материалы легли в основу доказательств? Как проходило следствие по делу? С какими трудностями сталкивались следователи? Как вели себя подсудимые? И, наконец, почему подсудимые Хабаровского процесса не были преданы суду на Токийском трибунале? И многие другие вопросы, на ряд которых я попытаюсь ответить в этой статье.

Особенностью данного процесса было то, что на скамье подсудимых находились бывшие военнослужащие японской Квантунской армии, граждане собственно Японии, родным языком для которых был японский. В тот период в СССР наблюдался дефицит переводчиков-японистов, в совершенстве знающих японский язык. Особенно это коснулось тех, кто в силу особенностей своей профессии бывал или когда-то работал в Стране восходящего солнца. Многие из них в то время были осуждены как японские шпионы и отбывали наказание в лагерях. Поэтому, чтобы восполнить недостаток переводчиков, в совершенстве

знающих японский язык, было принято решение пригласить в Советский Союз молодых людей из семей русских эмигрантов, выпускников Северо-Маньчжурского университета (СМУ, г. Харбин) и Государственного университета Кенкоку Дайгаку (г. Синьцзинь). Большинство из приглашённых в качестве переводчиков были высокообразованными молодыми людьми. Многие из них владели несколькими иностранными языками. Первоначально их предполагалось использовать для работы в качестве переводчиков в лагерях для японских военнопленных. В дальнейшем часть из них приняла участие на Токийском и Хабаровском судебных процессах [19, с. 332–351].

Дав подписку о неразглашении, они всю жизнь молчали о том, что переводили документы японских спецслужб, принимали участие в подготовке к Токийскому и Хабаровскому процессам, присутствовали на допросах и очных ставках высокопоставленных японских военных, обвиняемых в совершении преступлений против человечества.

В последнее время появилось много художественных публикаций, в которых рассказывается о том, что наши разведчики работали едва ли ни в штате отряда 731 и им были известны зловещие планы Сиро Исии и его подручных [8, с. 4]. Здесь уместно задать вопрос: знала ли советская разведка о существовании и деятельности в г. Харбине бактериологического отряда № 731 и его филиалов? Откуда у Советского Союза появились все основания заявлять о том, что в 1935–1936 годах по указу императора Хирохито на территории Маньчжурии были развёрнуты два совершенно секретных формирования, предназначенные для подготовки и ведения бактериологической войны? В целях конспирации одному из этих учреждений, организованному на базе лаборатории Исии, было присвоено название «Управления по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии», другому — «Иппозепизоотическое управление Квантунской армии» во главе с генерал-майором ветеринарной службы Вакамацу Юудзиро. В 1941 году, после нападения гитлеровской Германии на СССР, эти учреждения были зашифрованы соответственно как отряд № 731 и отряд № 100 [14, с. 8].

В открытых источниках подтверждений того, что советская разведка располагала сведениями о существовании этих отрядов, нет. Между тем авторы некоторых научных публикаций в своих работах указывают на то, что разведке было известно о существовании отряда № 731. При этом они не ссылаются ни на один официальный документ, ни на архивные источники. Не берусь судить о том, насколько осведомлена или не осведомлена была советская разведка о строго засекреченных лабораториях по производству бактериологического оружия на территории Маньчжурии, но давайте обратимся к фактам, которые говорят сами за

себя более красноречиво, чем слова без доказательств. Свои аргументы я излагаю ниже.

Отряд № 731 вёл научно-исследовательские работы, связанные с вопросами ведения бактериологической войны. Это были совершенно секретные функции [9, с. 75]. Специально подобранные кадры обязывались под страхом смерти сохранять тайну до конца своих дней [36, с. 131].

О зашифровке деятельности этих формирований свидетельствуют показания на процессе бывшего командующего Квантунской армии Ямада Отодзо: «...731-й отряд официально именовался “Управлением профилактики и водоснабжения Квантунской армии”, что являлось известным прикрытием действительного назначения отряда. С этой же целью работники отряда носили общевойсковую форму без знаков различия медицинской службы. Мы опасались, что большое скопление медицинских работников может вызвать нежелательные подозрения относительно действительного характера 731-го отряда» [Цит. по: 3, с. 5].

Отряд тщательно охранялся, и доступ в него был только с разрешения командующего Квантунской армией [9, с. 75].

В своей документальной книге «Кухня дьявола», которую перевёл на русский язык участник Токийского и Хабаровского процессов, харбинский переводчик С. В. Неверов, японский исследователь Мацимура упоминает следующий эпизод: однажды, оказавшись в Харбине, член японской императорской фамилии неожиданно приехал в отряд. Начальник отряда Исии, ссылаясь на инструкцию, согласно которой никто не мог пройти на территорию отряда без разрешения командующего Квантунской армией, заставил высочайшую особу ждать у ворот [15, с. 53–54].

Из допроса свидетеля японского военнопленного санитара Кихара Мучитаро из филиала № 643 (г. Хэйлин) отряда № 731 видно, что зашифрована была и деятельность филиалов. Он рассказал, что при ловле и сборе мышей у населения они (работники отряда) вместо военного обмундирования надевали гражданскую форму — синие брюки и рубашку. «Переодевали нас с той целью, чтобы население не знало, что наш филиал занимался сбором мышей. Мы были предупреждены по распоряжению начальника филиала майора Оноу Масао о том, чтобы не расшифровывать себя и чтобы мы именовались представителями городского управления» [32, л. 78].

Теперь обратимся к воспоминаниям О. Л. Козловской, непосредственному участнику процесса, паразитологу Хабаровской противочумной станции, члену комиссии экспертов по медицинским и бактериологическим вопросам на Хабаровском процессе по делу бывших военнослужащих японской Квантунской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. В предисловии к книге Н. Иванова и В. Богач «Оружие вне закона» она

пишет: «Знали ли мы в годы войны (а я в 1944–45 годах уже работала в противочумной системе Благовещенска) о том, что вблизи наших границ развёрнуты секретные формирования японской армии, готовящиеся начать бактериологическую войну против Советского Союза?» Далее она пишет: «Что же касается нас, рядовых работников системы санитарной охраны наших границ, то мы располагали некоторой информацией о том, что на граничащих с нами территориях эпидемиологическая обстановка весьма и весьма напряжённая. Но никому и в голову не могло прийти, что эпидемии особо опасных инфекционных заболеваний могут быть вызваны искусственно, людьми, носящими высокое звание врача!» [8, с. 4].

С июля 1940 по октябрь 1945 года на Дальнем Востоке существовал Дальневосточный фронт, войска которого находились в состоянии повышенной боевой готовности [10, с. 371], и, думается, что если бы советская разведка знала о бактериологических отрядах, то кто, как не работники системы санитарной охраны наших границ, должен быть оповещён о возможном применении противником бактериологического оружия в первую очередь?

Однако история зафиксировала точную дату, когда сведения об отряде № 731 и отряде № 100 попали в руки военной контрразведки «Смерш». Произошло это при следующих обстоятельствах. В 1945 году, параллельно с объявлением войны Японии, перед Управлением НКВД по Хабаровскому краю поставили непростую задачу: парализовать работу японских агентов и захватить их оперативные архивы. Идея провести такую операцию возникла ещё в 1944 году, когда пришёл очередной доклад об антисоветских действиях белоэмигрантских организаций в Маньчжурии. Тогда Сергей Гоглидзе, начальник УНКВД по Хабаровскому краю, дал команду во что бы то ни стало добыть архивы БРЭМ (Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи) с территории Харбина. Название операции дали простое и ясное — «Родина». Для этого дела было сформировано десять специальных оперативных групп, в том числе одна парашютно-десантная, которые и осуществляли захват архивов [23, с. 11].

К августу 1945 года советское командование уже имело достаточно опыта вывоза архивных материалов с территории Западной Европы. Порядок их размещения и обработки в Северной Маньчжурии не стал исключением, всё шло по отработанной схеме [4, с. 20].

В справке о выброске в г. Харбин и г. Гирин спецгрупп для захвата руководителей и архивов японских военных миссий сообщалось: «Начальнику УКР “СМЕРШ” 1-го Дальневосточного фронта генерал-майору т. Д. И. Мельникову на имя тов. В. С. Абакумова и тов. И. Я. Бабич:

18 августа 1945 года в 11 часов командование выбрасывает в г. Харбин и в г. Гирин на самолётах группы

командования и бойцов для приёма от японцев штабов и выяснения положения. Группам поставлена задача захватить ЯВМ¹ и БРЭМ и с подходом войск арестовать руководителей БРЭМ» [18, с. 183].

В докладной записке от 26 сентября 1945 года ГУКР «Смерш» в НКВД СССР на имя тов. Л. П. Берия говорилось: «По сообщению находящегося на Дальнем Востоке зам. нач. Главного Управления «СМЕРШ» генерал-лейтенанта Бабич органами на территории Маньчжурии, занятой нашими войсками, по состоянию на 25 сентября сего года арестовано 5498 сотрудников и агентов японской разведки. В числе арестованных за последнее время наибольший интерес представляют: начальник особой части главного японского полицейского управления в Маньчжурии Тамакацу Сейзи, 1905 г. р., японец с высш. образованием, и начальник отдела этого полицейского управления Иноу Эсуэди, 1903 г. р., японец, которые вели разведку против Советского Союза» [24, с. 139].

Как следует из содержания этих докладных записок, отряды № 731 и № 100, а также служащие этих отрядов и лица, причастные к разработке бактериологического оружия, на тот период для органов нашей разведки интереса не представляли. Хотя, судя по датам докладных записок, будущие подсудимые на Хабаровском процессе — Ямада Отодзо, Кадзицука Рудзи, Такахаси Такаацу и другие, уже как три недели находились на территории Советского Союза.

В результате успешно осуществлённых мероприятий были арестованы многие сотрудники разведки и контрразведки Японии, главари антисоветских белоэмигрантских организаций, военные преступники, захвачены оперативная переписка и архивы японских разведывательных и контрразведывательных органов (разведуправления штаба Квантунской армии, японских военных миссий, жандармерии и полиции), материалы третьего (контрразведывательного) отдела «Бюро по делам российских эмигрантов» [2, с. 111].

Впоследствии при тщательном разборе этих материалов были выявлены документальные доказательства, уличающие командование Квантунской армии, жандармерии и ряд других японских военных и административных органов в организации подготовки бактериологической войны и диверсии против СССР.

О последних днях существования отряда № 731 и обстоятельствах, при которых документы отряда № 731 попали в руки советской стороны, в своих свидетельских показаниях рассказывает поручик технической базы 1-й полевой авиаремонтной базы в Харбине (пригород Хейбо) Мото Тосибоку (1921 г. р., уроженец острова Формоза, из чинов с высшим образованием): «Утром 9 августа, когда

стало известно о военных действиях, с аэродрома отряда № 731 вылетели 2 самолёта. Один полетел в Токио, другой в Чаньчунь. 11 августа оба самолёта вернулись. Днём 11 августа я, согласно очередности, заступил на дежурство по части. В 6 часов вечера по телефону я получил сообщение из отряда № 731, что отряд свои помещения будет взрывать и просит не беспокоиться за соседей. После телефонного сообщения начались взрывы в расположении отряда. Взрывы с небольшими перерывами продолжались до 24 часов 13 августа. В период с 11 по 13 августа отряд 731 направил три железнодорожных эшелона с личным составом и их семьями в направлении корейской границы. Третий эшелон был отправлен с тупика вокзала Хейбо в 2 часа 14 августа. Утром 14 августа место ближайшего расположения отряда № 731 стало обстреливаться беглым огнём одной из японских частей тяжёлой артиллерией, отступающей с Цицикарского направления. Артиллерийский обстрел продолжался до вечера с самого начала подрывов, в расположении отряда возник пожар, который не прекращался до 15 августа. Вечером 13 августа в расположение 12-й авиаремонтной базы прибыли более 70 человек старших офицеров отряда № 731, во главе с генералом Исии, среди них был и лётный состав. На аэродроме 12-й авиаремонтной базы днём были установлены 7 бомбардировщиков типа 97, принадлежащих отряду Исии. Прибывшие офицеры расположились на ночь. Вечером мы совместно с прибывшим лётным составом устроили ужин с вином. Утром 14 августа все гости из отряда Исии, вместе с Исии, улетели на самолётах на остров Кюсю, аэродром Ганнос. Вместе с последним эшелон отряда Исии уехало много семей офицеров 1-й авиаремонтной базы, и через несколько дней, когда мы все выбыли из Харбина, нам встретилось несколько человек, уезжающих последним эшелон. От них я узнал, что последний эшелон отряда № 731 не успел пробиться в Корею, застрял в пробке и настигнут советскими войсками. Но два первых эшелона успели уехать в Корею» [27, с. 161–169].

Казалось бы, незаметный эпизод в период капитуляции японских войск, но какие огромные последствия он имел. Целый вагон секретных документов японских спецслужб попадает в руки советской разведки [12, с. 219]. Эти документы были успешно использованы в процессе следствия и суда по делу японских преступников [2, с. 113].

Но всё это будет в будущем. На момент захвата документов ещё не имелось возможности оценить всю их важность для будущего процесса. Кроме того, что все они были исполнены на японском языке, они были ещё и зашифрованы. Поэтому просто перевести их на русский язык было недостаточно. О степени зашифровки документов говорит допрос японского военнопленного Фуруичи Ёсио (1924 г. р.) от 3 декабря 1949 года: «Перед упаковкой ящиков

¹ Японская военная миссия.

с бутылками с названиями бактерий применяли условные обозначения: Р, С, Т, РА. Что означало: Р — бактерии чумы, С — бактерии холеры, Т — бактерии тифа, РА — бактерии паратифа» [29, л. 44].

Для осмысления содержания трофейных документов требовалась тщательная, кропотливая аналитическая работа. В это время в одном из лагерей, который располагался в районе нынешней школы № 19 г. Хабаровска, с 1942 года находился в заключении учёный-японист Владимир Михайлович Константинов. Имя этого человека так незаслуженно забыто и не упоминается в работах, посвящённых подготовке и проведению Хабаровского процесса, но он так много сделал для того, чтобы в руках у следствия появились доказательства преступлений японской военщины, что стоит рассказать о нём более подробно.

Шесть лет (с 1927 по 1933 г.) Константинов провёл в Японии в качестве драгомана (переводчика) советского военного атташе. За это время он становится крупным и перспективным японоведом. Его направляют учиться в Военную академию имени М. В. Фрунзе, где он одновременно преподаёт китайскую иероглифику.

В 1935 году в Москве был издан курс японского языка в трёх циклах. В группе авторов значится М. Аирский. Это засекреченное имя В. М. Константинова. В те времена многое, что имело отношение к Японии, засекречивалось. Кстати, псевдоним Константинова был составлен из первых букв имён его родных: дочери Марина, жены Анна и дочери Ирина — М. Аирский.

В 1939 году, перед дипломной защитой в академии, Константинов будет арестован по ложному обвинению в японском шпионаже и приговорён к расстрелу.

В конце 1940 года высшим инстанциям понадобился вдруг хороший специалист для перевода важного японского документа на русский язык. Никто прочитать его не смог, так как он был исполнен полной скорописью (стенографическое написание китайских иероглифов). Вспомнили Константинова, который всё ещё содержался в «Бутырке»: смертнику положен был тогда двухмесячный срок до приведения приговора в исполнение. Срок пребывания Константинова в живых стремительно и неумолимо сокращался. Вот тогда-то и принесли к нему в камеру японские бумаги. Он перевёл документ. Тот оказался весьма ценным: в нём говорилось о вероятных сроках нападения фашистской Германии на СССР.

Расстрел Константинову был заменён двадцатью годами лишения свободы. Он был этапирован в Читу, а затем в Хабаровск по ходатайству Управления Народного комиссариата государственной безопасности (УНКГБ) по Хабаровскому краю. В Хабаровске он содержался в лагере заключённых как «авиаконструктор», использовался, однако, разведотделом

УНКГБ по его прямой специальности. На него возлагались тогда большие надежды, и он их оправдал.

Владимир Михайлович работал в буквальном смысле без сна и отдыха над попавшими в руки советской разведки совершенно секретными документами японских спецорганов в Маньчжурии в августе 1945 года [13, с. 219]. Одновременно с Константиновым переводом этих документов занималось ещё сто японистов [12, с. 139], прибывших в Советский Союз из Харбина [19, с. 332–351].

По воспоминаниям дочерей харбинских переводчиков А. Г. Пермяковой и Л. Ю. Фёдоровой (Кондрашевой), после работы на спецобъекте № 45 и в лагере № 16 все переводчики вечерами работали с японскими документами. Контролировал работу переводчиков Константинов — через курьера, все переводчики знали его только заочно [13, с. 221].

Он часами проводил в раздумье, обобщая опыт военного и эксперта. Зачастую в документах объект носил название определённого цветка [34, с. 13]. Часто повторялись слова «токуи-ацукай» (особые отправки) и «маруто» (брёвна). Каков же смысл этого последнего термина, где искать его аналог? Помог образ военного. «Маруто» — это военнопленные из различных стран мира, которых привозили на станцию Тинфань (Пинфань), близ Харбина, в качестве «человеческого материала», «для медицинских опытов» [34, с. 134]. Но сам Константинов никогда не говорил о своём открытии, о расшифровке термина «брёвна». Этот факт был обнародован лишь спустя много лет, после смерти учёного [35, с. 45].

В документах ЯВМ, над расшифровкой которых под руководством Константинова работали переводчики японского языка, содержались материалы о чудовищных преступлениях японской военщины в Маньчжурии, готовившей бактериологическую войну против СССР.

В тайных лабораториях под Харбином японские бактериологи проверяли действия чумы, холеры, сибирской язвы, испытывали другие страшные средства будущей войны. В качестве «подопытных кроликов» использовались «неучтённые» китайцы. После лабораторий бактериологические средства проверялись в местах и условиях, приравненных к фронтовым [13, с. 221].

Полученные в результате тщательного просмотра и кропотливой аналитической работы материалы и послужили основой подготовки и проведения Хабаровского процесса [34, с. 15].

В. М. Константинов принял участие в судебных заседаниях на Хабаровском процессе. Он надевал костюм, завязывал галстук, потом приезжал автомобиль и увозил его. Глядя на этого представительного, внушающего почтение мужчину, трудно было поверить, что перед нами заключённый. Работа на процессе осложнялась тем, что Владимира Михайловича как переводчика привозили на допрос инкогнито [12, с. 138].

Заседания в зале суда были многочасовые, трудоёмкие. Константинов делал переводы с русского на японский, с японского на русский язык, снова с русского на японский и, наконец, с японского на русский. Такой сложный многоступенчатый перевод объяснялся сложностью самого процесса и состава участников заседания [12, с. 138].

Но вернёмся к событиям, последовавшим после капитуляции японской армии. В октябре 1945 года из Москвы поступило указание приступить к следствию по поводу нарушений командованием Квантунской армии Женевской и Гаагской конференций «О правилах и способах ведения войны» с целью использования изобличающих японскую военщину материалов в Международном трибунале над главными японскими военными преступниками [17, с. 4]. Тогда предполагалось осудить военных преступников на Международном военном трибунале в Токио, и вопрос о подготовке в Хабаровске процесса над японскими военнослужащими на повестке дня не стоял.

Началась работа следственной группы: допросы подозреваемых и свидетелей, изучение документации, проведение очных ставок и т. д. В Хабаровском крае проводилась активная оперативно-следственная работа. Группу возглавил начальник УМВД по Хабаровскому краю генерал-лейтенант И. И. Долгих, его заместителем стал полковник П. П. Соколов [19, с. 336].

После капитуляции японской Квантунской армии, 6 сентября 1945 года, в Хабаровск было доставлено её командование, которое разместили на даче под Хабаровском, в лагере «Воронеж», под непосредственным наблюдением «Смерш» [6, с. 357–358]. В Главном управлении «Смерш» работой среди военнопленных, представляющих интерес для контрразведки, занимался 2-й отдел. В нём служили оперативники со знанием иностранных языков, знакомые с фильтрационной работой [15, с. 72]. Однако никакой фильтрации по признаку принадлежности к разработке бактериологического оружия среди поступающих японских военнопленных в СССР произведено не было. Все они были разбросаны по различным лагерям.

На даче был допрошен начальник 2-го разведотдела штаба Квантунской армии полковник Асада. Он дал показания о структуре и функциях 3-го отдела, а также о намеченных планах партизанской войны в тылу Красной армии [6, с. 356].

В сентябре 1945 года собственноручные показания дал командующий Квантунской армией полный генерал Ямада Отодзо и начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хата Хикосабуро [6, с. 317]. В показаниях содержались сведения о целях операций против Советского Союза, о планах на 1941–1945 годы, об армии Маньчжоу-Го, организации Генштаба японской армии [6, с. 317]. Следует

заметить, что вопросы об организации и структуре отряда № 731, занимавшегося изысканием бактериологических средств и способов их применения против СССР, Ямаде Отодзо и Хате Хикосабуро в то время не задавались.

На начальном этапе необходимо было также определить состав свидетелей, который мог быть направлен на процесс. Это был серьёзный и сложный вопрос. В целях его решения народный комиссар внутренних дел СССР поставил в январе 1946 года перед начальником УНКВД по Хабаровскому краю следующую задачу: учитывая, что на территории края содержались все военнопленные японские генералы и большое количество других военнопленных, а также интернированных, создать из оперативных работников оперативную группу [6, с. 340].

Группе была поставлена задача выявить из среды военнопленных японских генералов, старших офицеров и дипломатических работников таких лиц, которые имели отношение к политической, военной, экономической и разведывательной подготовке агрессии против Советского Союза. Развернуть с такими военнопленными и интернированными агентурно-следственную работу с целью получения от них заявлений, собственноручных показаний и протоколов допроса, разоблачающих японское правительство, генеральный штаб, министерства по военным, морским и иностранным делам в подготовке агрессивной войны против СССР. Обратить особое внимание на получение документов о подготовке японцами плацдарма против СССР в Маньчжурии, а также о провокациях на границах Советского Союза и МНР. Опять же, следует обратить внимание на то, что в перечисленных задачах вопрос о деятельности отряда № 731 и выявлении лиц, причастных к разработке бактериологического оружия, не стоял.

Одновременно с этим в Хабаровск как пункт содержания основной массы японских военнопленных и всех генералов были направлены оперативная группа НКВД СССР и бригада работников военной прокуратуры [6, с. 340]. Летом в Хабаровск из Москвы прибыла следственная группа в составе полковников И. И. Тупикова, М. М. Кудрявцева и И. И. Клыкова. В группу вошли опытные местные оперативники: полковник М. А. Сорокин, подполковник Деревянко, майоры А. Ф. Виноградов, П. К. Язев, капитаны П. В. Никитин, Козловский, Пастух, Л. Дворецкий [19, с. 336].

Оперативно-следственная группа за сравнительно короткий период сумела собрать достаточно серьёзные материалы о злодеяниях японской военщины на Дальнем Востоке начиная с 1920 года, то есть ещё в период захвата японскими агрессорами части территории на Дальнем Востоке [17, с. 19].

8 октября 1946 года в Токио началась советская фаза обвинения, но вопрос о деятельности противоземлемиче-

ского отряда № 731, занимавшегося изысканием бактериологических средств и способов их применения в войне против Советского Союза, в повестку дня Международного военного трибунала не входил, вопрос этот не обсуждался, и документы в советской фазе обвинения не были представлены [17, с. 21].

Таким образом, имеющиеся в распоряжении немногие российские источники позволяют сделать вывод, что к лету 1946 года, несмотря на наличие в советских лагерях сотен тысяч японских военнопленных, убедительной информации о деятельности Японии по созданию бактериологического оружия у советской стороны не было [21, с. 207].

Как представляется, активный поиск среди них лиц, причастных к этим разработкам, начинается после того, как по просьбе американцев 6 июля 1946 года главный обвинитель от СССР на Международном военном трибунале С. А. Голунский направил в советский МИД телеграмму с просьбой произвести допрос Кадзицуки Рюдзи, бывшего начальника санитарного отдела Квантунской армии, о проводившихся японцами в Харбине в 1934–1940 годах экспериментах с отравляющими газами над китайцами [21, с. 207].

В 1946 году на Токийском процессе советский прокурор ставил вопрос о необходимости расследования деятельности отряда № 731. Но здесь вмешалась политика, и на запрос, сделанный американцам, был получен ответ, что США ничего якобы не знают. Тогда в СССР не было чётких доказательств, а лишь отдельные показания военнопленных [17, с. 21].

Как видим, представление о существовании преступлений было пока ещё весьма приблизительным, что покажет дальнейшее развитие событий. Допрос в начале августа 1946 года генерал-лейтенанта Кадзицуки Рюдзи в качестве свидетеля ничего не дал. Однако активный поиск лиц, причастных к разработке бактериологического оружия, продолжался. Вскоре был выявлен и 11 августа 1946 года допрошен в качестве свидетеля генерал-майор Кавасима Киоси, бывший с 1941 по март 1943 года начальником производственного отдела отряда № 731. Он дал весьма ценные показания о чудовищных опытах над людьми, «в результате которых они умирали или становились калеками» [21, с. 207].

В 1946 году сотрудники УПВИ УМВД в лагере № 14 (г. Владивосток) нашли военнопленного майора Карасаву Томио, занимавшего с 1939 по 1944 год должность начальника секции производственного отдела. Он был этапирован в Хабаровск и дал необходимые показания о садистской работе и роли Исии Сиро в этом деле [11, с. 56].

В 1948 году договорно-правовое управление МИДа подготовило заключение, подписанное С. А. Голунским, о том, что «...дело японских военных преступников, участвовавших в подготовке бактериологической войны, еще находится в начальной стадии предварительного следствия» [22, с. 139].

И всё же в СССР расследование не прекращалось, в лагерях продолжалась активная оперативно-следственная работа.

Когда к началу 1948 года стало окончательно ясно, что на Международном военном трибунале в Токио осудить лиц, причастных к разработке бактериологического оружия, не удастся, тогда возникла идея проведения самостоятельного процесса в Советском Союзе. С инициативой проведения суда в СССР выступил министр внутренних дел С. Н. Круглов, направивший 19 февраля 1948 года в МИД соответствующее письмо.

В течение 1948 года шла активная переписка МВД с МИД СССР о сроках проведения открытого судебного процесса.

В конце июля 1949 года С. Н. Круглов обратился с очередным запросом к А. Я. Вышинскому. Наконец, 5 сентября 1949 года А. Я. Вышинский направляет письмо В. М. Молотову, в котором сообщает, что, поскольку, по его данным, репатриация японских военнопленных должна закончиться в том же году, он считает, «что вопрос об организации указанного... процесса следовало решить теперь же» [22, с. 140].

Здесь мы подошли к вопросу, почему судебный процесс должен был состояться до конца 1949 года? Некоторые исследователи утверждают, что это связано с тем, что в 1950 году в СССР вводилась смертная казнь. Однако я полагаю, что срок проведения процесса напрямую связан с окончанием репатриации военнопленных, находящихся в СССР. Вот о чём говорят документы тех лет.

4 января 1949 года было опубликовано сообщение ТАСС с обещанием завершить репатриацию в течение 1949 года.

10 июня 1949 года Совет Министров СССР принял постановление № 2326-905С о репатриации в Японию в июне – ноябре 95 461 японского военнопленного. До 1 ноября органам репатриации было передано 89 213 человек. О возможности репатриации остальных МВД СССР, в соответствии с решением Совета Министров СССР № 5938-1924СС от 2 ноября, должно было представить в правительство свои предложения. МВД сочло возможным репатриировать ещё 1664 японских военнопленных, а 971 человека, совершившего преступления на территории Китая, передать правительству КНР. В СССР было предложено оставить 4573 японских военнопленных, в том числе 1690 уже осуждённых [5, с. 60].

СССР обязался завершить репатриацию военнопленных к концу 1949 года, оставить можно было только осуждённых. В официальной переписке относительно срока проведения процесса речь идёт о завершении репатриации к концу 1949 года и ни слова о вводимой в СССР смертной казни.

Таким образом, на основании содержания переписки о сроках проведения процесса над бывшими японскими военными служащими можно сделать вывод о том, что срок проведения трибунала до конца 1949 года был обуслов-

лен принятыми СССР международными обязательствами, которые СССР всегда неукоснительно выполнял. Следует заметить, что в 1949 году в Советском Союзе готовились торжественно встретить 70-летие со дня рождения И. В. Сталина. Поэтому не удивительно, что начало процесса совпало с торжествами по поводу юбилея вождя.

14 октября 1949 года выходит распоряжение министра внутренних дел СССР о проведении судебного процесса над группой японских военных преступников в Хабаровске. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР в г. Хабаровске должен быть проведён открытый судебный процесс. Проведение процесса возложено на МВД СССР, Министерство юстиции СССР и Прокуратуру СССР. Предлагалось направить в Хабаровск для подготовки и проведения процесса группу сотрудников МВД СССР в составе подполковника Карлина (руководитель), подполковника Клыкова, майора Царёва² и капитана Подпаловой³. Возложить ответственность за организацию подготовки и проведения процесса также и на начальника УМВД по Хабаровскому краю генерал-майора В. С. Царёва [19, с. 336].

Следственные мероприятия необходимо было ускорить — до окончания репатриации японских военнопленных оставалось два полных месяца. К работе были подключены оперативные работники и переводчики японского языка лагерей МВД для японских военнопленных: заместитель начальника УПВИ Управления МВД по Хабаровскому краю по оперативной работе майор Покровский, заместитель начальника спецобъекта № 45 г. Хабаровска старший лейтенант Б. Ф. Аснис, заместитель начальника управления лагеря № 16 по оперативной работе капитан Петерс, заместитель начальника лагеря № 16 подполковник Юдин, лейтенант Пукемов [25, л. 249], следователь оперативного отдела этого лагеря старший лейтенант С. Г. Тувышев [31, л. 44], заместитель начальника по оперативной работе лагеря № 19 П. И. Попов [25, л. 250], харбинские переводчики Ф. Н. Сторожков [27, л. 3], Г. Г. Пермяков [30, л. 29], Г. И. Турчков [27, л. 117], Г. Разноревич [27, л. 86], Б. К. Огородников [27, л. 99], Л. А. Иванова [27, л. 161–169], С. В. Неверов [28], П. П. Пляченко [29, л. 60], Медведева [29, л. 76], В. Н. Щебеньков [30, л. 108], Ю. И. Воропинов [30, л. 138], Н. М. Санжаровский [30, л. 185], В. М. Ким [32, л. 40], Б. С. Игнатик [32, л. 68], Ю. М. Кодрашев [31], В. Н. Кодратьев [32, л. 114], Б. А. Кассак [33, л. 16], Е. В. Цвириов [33, л. 70].

Наконец глубокое изучение всех документов, которыми располагало следствие, в том числе личные записи и переписка, изъятые при пленении и арестах обвиняемых,

позволили поставить вопрос в том числе и перед генералом Ямадой: с какой целью он неоднократно посещал места дислокации отрядов № 731 и № 100, а также их филиалов? Что это было? Прогулка или инспектирование этих специальных, строго засекреченных служб, подчинённых лично главнокомандующему Квантунской армии? После такой постановки вопроса и предъявления ему личной записной книжки командующий резко изменился в лице, долго размышлял, а затем попросил бумагу и стал писать всё, что ему было известно по существу дела [17, с. 22].

Из показаний Ямады видно, что японским генеральным штабом были утверждены три основных метода применения бактерий в целях войны: распыление бактерий с боевых самолётов, сбрасывание с самолёта специальных бактериологических бомб и наземное заражение населённых пунктов, водоёмов, пастбищ и т. д. по методу бактериологических диверсий [8, с. 57]. Это был, наверное, самый тяжёлый момент в жизни генерала Ямады: он прекрасно понимал, какую ответственность ему придётся нести не только перед советским правосудием, но и перед мировым сообществом, в том числе и своим народом [17, с. 22].

На характер следствия оказывали влияния особенности национального характера японского человека. Чертами национального характера (базового японца) следует считать этноцентризм, приверженность принципам самурайской верности сюзерену и клановой (семейно-патриархальной) морали, а также традициям, склонность к заимствованиям, преданность авторитету, чувство долга, прагматизм, трудолюбие, организованность, готовность к безоговорочному подчинению (дисциплина и самоконтроль), настойчивость, выдержку, нетребовательность в отношении жизненных условий, умение наслаждаться природой. Этноцентризм нашёл своё конкретное выражение в идеях японизма и тэнноизма, предполагающих превосходство японцев над другими народами [7, с. 195].

Общаясь по оперативно-следственным проблемам в ходе подготовки Хабаровского процесса со многими японскими военнопленными, капитан П. В. Никитин сохранил в памяти встречи с главнокомандующим Квантунской армии генералом Ямадой Отодзо, начальником штаба этой армии генералом Хатой Хикосабуро, командующим третьим фронтом генералом Усироку Дзюн — все они, как и многие другие военнопленные, конечно же, умом и сердцем до мозга костей защитники японского милитаристского режима. Это естественно, потому что их воспитание как кадровых военных проходило в завоевательном духе и настрое, как представителей японской нации. Их претензии на особое положение во многом схожи с фашистским нацистским духом. В личном плане они высокомерны, необщительны, малоконтактны даже при официальных, сугубо деловых

² Царёв Н. С. — начальник 3-го отделения 2-го отдела ОУ ГУПВИ МВД СССР [6, с. 234].

³ Подпалова Галина Ивановна — старший переводчик МВД СССР, кандидат исторических наук [14, с. 156].

разговорах. В общении между собой у них поддерживалась какая-то отчуждённость, видимо, как результат разного понимания причин проигрыша военных походов [17, с. 45].

Поэтому подследственные — бывшие японские военнослужащие, связанные чертами национального характера и понятиями дисциплины, во время следствия уклонялись от дачи показаний о разработке бактериологического оружия и проведении опытов над живыми людьми до того момента, пока не заговорил бывший командующий Квантунской армией.

Как отмечал П. В. Никитин, собственноручные показания Ямады Отодзо, а затем и развёрнутые его показания, оформленные протоколом допроса с соблюдением всех процессуальных норм, стали отправной точкой для остальных подследственных — бывших военнослужащих японской армии [17, с. 22].

Сильным фактором объективного исследования показаний обвиняемых, оказавшимся в руках следователей, как и на самом судебном разбирательстве, было заключение судебно-медицинской экспертизы по вопросам, определённым военным трибуналом для суда, и по уголовному делу бывших военнослужащих японской армии и других обвиняемых в подготовке, производстве и применении бактериологического оружия.

Для участия в работе медицинской экспертизы были привлечены высококвалифицированные и очень опытные специалисты-практики различных профилей медицинских наук [17, с. 23]. Медицинско-экспертная комиссия работала с материалами, полученными следователями на предва-

рительном следствии. Сложность заключалась в том, что подсудимые долго утверждали, что они готовили вакцины для людей и животных, не хотели называть объём изготовленных микробных взвесей. Из допросов поначалу не удавалось установить суточное количество выращиваемых микробных взвесей, но из захваченных документов можно было выяснить ёмкость автоклавов и количество заготавливаемого в них питательного агара [8, с. 65]. Вначале работу медицинско-экспертной комиссии возглавил В. Д. Краснов, а затем приехавший из Москвы Н. Н. Жуков-Верещников.

Экспериментальным путём было доказано, что суточное количество выращиваемых микробных взвесей и масштаб деятельности значительно превосходят обычную потребность для противозидемического обследования.

После предъявления документов следствие пошло в должном направлении, конкретизируя каждый эпизод, перепроверяя каждого подследственного по делу, в том числе и через проведение очных ставок.

Следственное производство было закончено в установленные сроки, без каких-либо претензий со стороны подследственных и их адвокатов, с учётом полного выполнения следственно-процессуальных норм.

Хабаровский процесс проходил с 25 по 30 декабря 1949 года в здании Дома офицеров Советской армии. Подследственные в своих заключительных выступлениях подтвердили все свои показания, данные на предварительном следствии [17, с. 23].

Список использованных источников

1. Асташкин, Д. Советский Нюрнберг / Д. Асташкин // Родина. — 2015. — № 12. — С. 98–101.
2. Багинов, А. В. Операция по захвату японских оперативных архивов в Маньчжурии / А. В. Багинов // На защите Отечества : из истории Управления ФСБ РФ : воспоминания сотрудников органов госбезопасности Хабар. края в очерках, док., рассказах, стихах и фот. — Хабаровск, 2001. — С. 111–114.
3. Барышев, В. Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками (к 60-летию события) / В. Барышев // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2009. — № 3. — С. 3–8.
4. Бендик, Н. Н. Служебная командировка дальневосточных архивистов в Северную Маньчжурию в октябре–декабре 1945 г. / Н. Н. Бендик // Четвёртые Гродековские чтения : Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России : материалы регион. науч.-практ. конф. — Хабаровск, 2004. — Ч. 2. — С. 19–24.
5. Бондаренко, Е. Ю. Военнопленные... : (Формирование и деятельность управления по делам военнопленных и интернированных НКВД — МВД СССР на Дальнем Востоке России. 30-е – 50-е годы XX в.) / Е. Ю. Бондаренко // Россия и АТР. — 2003. — № 4. — С. 52–61.
6. Великая Отечественная. [Т.] 7 (2) : [Советско-японская война 1945 года : история военно-политического противостояния двух держав в 30-е – 40-е годы : док. и материалы : в 2 т.] / [М-во обороны Рос. Федерации, Ин-т воен. истории, Центр. арх., Генер. штаб Вооруж. Сил Рос. Федерации, Ист.-арх. и воен.-мемор. центр ; под общ. ред. В. А. Золотарёва ; авт.-сост.: В. Н. Вартанов (рук.) и др.]. — Москва : Терра, 2000. — 437, [2] с., [16] л. ил. : ил., табл. — (Русский архив ; 18).
7. Горбенко, П. Л. Изменения в японском национальном характере во второй половине XX века / П. Л. Горбенко // Россия и АТР. — 2011. — № 2. — С. 95–203.
8. Иванов, Н. А. Оружие вне закона. Кто готовит бактериологическую войну / Н. А. Иванов, В. В. Богач. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1989. — 144 с.
9. Из архива Президента Российской Федерации // Родина. — 2010. — № 9. — С. 74–79.
10. Краснознамённый Дальневосточный... : воен.-ист. очерк о Дальневост. воен. окр. — 4-е изд., испр. и доп. — Хабаровск : Хехцир, 2003. — 397, [2] с. : ил.
11. Лавренцов, А. П. Записки краеведа : [авт. — ветеран Упр. Федер. службы безопасности по Хабар. краю о Хабар. процессе 1949 г. ; фот. и рис. представлены Хабар. краев. музеем им. Н. И. Гродекова] / А. П. Лавренцов ; рис. В. Павчинского // Преподавание истории в школе. — 2022. — № 3. — С. 48–60 : рис., фот. — Библиогр.: с. 60.
12. Ли, В. Несправедливость / В. Ли // Дал. Восток. — 1994. — № 7. — С. 129–140.
13. Ли, В. Сны о России / В. Ли // Простор. — Алма-Ата, 1994. — № 8. — С. 218–220.
14. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и приме-

- нении бактериологического оружия. — Москва : Политиздат, 1950. — 538 с.
15. Моримура Сэйити. Кухня дьявола / Моримура Сэйити ; (пер. с яп. С. В. Неверова ; предисл. М. В. Демченко). — Москва : Прогресс, 1983. — 272 с.
16. Непорада, С. Открытые страницы закрытой работы / С. Непорада, А. Пустовалов // Ориентир. — 2009. — № 5. — С. 69–72.
17. Никитин, П. В. Этапы большого пути / П. В. Никитин. — Хабаровск, 2002. — 96 с.
18. Органы государственной безопасности СССР во Второй мировой войне. Победа над Японией : сб. док. / [редкол. : О. Б. Мозохин (пред.) и др.]. — Москва : Кучково поле : Связь Эпох, 2020. — 821, [1] с.
19. Плискина, В. Н. Русские переводчики из Харбина и Хабаровский процесс / В. Н. Плискина // Дальний Восток России : от прошлого к будущему : Шестые Архивные научные чтения имени В. И. Чернышёвой : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня образования Приамур. генерал-губернаторства, 20 нояб. 2019 г. — Хабаровск, 2020. — С. 332–351. — Библиогр.: с. 350–351.
20. Рогаль, Н. Чумные бациллы империализма / Н. Рогаль // Тихоокеан. звезда. — 1949. — 22 дек. — С. 4.
21. Романова, В. В. Из истории подготовки в Хабаровске судебного процесса над японскими военными преступниками-бактериологами / В. В. Романова // Гродековские чтения (8) : материалы конф. — Хабаровск, 2015. — Т. 2. — С. 205–211. — Библиогр.: с. 211 (13 назв.).
22. Романова, В. В. Хабаровский судебный процесс 1949 г. : как это было / В. В. Романова // Соц. и гуманитар. науки Дал. Востока. — 2015. — № 4. — С. 135–142.
23. Сергеев, Р. Конфликт с Японией грозил СССР открытием второго фронта / Р. Сергеев // Комсом. правда. — 2015. — 5 мая. — С. 11.
24. Смерш : ист. очерки и арх. документы / В. С. Христофоров [и др.] ; Федер. служба безопасности Рос. Федерации ; редкол. : А. Г. Безверхний (гл. ред.) [и др.] ; худож. Е. В. Никитин. — Москва : Главрив Москвы : Моск. учеб. и картолитография, 2003. — 337, [2] с. : ил., портр., факс., цв. ил.
25. Стенограмма краевого совещания руководящего состава Управления МВД Х/К его подчинённых 14 сентября 1948 г. // Государственный архив Хабаровского края. Ф. 35п. Оп. 23. Д. 204.
26. Токийский и Хабаровский процесс (1946–1949) // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 451п. Оп. 20. Д. 51. Л. 336.
27. Токийский и Хабаровский процесс (1946–1949) // РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 52. Л. 3, 86, 99, 117, 161–169.
28. Токийский и Хабаровский процесс (1946–1949) // РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 53. Л. 104.
29. Токийский и Хабаровский процесс (1946–1949) // РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 55. Л. 44, 60, 76.
30. Токийский и Хабаровский процесс (1946–1949) // РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 57. Л. 29, 108, 138, 185.
31. Токийский и Хабаровский процесс (1946–1949) // РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 59. Л. 44.
32. Токийский и Хабаровский процесс (1946–1949) // РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 63. Л. 40, 68, 78, 114.
33. Токийский и Хабаровский процесс (1946–1949) // РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 67. Л. 16, 70.
34. Чкнаверова, А. А. К истории русско-японских отношений / А. А. Чкнаверова. — Москва : Компания Спутник+, 2000. — 183 с.
35. Чугров, С. Оборотни в белых халатах / С. Чугров // Азия и Африка сегодня. — 1983. — № 6. — С. 41–46.
36. Языкин, Я. Следствие ещё не завершено / Я. Языкин // Молодой дальневосточник. — 1985. — № 9. — С. 130–139.

Материал поступил в редакцию 18.09.2023.

Сведения об авторе: Плискина Валентина Николаевна, член клуба «Краевед» (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: valentinapliiskina@mail.ru; тел. 8-914-156-65-02.

ПРУДНИКОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА,
СЛИВКО СТАНИСЛАВ ВАДИМОВИЧ

ОСОБЕННОСТИ ЗАХОРОНЕНИЙ УЧАСТНИКОВ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ХАБАРОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ (1940-е – 2020-е гг.)

В статье рассмотрены различные аспекты захоронений участников военных конфликтов на территории Хабаровского центрального кладбища, определены особенности погребений различных категорий военнослужащих и степень их сохранности, выявлены проблемы сохранения целостности захоронений и намечены возможные пути их разрешения.

Ключевые слова: хабаровский некрополь, военные захоронения, участники военных конфликтов, Гражданская война, Великая Отечественная война, локальные войны.

Keywords: khabarovsk necropolis, war graves, participants in military conflicts, Civil War, Great Patriotic War, local wars.

Наиболее заселённые территории Дальнего Востока России — Приамурье и Приморье. Они вошли в состав Российской империи в 1850–1860-е годы, что было юридически зафиксировано в межгосударственных договорах России и Цинской империи (Айгуньский договор 1858 г. и Пекинский договор 1860 г.). Тогда же на присоединённых территориях возникли населённые пункты, которые в дальнейшем стали крупнейшими городами Дальнего Востока: пост Хабаровка (Хабаровск), Усть-Зейский пост (Благовещенск), Владивосток и другие. В 1884 году было образовано Приамурское генерал-губернаторство с центром в городе Хабаровке, которая в 1893 году была переименована в город Хабаровск.

Почти полтора века Хабаровск был центром сначала Приамурского края, а затем Дальневосточной области (с 1924 г.) и Дальневосточного края (с 1926 г.), Хабаровского края (с 1938 г.) и Дальневосточного федерального округа (с 2000 до 2018 г.). В Хабаровске находились органы управления Вооружёнными силами России на Дальнем Востоке как в дореволюционный, так и в советский, а также в постсоветский периоды. 3 ноября 2012 года указом Президента Российской Федерации № 1468 «за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества» Хабаровску присвоено почётное звание «Город воинской славы».

Неотъемлемой частью исторического ландшафта любого города являются его кладбища. К сожалению, подавляющая часть захоронений хабаровчан второй половины XIX – первой трети XX века безвозвратно утрачена из-за активной городской застройки, вследствие чего с карты Хабаровска исчезла большая часть кладбищ. Вместе с тем в эти годы происходила концентрация новых захоронений на Хабаровском центральном кладбище, которое в настоящее время является крупнейшим кладбищем Хабаровска и представляет собой некрополь в черте города площадью 179 га, на котором покоится около полумиллиона человек [6].

Первые захоронения появились здесь в 1930-е годы, а с 1944 года эта территория получила статус официального городского кладбища, и на протяжении 79 лет некрополь продолжает функционировать. На сегодняшний день хабаровский некрополь закрыт для новых захоронений, однако из этого правила есть несколько исключений. Документально подтверждённое родство с захороненными на территории кладбища даёт право на погребение рядом с родственниками. Право быть захороненными на центральном кладбище имеют известные люди, внёсшие вклад в развитие Хабаровска и Хабаровского края, деятели культуры и искусства, учёные, государственные служащие (их захоронение производится в секторе № 20а). Это же право закреплено за участниками

специальной военной операции на территории Украины, погибшими при исполнении воинского долга.

Богатая военная история СССР и России нашла своё отражение на территории Хабаровского центрального кладбища, где имеются захоронения участников Гражданской войны и борьбы с интервенцией на Дальнем Востоке России, участников конфликтов у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, ветеранов Великой Отечественной войны и войны с милитаристской Японией, участников войны в Афганистане, 1-й и 2-й Чеченских кампаний, контртеррористической деятельности на Северном Кавказе, а также военнослужащих Вооружённых сил РФ, погибших во время специальной военной операции на Украине. Цель настоящей статьи — рассмотреть особенности захоронения участников войн и военных конфликтов на территории Хабаровского некрополя в 1940–2020-е годы, выявить их состояние и информативный потенциал, сформулировать возможные пути их сохранения и реставрации.

Захоронения участников борьбы за власть Советов и освобождение Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев немногочисленны и расположены в основном в секторах № 1 (могилы П. И. Новичкова, И. Н. Семиковкина) и № 3 (могилы А. Н. Бутрина, Н. М. Фельдмана, П. И. Ерофенко, М. П. Ковальчука). Однако встречаются захоронения и на других, более отдалённых секторах, например № 22 (могила Н. М. Фищенко). Это индивидуальные захоронения, где участники Гражданской войны упокоены вместе со своими ушедшими из жизни родственниками или отдельно. Они не имеют статуса воинских захоронений и не включены в состав более крупных мемориальных мест, посвящённых событиям 1917–1922 годов. Более того, на некоторых из них нет информации, которая позволила бы идентифицировать могилу как принадлежащую участнику исторических событий. Например, захоронение Антона Никифоровича Бутрина (1868–1966 гг.) может напомнить о его партизанском прошлом прозвищем Старик, которое нанесено на надгробие. Биография А. Н. Бутрина до 1917 года отражена в источниках и литературе достаточно противоречиво, в том числе встречается информация о том, что А. Н. Бутрин участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. Достоверно известно о его участии в боях против внутренней контрреволюции и интервентов на Уссурийском фронте в 1918 году. После временного поражения советской власти в сентябре 1918 года А. Н. Бутрин принял участие в так называемом Мухинском восстании, и возглавляемый им партизанский отряд Старика в 1919–1920 годах был одним из самых заметных красных повстанческих формирований, оперировавших в Забайкалье и Амурской области. В январе 1920 года отряд Старика насчитывал семь эскадронов и команд с общей численностью в 750 человек [1, с. 109]. После свержения белой власти и создания Дальневосточной

республики отряд Старика был переформирован в 8-й полк 2-й Амурской стрелковой дивизии Народно-революционной армии ДВР и проявил себя в боях по ликвидации «Читинской пробки», первым войдя в освобождённую Читу 22 октября 1920 года [3]. Спустя несколько дней Чита стала новой столицей ДВР. После завершения Гражданской войны А. Н. Бутрин демобилизовался из армии и вернулся к мирной жизни. В 1950-х годах он поселился в Хабаровске, где впоследствии окончил свой жизненный путь и был захоронен. Вместе с А. Н. Бутриным похоронена его родственница Л. И. Бутрина (1935–2021 гг.).

Похожая ситуация наблюдается с захоронением Николая Михайловича Фельдмана (1902–1979 гг.), участника коммунистического подполья Владивостока в 1921–1922 годах, соратника Виталия Баневура, красного партизана

Захоронение супругов Фельдман.

3-го комсомольского партизанского отряда, действовавшего в районе Никольска-Уссурийского [15, с. 38]. Он захоронен вместе со своей супругой Р. С. Фельдман, и на общем надгробии нет никаких упоминаний о боевой молодости Николая Михайловича, только годы жизни и памятная надпись от имени детей: «Жизнь ваша — пример для нас, Вы в памяти нашей и в наших сердцах». Отсутствие

на надгробии упоминания о подпольном и партизанском прошлом Н. М. Фельдмана не означает, что для близких родственников эти страницы его биографии не имели большого значения. Рядом с супругами Фельдман похоронен их сын, Александр Николаевич Фельдман (1935–2014 гг.), с которым был хорошо знаком один из авторов настоящей статьи. А. Н. Фельдман приложил немало усилий для сохранения памяти о роли своего отца в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке.

В то же время захоронения других ветеранов Гражданской войны содержат на надгробиях информацию об их участии в Гражданской войне на Дальнем Востоке. Например, памятник на могиле Николая Максимовича Фищенко (1879–1949 гг.), установленный в 1970–1980-е годы, содержит надпись: «Участник революций 1905–1917 гг., Гражданской войны, член КПСС с 1904 г.». Рабочий завода «Арсенал» Н. М. Фищенко стал одним из создателей и

Захоронение Н. М. Фищенко.

руководителей первой социал-демократической организации Хабаровска в 1904 году, впоследствии примкнул к фракции большевиков. За участие в Первой русской революции в 1907 году был арестован, в 1908 году приговорён к пожизненной каторге за принадлежность к РСДРП и участие в революционном митинге. По пути на каторгу Н. М. Фищенко сумел организовать побег и бежать вместе с другими политическими

каторжанами, а затем ушёл в подполье и при угрозе нового ареста отбыл в эмиграцию — его путь лежал через Маньчжурию в Австралию [2, с. 32–33]. Обратившись в Россию Н. М. Фищенко прибыл в 1917 году, после Февральской революции, и активно включился в революционную борьбу. Вместе со своими товарищами-арсенальцами он активно участвовал в установлении советской власти, фронтовой борьбе с интервентами и белогвардейцами, в партизанском движении. В 1920-е – 1930-е годы занимался профсоюзной работой, трудился на выборных должностях в заводском комитете, занимал должность председателя заводской ячейки МОПР¹.

На надгробии Петра Ивановича Новичкова (1899–1971 гг.) указано, что он являлся участником Гражданской войны на Дальнем Востоке, а также помещено изображение ордена Ленина, которым он был награждён. Надгробный памятник Порфирия Исаковича Ерофенко (1898–1969 гг.) содержит информацию, что в годы Гражданской войны он был красным партизаном. Захоронение Михаила Павловича Ковальчука (1892–1972 гг.) имеет более конкретные данные: «Ветеран Гражданской войны на Дальнем Востоке, участник штурма Волочаевки».

Среди захоронений хабаровского некрополя встречаются могилы участников советско-японских военных конфликтов конца 1930-х годов. Например, захоронение майора Советской армии Алексея Филипповича Иванютина (1916–1977 гг.) в секторе № 3. Он был призван в РККА в

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 533. Оп. 2. Д. 2908. Л. 9.

Захоронение. А. Ф. Иванютина.

имеется информация только о датах рождения и смерти. Установить участие А. Ф. Иванютина в боях на Халхин-Голе удалось только по фотографии, на которой он запечатлён после выхода в отставку в штатском костюме с наградами СССР и МНР, и по документам ЦАМО РФ, опубликованным в электронной базе данных «Подвиг народа». К сожалению, памятник на его могиле покосился и проржавел, краска облупилась, а сама могила заросла травой и усыпана палой листвой. Подобная картина не является редкостью и характерна для многих захоронений военнослужащих советского времени, включая могилы Героев Советского Союза.

Самая многочисленная категория участников военных конфликтов, покоящихся на Хабаровском центральном кладбище, — это ветераны Великой Отечественной войны и войны с Японией 1945 года. Захоронения фронтовиков можно встретить практически в каждом секторе кладбища. Памятники на могилах участников Великой Отечественной войны обладают рядом отличительных особенностей. Некоторые из них имеют надпись «Ветеран Великой Отечественной войны». На фотографиях покойных изображены их прижизненные фото в военной форме с орденами и медалями, на некоторых памятниках выгравированы их награды — среди них чаще всего встречается орден Отечественной войны I и II степени. Причина этого кроется в том, что указом Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденом Отечественной войны активных участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» от 11 марта 1985 года в честь 40-летия Великой Победы орденом Отечественной войны были награждены практически все проживавшие на тот момент в СССР лица, принимавшие непосредственное участие в Великой Отечественной войне в составе действующей армии, партизанских формирований или в подполье.

1937 году, участвовал в боях на Халхин-Голе и в войне с Японией (Забайкальский фронт, 17 армия). Являлся кавалером ордена Красной Звезды, а в 1969 году был отмечен наградами Монгольской Народной Республики — орденом «Полярная Звезда» и медалью «30 лет Халхин-Гольской Победы». Однако о его участии в сражении на Халхин-Голе на надгробии не указано — там

Действие указа было распространено также и на участников войны с милитаристской Японией. Награждение орденом I или II степени зависело от принадлежности к высшему офицерскому составу, военных заслуг, предшествующих наградений, получения инвалидности вследствие ранений. В результате реализации этого указа, а также из-за частого использования изображения ордена в визуальных праздничных материалах орден стал символом участия в Великой Отечественной войне и его значение вышло за рамки боевой награды, в период войны вручавшейся за конкретные военные заслуги [9]. Иногда орден Отечественной войны занимает собой большую часть пространства надгробия, заменяя собой портрет (это относится к захоронениям 1990–2010-х гг.). Встречается использование в оформлении памятников на могилах фронтовиков гвардейской ленты. Иногда родственники прикрепляют матерчатую ленту к памятнику усопшего, что связано с широким её распространением в 2000-е – 2010-е как одного из символов Победы.

Тем не менее чаще всего установить участие похороненных в Великой Отечественной войне можно лишь на основании изучения фотографий, биографических сведений, военно-учётных и наградных документов из Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО) и Российского государственного военного архива (РГВА). Причём это относится даже к людям, достаточно широко известным. Например, памятник на могиле первого ректора Хабаровского политехнического института (ныне ТОГУ) Михаила Павловича Даниловского (1921–1995 гг.) сообщает, что он являлся профессором и почётным гражданином г. Хабаровска [4]. Фотография на памятнике не содержит информации об участии покойного в Великой Отечественной войне. Между тем М. П. Даниловский являлся участником Сталинградского сражения. Заместитель политрука 116-го стрелкового полка 40-й гвардейской стрелковой дивизии М. П. Даниловский был награждён медалью «За отвагу» за участие в боях на северном фланге Сталинградского

Захоронение М. П. Даниловского.

фронта, где задачей 40-й гвардейской стрелковой дивизии было не допустить прорыва фронта войсками противника. Обстановка на этом участке фронта была крайне сложной. Гитлеровцы, прорвав оборону 4-й танковой армии в начале августа 1942 года, принудили четыре обескровленные в тяжёлых боях советские дивизии к отступлению. В образовавшийся прорыв в излучине Дона и была направлена 40-я гвардейская стрелковая дивизия, против которой наступали 3-я пехотная дивизия и 2-я танковая бригада вермахта. Дивизия занимала позиции по фронту 12 километров: Сиротинская — Шохин — Старогригорьевка. В критический момент против гвардейской дивизии были задействованы силы до пяти немецких и итальянских дивизий [12]. Описание боевых заслуг М. П. Даниловского в наградном листе просто и лаконично: «В боях под Шохин южнее высоты 146 лично уничтожил 11 гитлеровцев, участвовал в нескольких атаках и всегда шёл впереди»². О степени ожесточённости боёв можно судить по одному факту: за период с 15 августа по 8 сентября 116-й гвардейский стрелковый полк потерял убитыми 705 человек (из немногим более двух тысяч человек, насчитывавшихся в полку к началу боёв). М. П. Даниловский получил тяжёлое ранение в бедро и после излечения был направлен на обучение в Казанское танковое училище и оставлен по его окончании в училище сначала командиром взвода, а затем и роты курсантов. Неоднократные попытки вернуться на фронт результатов не дали [8, с. 11].

Надпись на надгробии Ильи Владимировича Экшенгера (1921–1994 гг.) гласит: «Заслуженный учитель школы РСФСР». На фотографии он изображён в костюме с орденом Отечественной войны II степени и знаком «Заслуженный учитель школы РСФСР». Старший лейтенант И. В. Экшенгер находился на службе в Красной армии с 1940 года (на должностях офицерского состава с октября 1941 г.), участвовал в войне с милитаристской Японией в должности помощника начальника штаба артиллерии по учёту и комплектованию 105-й стрелковой дивизии 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта. Был награждён медалью «За боевые заслуги» «за выполнение функциональных обязанностей и хороший контроль за артподразделениями на марше»³.

Иногда на памятниках сведения об участии в Великой Отечественной войне приводятся в завуалированном виде, среди других заслуг усопшего. Например, Анатолий Филиппович Прокопенко (1926–1982 гг.) охарактеризован как «ветеран армии, партии, труда». В качестве эпитафии на памятнике имеется надпись: «Моё имя счастливее меня». Из наградных документов ЦАМО явствует, что член ВЛКСМ, ефрейтор А. Ф. Прокопенко участвовал в войне с мили-

Захоронение И. Ф. Усачёва.

таристской Японией (Сунгарийская наступательная операция 2-го Дальневосточного фронта) и был награждён медалью «За отвагу»: «В бою действовал храбро, умело. Первым проник в тыл противника при разведке, уничтожил трёх японских солдат»⁴. После войны А. Ф. Прокопенко трудился на производстве, в государственных и партийных органах: в 1961–1976 годах занимал должности пред-

седателя Охотского райисполкома и первого секретаря Охотского райкома КПСС.

Встречаются захоронения, где наряду с именем участника Великой Отечественной войны приведено его фронтное прозвище, например Ивана Фёдоровича Усачёва (1923–1972 гг.), с лёгкой руки корреспондента ленинградской газеты «За Родину» С. Бытового названного «Амурским соколом». Уроженец г. Благовещенска И. Ф. Усачёв связал свою судьбу с небом во время жизни и учёбы в Хабаровске. В 1939 году он записался в Хабаровский аэроклуб имени Героев лётчиков-челюскинцев Осоавиахима и после окончания 10 классов вместе с аттестатом получил характеристику и путёвку в лётную школу. После окончания Бирмской авиационной школы лётчиков в начале 1943 года он прибыл в 124-й истребительный авиационный полк (7-й истребительный авиационный корпус ПВО, Ленинградский фронт) и сразу же был направлен в Красноярск для переобучения на поставляемый из США по ленд-лизу самолёт Р-39 («Аэрокобра») ⁵. За успешное и быстрое овладение программой занятий и совершённый безаварийный перелёт по маршруту Красноярск — Ленинградский фронт протяжённостью 5 000 км И. Ф. Усачёв был награждён первой правительственной наградой — медалью «За боевые заслуги». С 13 июля 1943 года он начал участвовать в боях на Ленинградском фронте и был отмечен медалью «За оборону Ленинграда». С июля 1943 года по февраль 1944-го он произвёл 45 успешных боевых вылетов накрытие боевых порядков советских войск и перехват самолётов противника (в том числе 11 в сложных метеоусловиях на

² Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682525. Д. 373. Л. 23.

³ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 774. Л. 142.

⁴ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 717037. Д. 51. Л. 257.

⁵ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1825. Л. 247.

высоте 50–100 м под огнём зенитной артиллерии и войск противника), провёл три воздушных боя и был охарактеризован командиром полка как смелый и решительный лётчик, дисциплинированный, требовательный к себе и подчинённым, отлично знающим и эксплуатирующим самолёт Р-39⁶. 24 февраля 1944 года И. Ф. Усачёв был награждён орденом Красной Звезды, а спустя четыре месяца последовала новая высокая награда — орден Красного Знамени. За это время он произвёл 45 боевых вылетов, в том числе 14 — во время проведения наступления Ленинградского фронта на Карельском перешейке. Два воздушных боя им были проведены на предельно большой высоте (9000–10 000 м). 26 февраля 1944 года, преследуя вражеский самолёт Ю-88, проводивший разведку коммуникаций Ленинградского фронта, И. Ф. Усачёв, несмотря на малый запас топлива, интенсивный ответный огонь и вызванные высотой сложности ведения боя, сумел несколько раз атаковать и сбить самолёт противника. 8 марта 1944 года в похожих условиях на высоте 10 000 м он также сбил самолёт Ю-88 — «на виду трудящихся города Ленина, проявив при этом изумительный образец мужества и беспредельной преданности Родине». Во время наступления войск фронта И. Ф. Усачёв с 9 по 20 июня 1944 года выполнял задачу прикрытия бомбардировщиков Ту-2 и сопровождения их в глубокий тыл противника: «Прикрывая и сопровождая бомбардировщики в группах 27–30 самолётов, в усложнённых условиях манёвра наших истребителей, в трудных метеоусловиях, при низкой облачности и плохой видимости, при сильном противодействии зенитной артиллерии противника — гвардии младший лейтенант Усачёв все боевые задания выполнял отлично. Надёжное прикрытие бомбардировщиков обеспечило нанесение врагу наибольшего урона. Бомбардировщики не имели потерь от истребителей противника»⁷. После Великой Отечественной войны И. Ф. Усачёв продолжил службу в ВВС Советской армии, принимал участие в Корейской войне и после возвращения из Кореи был оставлен для прохождения службы на Дальнем Востоке, в Хабаровске. По состоянию здоровья он был комиссован в конце 1950-х годов, а 8 ноября 1972 года умер от инфаркта. Как отмечала в своём очерке И. Казанова (племянница И. Ф. Усачёва), «правнуки Ивана Фёдоровича Усачёва по прямой линии и внуки его племянников с гордостью носят портрет своего прадеда в колоннах “Бессмертного полка” Хабаровска и Благовещенска. В 2018 году, благодаря стараниям Константина Федькина — внука, портрет его деда И. Ф. Усачёва был прикреплен к истребителю “Бессмертной эскадрильи”, и в дни Победы амурский сокол вновь летает над родным краем» [7].

6 ЦАМО Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1522. Л. 48.

7 ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1068. Л. 192.

В секторе № 3 похоронены Герои Советского Союза — отличившийся во время штурма Берлина кавалерист Александр Семёнович Панов (1922–1992 гг.), участник боёв у озера Хасан, герой Великой Отечественной войны, и участник войны с милитаристской Японией Иван Алексеевич Акимов (1912–1977 гг.), лётчик-истребитель Николай Михайлович Искрин (1918–1985 гг.), совершивший подвиг при форсировании Днепра Филипп Ефимович Редько (1919–1994 гг.) и другие. На их захоронениях отмечено высокое звание, полученное в боях с немецко-фашистскими захватчиками, — в виде надписей или изображений медали «Золотая Звезда». Иногда надгробия выполнены в виде пятиконечной звезды, например на могиле Николая Прохоровича Гусева (1919–1978 гг.), радиотелеграфиста взвода управления 2-го дивизиона 3-й миномётной бригады 7-й артиллерийской дивизии прорыва 46-й армии 2-го Украинского фронта, отличившегося в ходе Будапештской наступательной операции. В ночном бою с 4 на 5 декабря 1944 года в районе железнодорожной станции Эрчи он одним из первых переправился на правый берег реки Дунай и вместе с командиром батареи старшим лейтенантом Горюновым передавал по радио артиллерийские команды дивизиону. При отражении контратаки противника силой до полка пехоты от разрыва вражеского снаряда радиостанцию засыпало землёй. Н. П. Гусев быстро устранил неисправности и продолжил передавать точные сведения артиллерии, «чем способствовал успешному продвижению нашей пехоты и закреплению плацдарма»⁸. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года за «образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецкими захватчиками» красноармеец Николай Гусев был удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». После окончания войны Н. П. Гусев продолжил службу в рядах Советской армии. В 1966 году в звании старшины он был уволен в запас. Проживал и работал в Хабаровске, умер 23 мая 1978 года. К сожалению, памятник и надгробная плита с именем героя сильно загрязнены, фотогра-

Захоронение Н. П. Гусева.

8 ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 28. Л. 284.

Захоронение Н. М. Никитенко.

фия выцвела, надпись плохо различима. Также имеет форму звезды надгробие Николая Михайловича Никитенко (1922–1978 гг.), командира звена 958-го штурмового авиационного полка, пилота штурмовика Ил-2. За 1944–1945 годы он совершил 187 успешных боевых вылетов, уничтожил 12 танков, 41 автомашину, 5 складов с боеприпасами, 7 тягачей, 16 орудий, 15 миномётов, потопил 1 катер и 2 баржи, уничтожил 280 вражеских солдат и офицеров. В наградном листе отмечался высокий профессионализм и ценные личные качества Н. М. Никитенко: «На выполнение боевых заданий водит группы 4–6 Ил-2. Благодаря высокому лётному мастерству, отличной штурманской подготовке, группы всегда точно выводит на цель, умело управляет своими ведомыми в бою. Все боевые задания командования выполняет отлично. Бесстрашный лётчик-штурмовик. В бою примером личного мужества и отваги увлекает ведомые экипажи. Попадая в сложную обстановку на поле боя, не теряет самообладания, упорно продолжает выполнять поставленную задачу. Имея большой опыт в выполнении боевых заданий, обучает молодой лётный состав умению бить врага наверняка»⁹. В мирное время Н. М. Никитенко вернулся в Хабаровск, был пилотом авиации специального применения, перешёл на вертолётную технику и много сделал для обучения вертолётных кадров. С 1973 года вышел на пенсию и посвятил себя военно-патриотической работе, наставничеству молодёжи [11, с. 194].

Японское кладбище на территории хабаровского некрополя.

только воины Красной армии, но и бывшие солдаты японской армии, которые умерли в СССР в период плена (1945–1956 гг.) или в позднейшее время. Они захоронены отдельно, на так называемом японском кладбище, расположенном между секторами № 6 и 17. Большая часть захоронений представлена периодом 1945–1956 годов. Это небольшие надгробия, едва возвышающиеся над землёй.

Могилы обозначены бетонными фундаментами с прикреплёнными на них табличками, на которые нанесены имена покойных на русском и японском языках. Они практически полностью скрыты под выросшей травой и палой листвой. На некоторых захоронениях позднейшего времени имеются надгробные памятники с надписями на японском языке, иногда переведёнными на русский язык. Большая часть надгробий не содержит фотографии покойных. Самая свежая могила на японском кладбище появилась в мае 2020 года — в ней захоронен Танака Такеси (1926–2020 гг.), бывший военнопленный Квантунской армии, который вернулся в Хабаровск в 1995 году и четверть века посвятил укреплению дружбы между Россией и Японией. Он преподавал японский язык, активно участвовал в культурной жизни Хабаровска, писал стихи и играл на музыкальном инструменте собственного изобретения (сочетание синтезатора и аккордеона), ухаживал за могилами своих товарищей, похороненных в России. Уроженец Нагасаки Танака Такеси всегда выступал за мир между народами, осуждал войны и милитаризм — он на собственном опыте пережил последствия агрессивной милитаристской политики японского государства, видел судьбы своих товарищей и уничтоженного атомной бомбардировкой родного города. На его могиле помимо памятника установлена деревянная табличка с выжженными на ней стихами Танаки Такеси, написанными в жанре хокку: «Здесь вечный ветер... И прах друзей под землёй, укрытый травой» [10].

На Хабаровском центральном кладбище находятся коллективные захоронения, посвящённые погибшим при исполнении служебных обязанностей в послевоенное время. Например, в секторе № 2 располагается могила экипажа транспортного самолёта Ли-2, погибшего в результате авиакатастрофы 11 августа 1948 года. Она имеет массив-

только воины Красной армии, но и бывшие солдаты японской армии, которые умерли в СССР в период плена (1945–1956 гг.) или в позднейшее время. Они захоронены отдельно, на так называемом японском кладбище, расположенном между секторами № 6 и 17. Большая часть захоронений представлена периодом 1945–1956 годов. Это небольшие надгробия, едва возвышающиеся над землёй.

Могилы обозначены бетонными фундаментами с прикреплёнными на них табличками, на которые нанесены имена покойных на русском и японском языках. Они практически полностью скрыты под выросшей травой и палой листвой. На некоторых захоронениях позднейшего времени имеются надгробные памятники с надписями на японском языке, иногда переведёнными на русский язык. Большая часть надгробий не содержит фотографии покойных. Самая свежая могила на японском кладбище появилась в мае 2020 года — в ней захоронен Танака Такеси (1926–2020 гг.), бывший военнопленный Квантунской армии, который вернулся в Хабаровск в 1995 году и четверть века посвятил укреплению дружбы между Россией и Японией. Он преподавал японский язык, активно участвовал в культурной жизни Хабаровска, писал стихи и играл на музыкальном инструменте собственного изобретения (сочетание синтезатора и аккордеона), ухаживал за могилами своих товарищей, похороненных в России. Уроженец Нагасаки Танака Такеси всегда выступал за мир между народами, осуждал войны и милитаризм — он на собственном опыте пережил последствия агрессивной милитаристской политики японского государства, видел судьбы своих товарищей и уничтоженного атомной бомбардировкой родного города. На его могиле помимо памятника установлена деревянная табличка с выжженными на ней стихами Танаки Такеси, написанными в жанре хокку: «Здесь вечный ветер... И прах друзей под землёй, укрытый травой» [10].

На Хабаровском центральном кладбище находятся коллективные захоронения, посвящённые погибшим при исполнении служебных обязанностей в послевоенное время. Например, в секторе № 2 располагается могила экипажа транспортного самолёта Ли-2, погибшего в результате авиакатастрофы 11 августа 1948 года. Она имеет массив-

Захоронение Танаки Такеси.

Захоронение экипажа самолёта Ил-14.

Надгробие на могиле экипажа транспортного самолёта Ли-2.

ное гранитное надгробие, на которое нанесены имена лётчиков: майор П. В. Цымбалов (1906 г. р.), подполковник А. Ф. Лопатин (1909 г. р.), лейтенант И. С. Провозен (1922 г. р.), старший лейтенант Т. С. Чеботарь (1920 г. р.), старший сержант А. Т. Лисичкин (1919 г. р.), рядовой С. А. Тыкманов (1919 г. р.), рядовой Н. И. Стрельбицкий (1924 г. р.). Избранный в качестве эпитафии фрагмент стихотворения О. Ф. Берггольц «Никто не забыт, ничто не забыто» указывает на то, что нынешний памятник был поставлен после 1959 года, который является временем написания стихотворения. Другой пример — захоронение лётчиков, погибших 8 июля 1962 года во время крушения транспортного самолёта Ил-14 (майор В. П. Кучин, капитан Г. И. Бесчастнов, старший лейтенант В. Г. Сырвачев, старший лейтенант М. М. Самаркин, лейтенант В. П. Паркачев, сержант В. П. Ананичев, старший лейтенант А. А. Проскуряков, сержант Ф. А. Мурзановский). На территории захоронения имеется общий памятник с именами и фотографиями всех погибших, а также небольшие надгробия на местах захоронения останков каждого лётчика. В наше время братское захоронение полностью заросло травой и сорняками, через трещины в некоторых могильных камнях пробиваются побеги земляники, вход на территорию могил лётчиков оказался завален кучей мусора [16]. К сожалению, в научной литературе и периодической

Мемориал в секторе № 20 Хабаровского центрального кладбища с именами воинов-афганцев, погибших при исполнении воинского долга.

печати отсутствует цельная и подробная информация об обстоятельствах этих катастроф.

Большая часть захоронений советских воинов, погибших при исполнении интернационального долга в Демократической Республике Афганистан, расположена в секторах № 20, 20а, 46. Отдельные могилы находятся в секторах № 6, 14, 27, 37, 47. По данным мемориала, установленного хабаровской краевой организацией «Боевое братство» при входе на территорию сектора № 20, на Хабаровском центральном кладбище захоронены 43 воина-афганца, погибших при исполнении воинского долга. Все могилы учтены как воинские захоронения и подлежат государственной охране, о чём свидетельствуют размещённые рядом с могилами специальные таблички. Тем не менее данные мемориала содержат информацию только о тех захоронениях воинов-интернационалистов, которые погибли в Афганистане. Информация о захоронениях воинов, умерших после возвращения из Афганистана или демобилизации из Советской армии, на мемориале не отражена. Например, среди них нет подполковника Леонида Николаевича Аверьянова (1949–1989 гг.), который провёл в Афганистане два года (1985–1987 гг.) и являлся советником представительства СССР в Республике Афганистан. Он в совершенстве владел афганскими языками (фарси, дари) и был личным переводчиком у президента Афганистана Бабрака Кармалы. После возвращения из Афганистана Л. Н. Аверьянов продолжал службу в органах КГБ в должности старшего оперуполномоченного. В результате болезни, полученной в Афганистане, Л. Н. Аверьянов умер 16 октября 1989 года и был похоронен на Хабаровском центральном кладбище в секторе № 20.

Захоронения хабаровчан, исполнивших воинский долг в Афганистане, в целом находятся в лучшей сохранности, чем захоронения иных категорий участников военных конфликтов советского периода. Краевая организация «Боевое

Захоронение В. А. Синцева.

братство» берёт на себя шефство над могилами воинов, чьи родственники переезжают из Хабаровска и не могут ухаживать за ними. В 2013 году «Боевым братством» издана книга памяти «Чёрный тюльпан», в которой собраны биографические данные о жителях Хабаровского края, принимавших участие в Афганской войне; в ней содержится информация и о захороненных в хабаровском некрополе.

В секторах № 20а и 46 похоронены участники двух Чеченских кампаний и военнослужащие, погибшие в ходе антитеррористической борьбы на Северном Кавказе в 2000-е годы. Их могилы признаны воинскими захоронениями, им присвоены регистрационные номера, и они поставлены на государственную охрану. Тем не менее какого-либо общего памятника или мемориала, посвящённого участникам Чеченских войн, не установлено, и захоронения приходится долго искать среди других могил. На большей части памятников отсутствуют упоминания о том, что захороненные погибли именно в Чеченской Республике. Как правило, на это указывают лишь даты гибели и надпись «погиб при исполнении воинского долга» на надгробном памятнике. Иногда на надгробных памятниках выгравированы изображения государственных наград, которыми были награждены погибшие. Такова могила Владимира Анатольевича Синцева (1974–1995 гг.), воспитанника Хабаровского детского дома № 7 и выпускника ПТУ № 16 (ныне Хабаровский техникум транспортных технологий имени Героя Советского Союза А. С. Панова, который похоронен в секторе № 3 хабаровского некрополя). 20 мая 1994 года Индустриальным райвоенкоматом Хабаровска он был призван в ряды Вооружённых сил России и после прохождения курса молодого бойца в составе гранатомётного взвода 245-го мотострелкового полка 11 января 1995 года прибыл в Чечню. 2 февраля 1995 года группа воинов полка получила боевое задание разведать местность в районе посёлка Пригородное. Группа попала в засаду, и большая часть разведчиков погибла при сопротивлении многократно превосходящим силам противника. За проявленный героизм

Могила сотрудников управления ФСБ России по Хабаровскому краю, погибших 10 марта 2005 года в результате катастрофы вертолёта Ми-8 в районе села Алхан-Юрт Чеченской Республики.

В. А. Синцев был награждён орденом Мужества (посмертно). Однако есть и захоронения, где о военной судьбе человека свидетельствуют только фотография, на которой он запечатлён в военной форме и с государственными наградами, и регистрационная табличка воинского захоронения. Такова расположенная в секторе № 20а могила подполковника Андрея Владимировича Воронина (1964–2001 гг.), начальника штаба батальона воздушно-десантных войск России, участника боевых действий в Чечне в 1995-м и в 1999–2001 годах. Он погиб в бою 30 марта 2001 года, заслонив собой раненого бойца. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством», орденом Мужества (посмертно). На его памятнике содержится эпитафия: «Для чего пережила Тебя любовь моя?!»

Могила сотрудников управления ФСБ России по Хабаровскому краю, погибших 10 марта 2005 года в результате катастрофы вертолёта Ми-8 в районе села Алхан-Юрт Чеченской Республики, расположена в секторе № 20а. За мужество, отвагу и самоотверженность при выполнении специального задания в ходе контртеррористической операции указом президента РФ В. Путина погибшие были посмертно награждены орденами Мужества [17]. Могила представляет собой мемориал с индивидуальными захоронениями и общим памятником в виде склонившего голову бойца с защитным шлемом в руках и одной из модификаций автомата Калашникова за спиной. На мемориальной плите памятника перечислены имена всех погибших (подполковник Колесников В. Г., подполковник Есягин А. А., майор Щербаков А. Г., майор Косарь А. А., майор Гассан Д. А., майор Петренко И. А., капитан Сипанов А. А., прапорщик Питихин Э. А.) с указанием, что И. А. Петренко похоронен в Биробиджане, а А. А. Сипанов — в Твери. Также на мемориальной плите выгравирован символ спецподразделения «Альфа» на фоне гвардейской ленты.

Захоронения военнослужащих, погибших в ходе проведения специальной военной операции на территории Украины.

В секторе № 20а находятся захоронения военнослужащих, погибших в ходе проведения специальной военной операции на территории Украины. Все они признаны воинскими захоронениями, им присвоены регистрационные номера и установлены специальные таблички, в которых также указано, что захороненный «погиб при исполнении воинского долга в ходе специальной военной операции». С целью предотвращения актов вандализма на табличках также указано, что «вред воинскому захоронению влечёт ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации». На большей части захоронений установлены Государственные флаги РФ и родов войск, в составе которых погибшие исполняли свой воинский долг. На некоторых захоронениях закреплены Государственные флаги СССР. Также встречаются могилы погибших на Украине бойцов ЧВК «Вагнер» с символикой этой частной военной компании в виде венков и флагов. Как правило, на свежих могилах устанавливаются православные кресты, которые в дальнейшем заменяются на надгробные памятники из чёрного гранита или мрамора, где выгравированы портреты погибших и информация о них, изображения государственных наград погибших военнослужащих, православные кресты и эпитафии от родных и близких в прозе или стихах. Могилы военнослужащих, погибших в ходе специальной военной операции, находятся также и в других секторах: по воле родственников или покойных их погребли на территории семейных захоронений. Например, вертолётчик, штурман Ка-52 18-й бригады армейской авиации капитан Роман Викторович Гавриков (1986–2023 гг.) погиб при выполнении боевого задания 25 июля 2023 года, захоронен в секторе № 20 вместе с членами своей семьи.

Таким образом, на территории Хабаровского центрального кладбища имеется значительное количество захоронений участников военных конфликтов XX–XXI веков, в том числе здесь похоронены тысячи участников Великой Отечественной войны и войны с милитаристской Японией.

Их могилы, в отличие от погибших при исполнении воинских обязанностей участников боевых действий в Афганистане, на территории Чеченской Республики, в ходе специальной военной операции на Украине, не имеют статуса воинских захоронений и о них заботятся исключительно родственники умерших или равнодушные люди. Это же относится и к участникам других военных конфликтов, умерших не в результате боевых действий. К сожалению, в связи с уходом из жизни родственников или их переездом в другие регионы России могилы зачастую приходят в запустение и память о захороненных в них людях утрачивается. И если в странах Восточной Европы или в некоторых бывших республиках СССР захоронения воинов Красной армии уничтожаются вследствие целенаправленной государственной политики, то в России это происходит в силу её отсутствия и безразличия к судьбе захоронений ветеранов войны со стороны государства — ситуация в хабаровском некрополе служит тому наглядным примером. Несмотря на все усилия волонтеров и общественных организаций, эти процессы нельзя остановить без планомерных совместных действий государства, органов местного самоуправления, военных структур и гражданских активистов при ведущей роли государственной власти.

На наш взгляд, логично и целесообразно рассмотреть вопрос о признании всех погребений участников военных конфликтов воинскими захоронениями с распространением на них соответствующих мер учёта и охраны. Это должно сопровождаться научно-исследовательской работой и популяризацией её результатов, каталогизацией собранных сведений, учётом захоронений и надзором за ними, взаимодействием с родственниками захороненных, размещением на территории захоронений информационных биографических табличек. Большую значимость для привлечения внимания общественности к захоронениям фронтовиков на Хабаровском центральном кладбище и сохранения памяти о захороненных могут иметь современные информационные технологии. Тем

Захоронение Н. С. Ивашечкина, участника Великой Отечественной войны.

не менее, насколько известно авторам статьи, подобные задачи даже не ставятся ни органами государственной власти, ни администрацией г. Хабаровска, ни специализированными муниципальными предприятиями. Поставить их и добиться воплощения в жизнь — долг всех, кому память о защитниках Отечества дорога не на словах, а на деле.

В своё время Роберт Рождественский сказал: «Это нужно — не мёртвым! Это надо — живым!» [8]. При взгляде на состояние немалого числа захоронений участников военных конфликтов на территории хабаровского некрополя остаётся констатировать, что его слова со временем стали ещё более актуальными.

Список использованных источников

1. Агеев, А. В. Амурские партизаны : очерк по истории партизанского движения в Амурской обл. (1918–1920 гг.) / А. В. Агеев. — Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, [Амур. отделение], 1974. — 255 с.
2. Амурские арсенальцы. — Хабаровск : Б. и., 1992. — 444 с.
3. Баринин, А. О. Бутрин А. Н. / А. О. Баринин, В. И. Василевский. — Текст : электронный // Энциклопедия Забайкалья. — URL: [http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=980#:~:text=Бутрин%20Антон%20Никифорович%20\(псевдоним%20Старик\),офисера%20приговорен%20к%20смертной%20казни](http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=980#:~:text=Бутрин%20Антон%20Никифорович%20(псевдоним%20Старик),офисера%20приговорен%20к%20смертной%20казни) (дата обращения: 08.10.2023).
4. Даниловский Михаил Павлович. — Текст : электронный // Тихоокеанский государственный университет : офиц. сайт. ТОГУ в лицах. — URL: <https://pnu.edu.ru/ru/library/projects/persons/danilovskiy/> (дата обращения: 08.10.2023).
5. Дорохов, В. Ж. Проблемы содержания японских военнопленных в Хабаровском крае в 1945–1946 гг. / В. Ж. Дорохов. — Текст : электронный // Военно-ист. журн. — URL: <http://history.milportal.ru/problemy-soderzhaniya-yaponskix-voennoplennykh-v-xabarovskom-krae-v-1945-1946-gg/> (дата публикации: 02.08.2023).
6. Загорская, Е. Новая история старого кладбища: в Хабаровске оцифруют погосты / Е. Загорская. — Текст : электронный // «ХабИнфо»: интернет-журнал города Хабаровска. Город, 21 нояб. 2019 г. — URL: <https://habinfo.ru/tsentralnoe-kladbische> (дата обращения: 08.10.2023).
7. Казанова, И. Амурский сокол / И. Казанова. — Текст : электронный // Проза.ру. — URL: <https://proza.ru/2020/02/24/901> (дата обращения: 08.10.2023).
8. Михаил Павлович Даниловский. Служение делу длиною в жизнь / М-во науки и высшего образования Российской Федерации, Тихоокеан. гос. ун-т ; сост., авт. текстов — Н. Т. Кудинова. — Москва : Планета, 2021. — 359 с.
9. Об учреждении Ордена Отечественной войны I и II степени : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1942 года // Сб. законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. — Москва, 1956. — С. 252–256.
10. Островский, О. Хабаровчанин Танака Такеси — бывший японский военнопленный / О. Островский. — Текст : электронный // VC.RU. — URL: <https://vc.ru/u/766797-oleg-ostrovskiy/297716-habarovchanin-tanaka-takesi-byvshiy-yaponskiy-voennoplennyy> (дата обращения: 08.10.2023).
11. Подвиги их бессмертны. Хабаровчане-герои Советского Союза — Хабаровск : Кн. изд-во, 1975. — 320 с.
12. Ровенский, Г. 40-я «ногинская» гвардейская стрелковая дивизия в Сталинградской битве / Г. Ровенский. — Текст : электронный // Богородск-Ногинск. Богородское краеведение : [сайт]. — URL: <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/voyna/n40.html> (дата обращения: 08.10.2023).
13. Рождественский, Р. Реквием (Вечная слава героям) / Р. Рождественский. — Текст : электронный // Культура.РФ. Литература. — URL: <https://www.culture.ru/poems/42566/rekviem-vechnaya-slava-geroyam> (дата обращения: 08.10.2023).
14. Сведения об Анатолии Прокопенко из учётно-послужной картотеки. — Текст : электронный // Память народа : электрон. банк док. периода Великой Отечеств. войны. — URL: <https://poisk.re/person/officers/10389133> (дата обращения: 08.10.2023).
15. Сливко, С. В. «Он заронил в мою душу желание посвятить свою жизнь путешествиям и исследованиям...»: две встречи с В. К. Арсеньевым / С. В. Сливко // Культура и наука Дальнего Востока. — 2022. — № 2 (33). — С. 37–40.
16. Старые авиакатастрофы Хабаровского края (ИЛ-12 1958, ИЛ-14 08-07-1962, ЛИ-2 11-08-1948, ТУ-154). — Текст : электронный // LIVEJOURNAL. — URL: <https://skyrail.livejournal.com/329600.html> (дата обращения: 08.10.2023).
17. Хабаровские офицеры ФСБ награждены посмертно. — Текст : электронный // PrimaMedia. — URL: <https://primamedia.ru/news/8067/> (дата обращения: 08.10.2023).

Фотографии предоставлены авторами.
Материал поступил в редакцию 09.11.2023.

Сведения об авторах:

Прудникова Ольга Александровна, студентка 5-го курса Высшей школы педагогики и истории Педагогического института Тихоокеанского государственного университета, председатель студенческого научного исторического общества Высшей школы педагогики и истории (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: yucca01@mail.ru.

Сливко Станислав Вадимович, кандидат исторических наук, доцент Высшей школы педагогики и истории Педагогического института Тихоокеанского государственного университета, руководитель Центра изучения событий Второй мировой войны и противодействия фальсификации истории ТОГУ (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: tov.slivko@mail.ru.

ФЛИЕР АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ПАРАДИГМЫ И ШКОЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются основные отечественные исследовательские парадигмы и научные школы, посвящённые общему анализу теории культуры и её параметров. Выявляются доминантные определения самой культуры, её значений и функций, объяснительные модели свойств культуры, присущие этим институциям, а также описывается общая значимость исследовательских парадигм и научных школ в процессах познания. Всего выявлено шесть исследовательских парадигм и десять научных школ, связанных с общей теорией культуры и её локальными интерпретациями.

Ключевые слова: культура, исследовательские парадигмы, научные школы, теория культуры, культурный продукт, деятельность, традиция, социальное поведение, конфликт, самоопределение, история культурологии, «прикладное» использование знаний о культуре, культура как история народов, смыслогенез.

Keywords: culture, research paradigms, scientific schools, cultural theory, cultural product, activity, tradition, social behaviour, conflict, self-determination, history of culturology, the “applied” use of cultural knowledge, culture as the history of peoples, semanticogenesis.

Исследования культуры с середины XX века получили широкое распространение по всему миру, и отечественная культурология является одной из национальных институций этого направления. Рассматриваемые в настоящей статье научные парадигмы и объяснительные модели имеют распространение во всей мировой науке о культуре. Однако данная статья посвящена описанию научных школ анализа теории культуры именно отечественной культурологии и не касается мировых тенденций. Иные направления культурологии (история культуры, прикладная культурология, культурная политика, культурологическая педагогика и др.) здесь не рассматриваются.

Часто используемые в статье понятия «научная школа» и «исследовательская парадигма» весьма условны. В узком смысле научной школой являются учитель и его ученики. Но упоминаемые здесь учёные в большинстве своём не являются учениками друг друга, хотя, как правило, лично хорошо знакомы, постоянно общаются и обмениваются мнениями по тому или иному научному поводу. Этому в большой мере посвящены научные конференции.

Теория культуры — это довольно сложная, противоречивая, но очень важная компонента современного научного знания. Ибо именно особенностями локальной культуры сейчас принято объяснять многие вопросы устройства и существования человеческого общества в разные периоды его истории [50]. Справедливо это или нет, покажет только время. Но, так или иначе, теория культуры является сейчас очень важной объяснительной составляющей в общественных науках.

Ситуация осложняется тем, что в современной науке ещё не преодолен широчайший разброс в интерпретации самого базового понятия «культура». Здесь расхождение в трактовках варьируется от максимально широкого понимания (как, например, у автора этой статьи [см.: 50], у которого культура — это *вся совокупность форм социальной жизни*) до максимально узкого (как, например, у Н. А. Хренова [см.: 52], который пишет слово «культура», но имеет в виду (контекстуально) преимущественно только искусство, в лучшем случае отражающее некоторые формы социальной жизни, и у него есть основания для такой локализации). Между этими крайностями располагается столько разных трактовок, сколько учёных и педагогов считают себя культурологами.

Исследователи теории культуры группируются здесь по следующим принципам: во-первых, учёные, объединённые единым пониманием сущности изучаемого предмета (теоретических оснований культуры), что понимается здесь как группа, ориентированная на одну *исследовательскую парадигму*, и, во-вторых, учёные, придерживающиеся единой объяснительной модели специфики предмета, что назва-

но здесь научной школой. В большинстве случаев такое единство взглядов связано с прямым или опосредованным влиянием учёных друг на друга (что позволяет называть такое единство *научной школой*), хотя в некоторых случаях, конечно, имеет место и случайное совпадение научных позиций разных исследователей.

Нельзя сказать, что вся культурология как отрасль науки покрыта сетью научных школ. Научные школы — это скорее исключения в общем организационном строе отрасли. И большинство учёных — членов той или иной научной школы (включая и идейных лидеров некоторых школ) — принадлежит к соответствующей школе лишь частью своего научного творчества, оставаясь в остальном независимыми исследователями. Ведь научная школа — это неформальное объединение. Это скорее союз единомышленников. И вполне естественно, что каждый участник такого союза входит в него лишь частью своих научных интересов, при свободном развитии остальных.

Какую роль играют исследовательские парадигмы и научные школы в современных познавательных процессах? По большому счёту они — лишь частные случаи познания того или иного предмета. Они выделяют лишь один аспект изучаемого предмета, условно оставляя за рамками анализа все иные аспекты. Всеобъемлющее знание о предмете возможно лишь при суммировании знаний всех исследовательских парадигм и научных школ.

Вместе с тем такое обуживание поля познания, которое характерно для исследовательских парадигм и научных школ, даёт возможность существенно углубить знание науки о выделенном аспекте предмета. Чем более узко поле исследований, тем глубже проникновение учёного в сущность предмета и тем выше вероятность открытия чего-то принципиально нового. Можно сказать, что научные школы — это разведывательные группы, проникающие вглубь расположения противника (изучаемого предмета, в данном случае — культуры) и добывающие ценную информацию, позволяющую дальше вести познание по всему фронту.

Важно понимать, что наука не работает вслепую. Как правило, учёный знает, что он ищет и где это следует искать. Здесь уже большую роль играют научная интуиция и наработанный опыт каждого учёного, развивающийся с годами. Так что важность исследовательских парадигм и научных школ в общем процессе познания культуры трудно переоценить. Основная масса научных открытий (или интеллектуальных прорывов, как в случае с изучением теории культуры) приходится именно на работу научных школ.

Соперничество между разными научными и философскими концепциями понимания культуры имеет место уже давно. Конечно, это сугубо внутринаучная проблема, непосредственно не влияющая на жизнь людей. Но доми-

нирование какой-либо концепции понимания культуры, так или иначе, влияет на культурную политику государства, а она уже определяет вектор и пути культурного развития общества. Соломоново решение тут в том, что требуется не выбор какой-то одной из соперничающих концепций, а суммирование основных положений всех их. Но это уже самостоятельная научная задача, которую никто не решает, ибо на это нет социального заказа, поскольку вся государственная культурная политика до сих пор не строится на каких-либо системных научных основаниях.

Здесь рассматриваются те исследовательские парадигмы теоретической культурологии, которые сейчас имеют наибольшее влияние на развитие отечественных наук о культуре и лежат в основе научных дискуссий среди культурологов, которые постоянно ведутся на страницах периодических изданий.

* * *

Первой отечественной исследовательской парадигмой анализа теории культуры, которая активно используется в культурологии, можно считать так называемую деятельностную парадигму, которую по наиболее известным её идеологам можно назвать парадигмой Кагана — Маркаряна. Суть этой парадигмы понимания сущности культуры заключается в интерпретации культуры как *продукта человеческой деятельности*, что основывается на книге М. С. Кагана «Человеческая деятельность» [18], трактующей культуру именно как продукт (результат) человеческой целенаправленной деятельности. Эта точка зрения является наиболее распространённой в отечественной культурологии и всей гуманитарной науке, и под её влиянием в своё время находились все учёные, даже те, кто со временем обратился к иному пониманию культуры. В рамках этой парадигмы можно выделить три научные школы.

Первая — это школа самого М. С. Кагана, трактующая функцию культуры как *удовлетворяющую социальные интересы и потребности человека* (в том числе интеллектуальные и эстетические). Определённое всего такая трактовка выражена в работах самого Кагана [17], в разработках по социологии культуры, например в учебных пособиях Л. Г. Ионина [15] и Э. А. Орловой [36], в исследованиях В. И. Ионесова о культурных смыслах повседневных вещей [14], в работах по теории художественной культуры, например, у Н. А. Хренова [52] и К. Э. Разлогова [43].

Другой научной школой деятельностной исследовательской парадигмы является вторая школа М. С. Кагана, сложившаяся уже под конец его жизни. Её можно назвать синергетической, поскольку она рассматривает историю культуры как *процесс её формальной и содержательной самоорганизации и саморазвития* и опирается на многие

положения естественнонаучной синергетики. Такой подход был изложен самим Каганом в его последней книге [16], а также в работах его последователей (например, О. Н. Астафьевой [1], В. В. Васильковой [5] и др.). Сейчас эту школу фактически возглавляет О. Н. Астафьева (и школу можно назвать именами Кагана — Астафьевой), успешно применяющая разные синергетические принципы для анализа научных оснований культурной политики [2; 3].

В своё время и автор этой статьи написал свою первую книгу «Культурогенез» и докторскую диссертацию «Структура и динамика культурогенетических процессов» [48; 49] именно под влиянием культурно-синергетических взглядов М. С. Кагана, применённых к анализу исторических начал культуры.

Третья школа — это школа основателя российской научной культурологии Э. С. Маркаряна, во многом разделявшего взгляды Кагана на сущность культуры. В понимании этой школы основным наиболее значимым свойством культуры является манифестация ею *национальной культурной традиции* какого-либо народа. Маркаряном даже был предложен термин «традициология», непонятно, как сочетаемый с культурологией. Эта трактовка явлена в трудах самого Маркаряна [31; 32], в работах культурного антрополога С. В. Лурье [28] и иных специалистов по традиции (например, И. Н. Полонской [40] и А. В. Захарова [10]), а также в многочисленных трудах по теории цивилизаций [9; 54; 42].

Вторую, принципиально иную, «поведенческую» исследовательскую парадигму можно назвать по именам её главных идеологов парадигмой Орловой — Флиера. Она постулирует понимание культуры как *совокупности стереотипов поведения и сознания человека*. Это основывается в большой мере на работе Дж. Мида «Разум, Я и общество (точка зрения социального бихевиориста)» [33], как, впрочем, и на всём «символическом интеракционизме» (хотя и Орлова, и Флиер в целом относятся скорее к структурно-функциональной методологии изучения общества и культуры, являются продолжателями взглядов Б. Малиновского и Т. Парсонса [7]). Здесь следует отметить принципиальное отличие деятельности от поведения, заключающееся в том, что деятельность производит какую-то социально востребованную продукцию, а поведение отражается преимущественно на межличностных отношениях, то есть является частью социальной коммуникации. Наша устная речь — это продукт деятельности или стереотип социального поведения? Эта парадигма в большей мере сосредоточена на анализе социальной обусловленности культуры и в меньшей — на её национальной, религиозной, художественной и прочей обусловленности. В рамках этой исследовательской парадигмы также можно выделить три научные школы.

Первая — это научная школа самой Э. А. Орловой, основанная на понимании основной функции этих стереотипов поведения и сознания, *предотвращающих или разрешающих социальные конфликты*. Это понимание нашло отражение как в работах самой Орловой [34; 35], так и в исследованиях Е. Н. Шапинской, посвящённых отношениям Я и Другого [53], статьях М. А. Полетаевой о стратегиях межкультурных взаимодействий [39] и некоторых иных.

Вторая научная школа в рамках этой исследовательской парадигмы — это школа ученика Э. А. Орловой А. Я. Флиера, трактующая совокупность стереотипов поведения и сознания как *инструмент самоопределения личности в социальном окружении*. Эта трактовка получила отражение в исследованиях по идентичности, например, И. В. Малыгиной [29] и Е. Э. Суровой [45], по социокультурным психологическим типам А. В. Костиной [26], по различным социальным ролям человека в обществе О. И. Горяиновой [6], а также в исследованиях самого Флиера по вопросам сопряжённости человека и культуры, ролей человека в «спектакле культуры» и символике социальной престижности [51; 46]. Это направление, пожалуй, сегодня является основным воплощением развития научной мысли в рамках поведенческой парадигмы исследований теории культуры.

И третья научная школа в рамках этой исследовательской парадигмы — это научная школа А. В. Костиной, которая акцентирует внимание на *социальной типологии культур* — народной, элитарной, массовой, — основывающейся на стереотипах поведения и сознания их адептов. В 2009 году Костина и Флиер написали совместную работу «Тернарная функциональная модель культуры» [24], в основание которой положены гипотеза А. В. Костиной о том, что создатели и потребители этих трёх культур различаются типами своей психологии, моделями социального поведения и осознанием собственной социальной роли, и гипотеза А. Я. Флиера о том, что эти три культуры концентрируют в себе три разных способа адаптации к внешним условиям существования и используют три разных языка трансляции социального опыта. Обе описанные гипотезы органично сошлись в совместном исследовании и показали перспективность этого направления. Среди работ этой школы прежде всего значимы работы самой А. В. Костиной [25] и некоторых её единомышленников [23; 24].

Третья науковедческая парадигма исследований и одновременно научная школа теории культуры — школа С. Н. Иконниковой, которая специфична повышенным вниманием к *истории культурологической науки и биографиям самих культурологов* [12; 13]. Хотя здесь основной акцент делается не на самой культуре, а на методологии её исследования, это можно трактовать и как самостоятельное направление культурологии, несомненно, относящееся

к общей теории культуры, поскольку рассматривает сам процесс становления научного знания о культуре.

Четвёртая исследовательская парадигма — прикладная, которую также можно считать отдельной научной школой, — школа И. М. Быховской, представляющая собой также самостоятельное направление культурологии, стремящееся обозначить *точки применения фундаментального научного знания о культуре в практической, прикладной культурной работе*. Этот подход получил отражение как в трудах самой Быховской [4; 41], так и в работах её единомышленников. Здесь тоже предметом исследования является не сама культура, а способы её применения в социальной практике, что тоже очень актуально в современных условиях. Этим косвенным касанием культуры школы Иконниковой и Быховской отличаются от школ Кагана и Орловой и их последователей, сосредоточенных именно на самой культуре и её органических свойствах.

Пятая исследовательская парадигма — историческая — также одновременно является научной школой И. В. Кондакова и акцентирована на понимании специфики культуры, формируемой *историей тех народов, которым данные локальные культуры принадлежат*. Здесь уже мы видим возвращение к культуре как таковой и динамике её формирования. Подобной направленности исследований придерживается множество учёных — историков культуры — в описании различных культур, но теоретическое изложение проблемы принадлежит именно Кондакову [20; 22]. Следует сказать, что и ряд апологетов теории цивилизации в объёмных разделах своих исследований явно тяготеют к этой исторической парадигме анализа теории культуры и взглядам И. В. Кондакова. В соответствии с положениями данной научной школы и автор этой статьи написал в своё время немало научных работ, рассматривающих эволюцию форм решения какой-либо социальной проблемы (потребности) в последовательности разных эпох истории и под влиянием их условий [47].

И, наконец, шестая исследовательская парадигма — когнитивная — связана с научным творчеством А. А. Пелипенко, которое тоже можно определить как сложившуюся авторскую научную школу. Здесь культура рассматривается как *система порождения социальных смыслов человеческого бытия*. Этот сложный подход, являющийся собственно внутрикультурным и отражающим, возможно, самую важную функцию культуры, наиболее полно отражён в трудах самого А. А. Пелипенко [37; 38] и некоторых его последователей. Здесь уже культурные формы выступают не символами, различающими продукты человеческой деятельности между собой (как у Кагана и Маркаряна), не набором норм, регулирующих поведение и взаимодействие людей между собой (как у Орловой и Флиера) и не продуктом истории тех или

иных народов (как у Кондакова), а отражением социальных смыслов различных аспектов человеческого бытия. Это представляется новым качественным уровнем понимания культуры, предвидением культурологии завтрашнего дня.

К самостоятельным парадигмам исследования теории культуры можно отнести и такие направления наук о культуре, как семиотическая теория культуры: это работы Ю. М. Лотмана [26], В. В. Иванова и В. Н. Топорова [11] и других, и информационная теория культуры: это работы В. И. Грачёва [8], К. К. Колина и А. Д. Урсула [19], однако их рассмотрение мы оставим для более компетентных специалистов в этих сферах знания.

Особый случай представляют труды философов культуры: В. С. Стёпина, В. М. Межуева, П. С. Гуревича, В. М. Розина, С. С. Неретиной, Г. В. Драча, Б. В. Маркова и других. Их взгляды, несомненно, относятся к теории культуры, но вписать их в выстроенную схему исследовательских парадигм и научных школ совсем не просто. Дело в том, что философы рассматривают культуру не столько как самодостаточное явление, сколько в более широком мировоззренческом контексте, и их взгляды далеко не всегда совпадают со взглядами учёных-предметников. Поэтому я не рискну вписывать взгляды философов в предлагаемую схему исследовательских парадигм и научных школ, а оставляю решение этой задачи самим философам.

Ещё раз повторю, что принадлежность учёного к той или иной научной школе вовсе не исчерпывает тематику его научного творчества, а является лишь его частью. Но, как правило, это наиважнейшая часть научных трудов этого учёного, с которой связаны его наибольшие профессиональные достижения.

Интересно, что ряд апологетов и даже лидеров некоторых рассмотренных выше научных школ, расходясь в оценках по одним вопросам, совпадают в своих взглядах на культуру в других. Очень показателен пример совпадения взглядов А. Я. Флиера и И. В. Кондакова на «биологическое» происхождение культуры, эволюционировавшей из социального поведения животных [50; 21]. При этом Э. С. Маркарян и В. С. Стёпин занимают в данном вопросе диаметрально

противоположную позицию, определяя культуру как «над-биологическую программу» [30; 44].

Естественно, что разное понимание сущности культуры корифеями разных научных школ ведёт и к разному объяснению, например, своеобразия форм той или иной локальной культуры. Скажем, если Маркарян считал это своеобразие результатом естественного развития потенциалов, заложенных в каждую локальную культуру при её генезисе, то Кондаков видит в ней системную композицию разных форм, обретенных / порождённых данной культурой в ходе её истории, а Флиер считает, что это ситуативное и хаотичное смешение автохтонных и заимствованных форм, возможно, в какой-то мере и идеологически актуальное для их современников, зато потомками произвольно мифологизированное и абсолютизированное как главная черта своеобразия культуры данного народа.

Вместе с тем далеко не все видные учёные-культурологи являются апологетами каких-либо исследовательских парадигм и научных школ. Такие корифеи культурологии, как Г. А. Аванесова, Н. Г. Багдасарьян, Г. И. Зверева, Н. Б. Кириллова, Н. П. Копцева, Л. К. Круглова, Т. Ф. Кузнецова, В. А. Луков, Н. А. Хренов, И. Г. Яковенко и другие, не принадлежат к каким-то явным исследовательским парадигмам и научным школам. Правда, в списках их исследований работы по теории культуры занимают далеко не ведущее место (а часто таковых просто нет); вопросов общей теории культуры они касаются мельком, и им нет нужды участвовать в дискуссиях теоретиков. При необходимости они обращаются к той или иной теоретической парадигме, но в разных случаях к разным. Впрочем, и большинство из перечисленных выше апологетов тех или иных научных школ в текстах, непосредственно не касающихся предметов их исследований, обычно проявляют абсолютную толерантность к иным научным парадигмам познания. И это правильно. Объёмное представление о культуре складывается из знания всех школ, что является прерогативой скорее философов культуры, чем культурологов-предметников. Как и на войне. Не всем же ходить в разведку. Кто-то должен и фронт держать...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Астафьева, О. Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы / О. Н. Астафьева. — Москва : Изд-во Моск. гос. ин-та делового администрирования, 2002. — 295 с.
2. Астафьева, О. Н. Стратегия устойчивого развития в культурной политике российских регионов / О. Н. Астафьева // Мир русскоговорящих стран. — 2019. — № 1 (1). — С. 43–51.
3. Астафьева, О. Н. Теория самоорганизации как концептуальное основание культурной политики: проблемы теоретической культурологии / О. Н. Астафьева // Вопросы культурологии. — 2006. — № 12. — С. 18–27.
4. Быховская, И. М. Прикладная культурология: потенциальное vs актуальное / И. М. Быховская // Обсерватория культуры. — 2011. — № 4. — С. 4–12.
5. Василькова, В. В. Синергетика и архетипические коды социальной самоорганизации / В. В. Василькова // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. — Москва, 2002. — С. 247–262.
6. Горяинова, О. И. Диалектика социализации: миф и культурный сценарий / О. И. Горяинова // Власть. — 2013. — Т. 21, № 1. — С. 72–75.
7. Горяинова, О. И. Структурный функционализм / О. И. Горяи-

- нова // Прикладная культурология : энциклопедия / под ред. И. М. Быховской. — Москва, 2019. — С. 98–108.
8. Грачёв, В. И. Коммуникации — ценности — культура : (опыт информ.-аксиологического анализа) / В. И. Грачёв. — Санкт-Петербург : Астерион, 2006. — 247 с.
 9. Ерасов, Б. С. Цивилизации : Универсалии и самобытность / Б. С. Ерасов ; Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — Москва : Наука, 2002. — 522 с.
 10. Захаров, А. В. Традиционная культура в современном обществе / А. В. Захаров // Социол. исслед. — 2004. — № 7. — С. 105–115.
 11. Иванов, В. В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы : (древний период) / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения. — Москва : Наука, 1965. — 245 с.
 12. Иконникова, С. Н. Биографика как часть исторической культурологии / С. Н. Иконников // Вестн. С.-Петерб. института культуры. — 2012. — № 2. — С. 6–10.
 13. Иконникова, С. Н. Контуры и перспективы исторической культурологии / С. Н. Иконников // Вестн. С.-Петерб. института культуры. — 2012. — № 1. — С. 6–14.
 14. Ионесов, В. И. Вещи в пространстве культуры: предметы, меняющие мир / В. И. Ионесов // Креативная экономика и социальные инновации. — 2012. — № 2 (3). — С. 75–94.
 15. Ионин, Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие / Л. Г. Ионин. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Логос, 2000. — 430, [1] с.
 16. Каган, М. С. Введение в историю мировой культуры : в 2 т. / М. С. Каган. — Санкт-Петербург : Петрополис, 2003.
 17. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. — Санкт-Петербург : Петрополис, 1996. — 414 с.
 18. Каган, М. С. Человеческая деятельность : (опыт системного анализа). — Москва : Политиздат, 1974. — 328 с.
 19. Колин, К. К. Информация и культура : введение в информационную культурологию / К. К. Колин, А. Д. Урсул. — Москва : Стратегич. приоритеты, 2015. — 299 с.
 20. Кондаков, И. В. К современной философии истории / И. В. Кондаков // Вестн. РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. — 2017. — № 4–2. — С. 221–240.
 21. Кондаков, И. В. Культурогенез «до» культурогенеза (от алмаза к «кошачьей музыке») // Культурология: имя собственное : [сб. ст.] : (к 70-летию Андрея Яковлевича Флиера). — Москва, 2021. — С. 44–65.
 22. Кондаков, И. В. Культурология: история культуры России : курс лекций / И. В. Кондаков. — Москва : Омега-Л : Высш. шк., 2003. — 615 с.
 23. Костина, А. В. Массовая культура как типичная культурная форма эпохи постмодернизма / А. В. Костина, А. Р. Кожаринова // Высшее образование для XXI века : материалы IX Междунар. науч. конф. — Москва, 2012. — С. 50–64.
 24. Костина, А. В. Тернарная функциональная модель культуры / А. В. Костина, Ф. Я. Флиер // Костина А. В. Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса / А. В. Костина, Ф. Я. Флиер. — Москва, 2010. — С. 15–130.
 25. Костина, А. В. Традиционная, элитарная и массовая культура: условия возникновения и особенности функционирования в условиях современности / А. В. Костина // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. — 2011. — № 2 (26). — С. 39–45.
 26. Костина, А. В. Три типа культуры — три функциональные стратегии жизнедеятельности / А. В. Костина, Ф. Я. Флиер // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. — 2009. — № 2 (18). — С. 23–36.
 27. Лотман, Ю. М. Смиосфера / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. — 704 с.
 28. Лурье, С. В. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применение к анализу исторического и этнографического материала / С. В. Лурье. Санкт-Петербург : Тип. им. Котлякова, 1994. — 286 с.
 29. Малыгина, И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии / И. В. Малыгина. — Москва : Согласие, 2018. — 240 с.
 30. Маркарян, Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / Э. С. Маркарян. — Москва [и др.] : Центр гуманитар. инициатив, 2014. — 655 с.
 31. Маркарян, Э. С. Очерки теории культуры / Э. С. Маркарян. — Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1969. — 227 с.
 32. Маркарян, Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции / Э. С. Маркарян // Совет. этнография. — 1982. — № 2. — С. 78–96.
 33. Мид, Дж. Г. Разум, Я и общество / Дж. Г. Разум // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология : реферат. информ.-аналит. журн. — 1997. — № 4. — С. 162–195.
 34. Орлова, Э. А. Адаптационные возможности социального взаимодействия / Э. А. Орлова // Вопр. соц. теории. — 2017. — Т. 9. — С. 151–175.
 35. Орлова, Э. А. Концепция социального взаимодействия в контексте изучения социокультурной микродинамики / Э. А. Орлова // Обсерватория культуры. — 2014. — № 6. — С. 4–16.
 36. Орлова, Э. А. Социология культуры / Э. А. Орлова. — Киров : Константа ; Москва : Акад. проект, 2012. — 574 с.
 37. Пелипенко, А. А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории : учеб. пособие / А. А. Пелипенко. — Москва : МГУКИ, 2010. — 347 с.
 38. Пелипенко, А. А. Постижение культуры : в 2-х ч. Ч. 1. Культура и смысл / А. А. Пелипенко. — Москва : РОССПЭН, 2012. — 607 с.
 39. Полетаева, М. А. Эволюция представлений о «чужом» / М. А. Полетаева. — Текст : электронный // Культура культуры. — 2020. — № 2. — URL: <http://cult-cult.ru/evolution-of-ideas-about-the-alien/> (дата обращения: 13.10. 2021).
 40. Полонская, И. Н. Традиция: от сакральных оснований к современности / И. Н. Полонская. — Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. гос. ун-та, 2006. — 272 с.
 41. Прикладная культурология : энциклопедия / под ред. И. М. Быховской. — Москва : Согласие, 2019. — 846 с.
 42. Прокофьева, Г. П. Становление категории «Цивилизация» как универсальной единицы анализа исторического процесса : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Г. П. Прокофьева ; Дальневост. гос. ун-т путей сообщ. — Хабаровск, 2001. — 141 с.
 43. Разлогов, К. Э. Художественный процесс и потребность человека в искусстве / К. Э. Разлогов // Вопр. философии. — 1986. — № 8. — С. 84–93.
 44. Стёпин, В. С. Культура / В. С. Стёпин // Вопр. философии. — 1999. — № 8. — С. 61–71.
 45. Сурова, Е. Э. Глобальная эпоха: полифония идентичности / Е. Э. Сурова ; Центр изучения культуры. — Санкт-Петербург : Осипов, 2005. — 347 с.
 46. Флиер, А. Я. Две роли человека в «спектакле культуры» // Знание. Понимание. Умение. — 2017. — № 1. — С. 123–131.
 47. Флиер, А. Я. Добро и зло в культурно-историческом понимании / А. Я. Флиер. — Текст : электронный // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманитар. портал. — 2015. — № 3. — URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Flier_Good-Evil/ (дата обращения: 16.09.2020).
 48. Флиер, А. Я. Культурогенез / А. Я. Флиер. — Москва : РИК, 1995. — 128 с.
 49. Флиер, А. Я. Структура и динамика процессов культурогенеза : автореф. дис. ... докт. филос. наук : 17.00.08 / А. Я. Флиер ; Российский ин-т культурологии. — Москва, 1995. — 42 с.
 50. Флиер, А. Я. Философские пролегомены к нормативной теории культуры / А. Я. Флиер. — Текст : электронный // Культура культуры. — 2019. — № 1. — URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical->

- prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/* (дата обращения: 18.06.2020).
51. Флиер, А. Я. Человек и культура: параметры сопряжённости / А. Я. Флиер. — Текст : электронный // Культура культуры. — 2015. — № 2. — URL: <http://cult-cult.ru/human-and-culture-factors-of-congruence/> (дата обращения: 18.08.2020).
52. Хренов, Н. А. Искусство в исторической динамике культуры / Н. А. Хренов. — Москва : Согласие, 2014. — 747 с.
53. Шапинская, Е. Н. Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации / Е. Н. Шапинская // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 3. — С. 51–56.
54. Яковец, Ю. В. История цивилизаций / Ю. В. Яковец. — Москва : ВлаДар, 1995. — 461 с.

Материал поступил в редакцию 09.08.2023.

Сведения об авторе: Флиер Андрей Яковлевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, профессор Московского государственного лингвистического университета (г. Москва).

Контактные данные: e-mail: andrey.flier@yandex.ru.

ЛАЗАРЕВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА

ПРОЕКТ «ПИШУЩИЕ ЛЮДИ» — ШКОЛА ЛИТЕРАТУРНОГО МАСТЕРСТВА ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

В статье рассматривается опыт работы АНО «Лаборатория идей» в области повышения писательского и журналистского мастерства жителей Хабаровского края. Содержится описание нового проекта АНО «Лаборатория идей» «Пишущие люди», цель которого — создание условий для раскрытия писательских и журналистских навыков среди пишущих жителей Хабаровского края.

Ключевые слова: АНО «Лаборатория идей», Дальневосточная государственная научная библиотека, писательское мастерство, журналистское мастерство, литературная грамотность.

Keywords: autonomous non-profit organization “Laboratory of Ideas”, Far Eastern State Scientific Library, writing skill, journalistic skill, literary literacy.

Исландцы говорят, что если в вашей жизни есть смысл, то в ней должны быть и книги. Чтобы доказать истинность этого утверждения, все исландцы пишут. Некоторые из них становятся профессиональными писателями, а вообще писательство — это национальное развлечение.

Ричард Сейл. Эти странные исландцы

Если вам нравится выражать свои эмоции и чувства на бумаге, не сдерживайте себя. Писательский труд — это очень увлекательное, интеллектуальное занятие. Писательство расширяет кругозор, развивает образное мышление, воображение и творческие силы личности. Это великолепный повод «не позволять душе лениться» и стимулировать постоянную работу мозга. А ему, как и мышцам, нужны регулярные тренировки — хотя бы написание рассказов, статей и постов. Наконец, это самый увлекательный способ занять свободное время. Поэтому с каждым годом «пишущих людей» становится всё больше.

Но для начинающего писателя мало одной способности чутко наблюдать за миром и удивляться его красоте. Сколько раз многострадальным редакторам больших и малых издательств доводилось слышать: «У меня гениальная идея! Зачем учиться писательскому мастерству? Хватит замысла, остальное сложится само собой!» В некоторых случаях идеи действительно были интересными, необычными и многообещающими. Но, увы! Дальше сайтов для начинающих графоманов у большинства обладателей новых сюжетов дело так и не пошло.

Откуда такая уверенность, что писательский труд — лёгкое и простое занятие, в котором буквально каждый может достичь популярности и успеха? Распространение Интернета и гаджетов всё больше обесценивает профессиональные качества писателей и журналистов. В современном информационном пространстве правят бал «самоуверенные самоучки», блогеры с клиповым мышлением, скудным словарным запасом, плохим и часто безграмотным языком. Подражая своим кумирам, молодёжь не только обедняет коммуникацию, но отказывается от богатейшего языкового наследия русского народа. Поколение ЕГЭ сильно в заполнении тестов, но не в написании сочинений. Поэтому нехватка писательского мастерства — реальная проблема сегодняшнего дня.

Посмотрите на биографии известных, значимых современных писателей. Большинство имеют профильное образование. Они окончили литинститут, филфаки и журфаки университетов, сценарный факультет ВГИКа, работали в газетах. Значит писательский талант необходимо развивать, а технике художественного слова необходимо учиться.

В октябре 2022 года на площадке Дальневосточной государственной научной библиотеки работала «Школа писа-

тельского мастерства». Это мероприятие стало возможным благодаря победе АНО «Лаборатория идей» в конкурсном отборе на предоставление субсидий из краевого бюджета социально ориентированным некоммерческим организациям на предоставление услуг в сфере культуры в 2022 году, проводимом министерством культуры Хабаровского края. Посетителями школы были люди разных профессий и возрастов, но всех их объединяло одно — тяга к творчеству писателя. Кто-то из них только делал первые шаги на этом пути, а кто-то уже имел в багаже публикации в сетевых СМИ, на различных интернет-площадках и даже в журнале «Дальний Восток». Сотрудниками АНО был проведён опрос представителей различных неформальных литературных объединений и просто «пишущих людей» из Хабаровска и муниципальных образований. Все они обозначили одну проблему: отсутствие условий для развития писательских навыков на своих территориях. Поэтому с ноября 2023 года АНО «Лаборатория идей» в сотрудничестве с Дальневосточной государственной научной библиотекой запускают новый проект «Пишущие люди», который призван помочь всем желающим развить свои литературные навыки в искусстве владения словом. Проект стал победителем конкурса субсидий из краевого бюджета социально ориентированным некоммерческим организациям Хабаровского края 2023 года и будет реализован с использованием финансовой поддержки комитета по внутренней политике правительства Хабаровского края.

Профессии писателя или журналиста учиться сложно. Не каждый может позволить себе пройти платные творческие курсы через Интернет, тем более жители удалённых северных районов Хабаровского края. Поэтому писатели и журналисты поедут к ним! В рамках проекта «Пишущие люди» командой дальневосточных писателей и журналистов будут осуществлены поездки по восьми муниципальным районам края и проведены творческие встречи и бесплатные мастер-классы. Это поможет раскрыть потенциал пишущих людей, будет способствовать формированию литературной грамотности, повышению культурного уровня и оттачивания навыков писательского и журналистского мастерства. А молодое поколение, стоящее перед выбором профессиональной деятельности, улучшит навыки грамотного изложения своих мыслей устно и письменно.

Цель проекта — создание условий для раскрытия писательских и журналистских навыков среди пишущих жителей Хабаровского края, начиная с 14 лет. Как правило, в этом возрасте молодёжь впервые пробует перо. «Учить слову» юных и взрослых участников проекта будут самые видные деятели культуры, которые в своих книгах призывают уважать человека, беречь природу, видеть её красоту. В рамках творческих встреч у пишущих людей будет возможность не

только пообщаться с представителями творческих профессий, но и в формате мастерских перенять писательский опыт, поделиться своим опытом и достижениями, повысить писательский уровень. Всего командой проекта запланировано 15 комплексных культурно-просветительных мероприятий, в которых примут участие не менее 570 человек. Творческие встречи и мастерские будут проведены на культурных площадках в Хабаровске и удалённых северных районах Хабаровского края. Например, в Хабаровске, на площадке Дальневосточной государственной научной библиотеки, будет работать «Школа писательского мастерства» (оффлайн- и онлайнформаты), которая позволит выявить писательские таланты среди населения города и края.

После завершения проекта планируются подготовка и выпуск электронного альманаха «Пишущие люди» с лучшими произведениями участников проекта, который будет представлен в открытом доступе на сайте Дальневосточной государственной научной библиотеки.

Когда-то Антуан де Сент-Экзюпери мудро заметил: «Самая большая роскошь — это роскошь человеческого общения». Надеемся, участники проекта поймут, что общение с человеком талантливым — двойная роскошь. Главное — сказать ему спасибо за природное дарование, за умение делиться своим талантом бескорыстно, за то, что он живёт на свете и творит добро.

Материал поступил в редакцию 09.11.2023.

Сведения об авторе: Лазарева Татьяна Сергеевна, главный библиотекарь Дальневосточной государственной научной библиотеки, участник команды проекта «Пишущие люди» (г. Хабаровск).

ДАНИЛОВА ЛАРИСА ЮРЬЕВНА,
ФИЛАТКИНА ИРИНА ВИКТОРОВНА

«Н. И. ГРОДЕКОВ. СЛЕД В ИСТОРИИ»: ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА

Статья содержит информацию о проекте «Н. И. Гродеков. След в истории», реализуемом при поддержке Президентского фонда культурных инициатив и направленном на освещение ярких и славных страниц отечественной истории, культуры и современности.

Ключевые слова: Н. И. Гродеков, генерал-губернатор Приамурского края, Президентский фонд культурных инициатив, АНО «Лаборатория идей», Дальневосточная государственная научная библиотека.

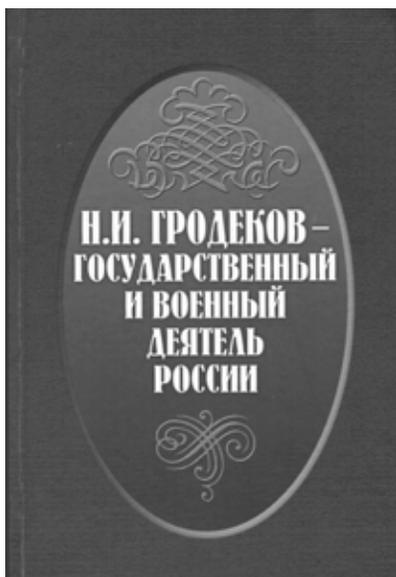
Keywords: N. I. Grodekov, Priamursky Governor-General, Presidential Foundation for Cultural Initiatives, autonomous non-profit organization "Laboratory of Ideas", Far Eastern State Scientific Library.

Проект АНО «Лаборатория идей» «Н. И. Гродеков. След в истории» вошёл в число победителей первого конкурса 2023 года Президентского фонда культурных инициатив. Выбор героя для этого проекта был неслучаен. В сентябре 2023 года исполнилось 180 лет со дня рождения Николая Ивановича Гродекова (1843–1913 гг.), выдающегося государственного и военного деятеля, этнографа и писателя, благотворителя, активного участника важнейших военных событий и освоения новых российских территорий в Средней Азии и на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX века, оставившего заметный след в истории России.

С 1893 по 1902 год Н. И. Гродеков служил в Приамурье, где сначала исполнял обязанности помощника приамурского

Николай Иванович Гродеков.
Ташкент, 1887 год.

Книга Н. И. Дубининой
«Н. И. Гродеков — государственный
и военный деятель России».

генерал-губернатора и командующего войсками Приамурского военного округа, а затем стал генерал-губернатором, сменив на посту С. М. Духовского. Всего восемь лет его деятельность была связана с Дальним Востоком, но результаты её сказывались ещё долгие годы, а некоторыми мы пользуемся до сих пор.

Творческая концепция проекта заключалась в создании информационных материалов о Н. И. Гродекове для специалистов, занятых в сфере историко-патриотического воспитания молодёжи.

Проект отличают мультимедийность представления материала о Н. И. Гродекове и выбор различных каналов коммуникации с целевой аудиторией для её максимально широкого охвата. Другая особенность состоит в том, что команда осознанно обратилась в первую очередь к специалистам

в сфере воспитания молодёжи, руководителям чтения: учителям, преподавателям, библиотекарям, таким образом увеличив круг охвата молодёжи, обеспечив достижение мультипликативного эффекта. Ведь каждый специалист будет использовать полученную информацию в своей деятельности на протяжении периода, продолжительность которого значительно превышает время работы по проекту.

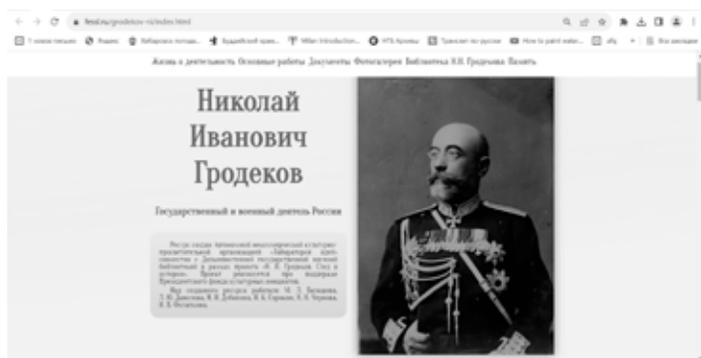
В рамках проекта была издана книга Н. И. Дубининой, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, почётного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, «Н. И. Гродеков — государственный и военный деятель России». Это документально-историческое повествование, в котором жизнь и деятельность Николая Ивановича Гродекова представлены в контексте важнейших исторических событий конца XIX – начала XX века. Автор рассказывает о вкладе Н. И. Гродекова как военного деятеля в обеспечение национального суверенитета и безопасности России и его роли главного гражданского администратора в организации экономической, социальной и культурной жизни в Средней Азии и на российском Дальнем Востоке. Н. И. Дубинина опирается на богатую источниковедческую базу, включающую документы и материалы центральных и государственных региональных архивов, труды Н. И. Гродекова, воспоминания современников, материалы периодической печати и т. п.

Издателями книги выступили АНО «Лаборатория идей» и Дальневосточная государственная научная библиотека. Книга отпечатана в Хабаровской краевой типографии тиражом 1 000 экземпляров, который был безвозмездно передан участникам мероприятий, разослан в общедоступные библиотеки и учреждения образования, музеи и архивы Дальнего Востока.

На XXIV Дальневосточной книжной выставке-ярмарке «Печатный двор» (г. Владивосток) книга получила диплом конкурса изданий и полиграфической продукции «Лучшее краеведческое издание» в номинации «Тематическое краеведение».

В книге использованы технологии дополненной реальности, которые позволяют значительно повысить её информативность, адресуют читателя к материалам одноимённого информационного электронного ресурса, размещённого на сайте Дальневосточной государственной научной библиотеки (<https://fessl.ru/grodekov-ni/>).

В сетевом информационном ресурсе представлены текстовые, видео- и фотоматериалы, посвящённые жизни и деятельности Н. И. Гродекова, многие из которых ранее не публиковались. Главная ценность ресурса — это труды Н. И. Гродекова: его книги и публикации, служебные документы, подготовленные им, при его участии или по его рас-

Главная страница электронного ресурса «Н. И. Гродеков — государственный и военный деятель России».

поряжению, письма. Цифровые копии книг Н. И. Гродекова «Через Афганистан» (1879 г.), «Хивинский поход 1873 года» (1883 г.), «Война в Туркмении» в 4-х томах (1884 г.), «Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области» (1889 г.), ставших библиографической редкостью, предоставила Российская государственная библиотека (г. Москва). Скан-копии архивных документов получены из Государственного архива Хабаровского края (г. Хабаровск), Российского государственного исторического архива (г. Москва), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (г. Владивосток). Дальневосточная государственная научная библиотека предоставила информацию о библиотеке Н. И. Гродекова, которая сейчас хранится в редком фонде, публикации из газеты «Приамурские ведомости» рубежа XIX–XX веков, цифровые копии фотографий и фотоальбомов. На страницах ресурса можно найти также фотопортреты Н. И. Гродекова из электронных коллекций фотодокументов Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург), Национальной библиотеки Франции, Нью-Йоркской публичной библиотеки.

Ресурс включает шесть основных разделов: «Жизнь и деятельность», «Основные работы», «Документы», «Фотогалерея», «Библиотека Н. И. Гродекова», «Память». Навигация по ресурсу возможна путём прокрутки главной страницы и раскрывающихся списков верхнего меню. В разделе «Жизнь и деятельность» представлены основные даты жизни, в подготовке которых принимала участие Н. И. Дубинина. Некоторые даты снабжены ссылками на источники, размещённые в ресурсе: труды Н. И. Гродекова, газетную хронику, архивные документы. В раздел включены материалы о Н. И. Гродекове: книга Н. И. Дубининой, статья из «Военной энциклопедии» (1912 г.), воспоминания сослуживцев В. Мустафина («Исторический вестник», 1913 г.) и В. К. Арсеньева («Приамурье», 1913 г.), цикл статей о путешествии Н. И. Гродекова по странам Дальнего Востока в 1896–1897 годах («Приамурские ведомости», 1897 г.). В разделе выделены рубрики «Газетная хроника»

с публикациями из газеты «Приамурские ведомости» конца XIX – начала XX века и «Библиография» со сведениями о трудах и публикациях Н. И. Гродекова, книгах и статьях о его жизни и деятельности.

Значительный интерес представляют материалы раздела «Документы». «Всеподданнейшие отчёты приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Н. И. Гродекова» дают объёмное представление об экономической, социальной и культурной ситуации в Приамурье в 1901–1902 годы. В рубрике «Документы служебной деятельности» представлены выдержки из «Дела о службе члена Государственного совета Николая Ивановича Гродекова», материалы о ревизии Сахалинской каторги, регламенты природопользования в Приамурском крае: «Правила отпуска, рубки и сплава леса в Приамурском крае» (1899 г.), «Правила о лесах защитных в Приамурском крае» (1899 г.), «Временные правила для производства морских промыслов в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства» (1899 г.), «Временные правила для производства морского рыбного промысла в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства» (1901 г.). Рубрика «Письма» содержит письма, адресатом или адресантом которых является Н. И. Гродеков. В частности, можно познакомиться с письмами М. Д. Скобелева, С. М. Духовского, Ф. М. Дубасова, А. В. Верещагина, М. И. Венюкова. Письма снабжены информацией об упоминаемых лицах, в том числе со ссылками на внешние ресурсы.

В разделе «Фотогалерея» помещены фотографии Н. И. Гродекова и фотоальбомы «Хивинский поход 1873 г.», «Приморская область. 1896–1897 гг.», «Амурско-приморская сельскохозяйственная и промышленная выставка. 1899», «Амурская колёсная дорога».

На протяжении всей своей жизни Н. И. Гродеков занимался собиранием книг. Они помогали ему и в исследовательской, и в административной деятельности. Покидая пост приамурского генерал-губернатора, он пожертвовал книги, имевшиеся у него в Хабаровске, Николаевской публичной библиотеке, правопреемницей которой является Дальневосточная государственная научная библиотека. Информация об этих книгах содержится в разделе «Библиотека Н. И. Гродекова».

В разделе «Память» собрана информация об увековечивании памяти о Н. И. Гродекове инициативной группы во главе с А. В. Абрамовым, бывшим офицером-пограничником, служившим в Гродековском погранотряде. Здесь же упоминаются географические и иные объекты, названные его именем, в первую очередь Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова, его любимое создание, получившее право именоваться Гродековским в 1902 году.

Презентация книги и цифрового ресурса в Дальневосточной государственной научной библиотеке. Хабаровск, 14 сентября 2023 года.

В рамках реализации проекта был проведён цикл информационно-просветительских мероприятий, целью которых стало продвижение и популяризация созданных информационных продуктов.

Первая презентация книги и цифрового ресурса состоялась на площадке главного партнёра проекта — Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск). Мероприятие посетили 90 человек: представители учреждений культуры и архивного дела, преподаватели и студенты Хабаровского государственного института культуры, Педагогического института Тихоокеанского государственного университета, Дальневосточного государственного университета путей сообщения, Дальневосточного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Подобные мероприятия прошли ещё на двух площадках Хабаровска: в Центре патриотического воспитания и Военно-историческом музее Восточного военного округа.

В день рождения Н. И. Гродекова, 22 сентября, в Информационном историко-научном центре — Военной исторической библиотеке Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации (г. Санкт-Петербург), была проведена презентация книги с участием автора — Н. И. Дубининой. На мероприятии присутствовали сотрудники Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба

Российской Федерации, Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, Российской национальной библиотеки, высших учебных заведений и учреждений архивного дела Санкт-Петербурга и Хабаровска, представители инициативной группы по увековечиванию памяти Н. И. Гродекова.

Просветительские мероприятия, посвящённые 180-летию со дня рождения Н. И. Гродекова, были проведены во всех городских округах и муниципальных районах Хабаровского края, в Благовещенске и Биробиджане.

Центральная районная библиотека администрации Бикинского муниципального района Хабаровского края. Бикин, 27 сентября 2023 года.

Средняя общеобразовательная школа села имени Полины Осипенко, 23 октября 2023 года.

Дом культуры посёлка Молодёжный Комсомольского муниципального района, 6 октября 2023 года.

Проект завершается в 2023 году. Созданный в результате его реализации электронный ресурс размещён на сайте главного партнёра проекта — Дальневосточной государственной научной библиотеки. Печатная книга поступила в фонды общедоступных библиотек и библиотек

системы образования. Планируется отправить методические материалы, подготовленные в помощь организаторам информационно-просветительских мероприятий о Н. И. Гродекове, в библиотеки Амурской и Еврейской автономной областей.

Центральная модельная библиотека посёлка Чегдомын, 18 октября 2023 года.

Фотографии предоставлены авторами и библиотеками — участниками проекта.
Материал поступил в редакцию 13.11.2023.

Сведения об авторах:

Данилова Лариса Юрьевна, заведующий научно-исследовательским отделом Дальневосточной государственной научной библиотеки, кандидат педагогических наук (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: danilova-larisa@mail.ru; тел. (4212) 31-47-33.

Филаткина Ирина Викторовна, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской и научно-методической работы Дальневосточной государственной научной библиотеки, руководитель АНО «Лаборатория идей», кандидат филологических наук (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: ivfilat@mail.ru; тел. (4212) 31-47-33.

ГРЕБЕНЮКОВА НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА

«СТАХАНОВЦЫ ВТОРЫХ ПУТЕЙ»: ТВОРЧЕСТВО БАМЛАГОВЦЕВ (по материалам из фондового собрания Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова)

В статье рассказывается о творчестве и судьбах заключённых БАМлага по материалам их книг середины 1930-х годов из фондового собрания Гродековского музея (г. Хабаровск).

Ключевые слова: БАМлаг, БАМ, лагерь, заключённые, ГУЛАГ, НКВД, чекисты, вторые пути, стахановцы, фаланга, поэты, А. А. Альвинг, Е. Г. Геркен, Г. И. Анфилов, С. М. Кремков, Н. А. Заболоцкий, В. Н. Ажаев, Г. Г. Воловик, «Путеармейцы».

Keywords: Baikal Amur Corrective Labor Camp (Bamlag), Baikal–Amur Mainline, prisoner, Gulag, NKVD, chekist, second ways, stakhanovites, phalanx, poets, A. A. Alving, E. G. Gerken, G. I. Anfilov, S. M. Kremkov, N. A. Zabolotskii, V. N. Azhaev, G. G. Volovik, "Putearmeytsy".

Фондовое собрание Гродековского музея располагает редчайшими книгами, изданными в середине 1930-х годов в г. Свободном, в БАМлаге. Все книги, имеющие гриф «Не подлежит распространению за пределами лагеря», несмотря на неотвратимость наказания за их вынос с территории лагеря, были тайно переданы на волю, и музей обладает шестью из них (отдельные издания в двух экземплярах). Это книги «Путеармейцы» (1935 г.), «Простые рассказы о подвигах» (1935 г.), «Стахановцы вторых путей» (1936 г.), «Победа» (1936 г.).

Созданию БАМлага предшествовала напряжённая обстановка, сложившаяся на Дальнем Востоке. В 1931 году японские войска оккупировали Маньчжурию, вышли к границам СССР, и однокорейная Амурская железная дорога с весьма ограниченной пропускной способностью не могла решить проблемы обеспечения войск, если бы возник военный конфликт. Для строительства Байкало-Амурской железной дороги не хватало вольнонаёмных людей, и в 1932 году вышло секретное постановление Совета народных комиссаров (СНК) СССР № 1650/340с от 27 октября, по которому строительство БАМа и реконструкция Транссибирской магистрали (Транссиба) передавались Объединённому Главному политическому управлению (ОГПУ) при СНК СССР. 11 ноября 1932 года был издан приказ по ОГПУ № 1020/с о создании БАМлага. По этому приказу строительство БАМлага перешло в ведомство Главного управления лагерей (ГУЛАГ) НКВД. В 1932 году появилась аббревиатура БАМ. Главное управление БАМлага располагалось в г. Свободном Дальневосточного края (сейчас — Амурская область), и с 1934 года БАМлаг возглавил Н. А. Френкель, ранее руководивший строительством Беломорканала.

БАМлаг — это один из лагерей ГУЛАГа, где были самые тяжёлые условия; к 1935 году заключённых было около 153,5 тысячи человек, и многие не доживали до конца срока [4].

Перед БАМлагом было поставлено три основные задачи: строительство Байкало-Амурской железной дороги, прокладка вторых путей на Транссибе, лесозаготовка, деревообработка и добыча золота. Главная же задача заключалась в возведении к концу 1938 года основных участков «вторых путей». Названия «первые» и «вторые» пути можно рассматривать как маскирующие политические эвфемизмы, призванные скрыть, исказить суть: оба пути связаны с подразделениями ГУЛАГа. «Первые пути» соотносятся с Беломорско-Балтийским каналом, а «вторые пути» — с Байкало-Амурской магистралью.

С 1934 года в системе ГУЛАГа получили распространение культурно-воспитательные отделы (КВО) и более мелкие подотделы культурно-воспитательные части (КВЧ). КВО и КВЧ включали в себя разнообразные направления, среди которых была «клубно-массовая, библиотечная работа, из-

дание газет, журналов и бюллетеней, выпуск стенгазет» [1]. В БАМлаге выходила серия книг стихов и прозы; их тираж составлял пять тысяч экземпляров.

О цели выпуска изданий говорилось в предисловии книги «Простые рассказы о подвигах»: «Документальная серия эта издаётся для того, чтобы каждый путеармеец-лагерник знал достойнейших своих товарищей и замечательные их дела» [6, с. 4].

Наиболее талантливые авторы сборников, главным образом поэты, ныне почти забыты. Из них следует назвать поэта Серебряного века, переводчика, литературного критика А. А. Альвинга (1885–1942 гг.); в БАМлаге поэт был литературным консультантом и редактором поэтического сборника «Путеармейцы». Книга А. А. Альвинга «Введение в стиховедение» была переиздана в лагерной типографии, и начинающие поэты пользовались ею. Автор стихотворного сборника «Путеармейцы» — Е. Г. Геркен (1886–1962 гг.), поэт Серебряного века, драматург, правнук русского поэта Е. А. Баратынского. Г. И. Анфилов (1886–1938 гг.), поэтический дар которого высоко ценил В. Я. Брюсов. С. М. Кремков (1896–1935 гг.) — поэт, прошедший Беломорско-Балтийский канал и сломленный в БАМлаге: в 1935 году Сергей Кремков застрелился в лагере. Г. Г. Воловик (1909–1983 гг.) — поэт, прозаик, драматург, военный корреспондент, в БАМлаге он в числе из трёх заключённых выпускал многотиражную газету «Штурм». В. Н. Ажаев (1915–1968 гг.) — прозаик, редактор бамлаговских книг прозы, впоследствии ставший лауреатом Сталинской премии за роман «Далеко от Москвы», который был переведён на 20 языков мира. Ажаев был этапирован в БАМлаг в 1935 году, в 1937-м получил досрочное освобождение, остался работать вольнонаёмным в лагерной системе. Под руководством В. Н. Ажаева работал Н. А. Заболоцкий [2].

Лагерные поэты ясно видели поставленную перед ними цель:

*...Мы достроим, достроим до срока
Океаны связующий БАМ.
И железный послышится скрежет,
Пронесётся гигант-паровоз,
Он тайгу от востока прорежет
Твёрдой, сталинской сталью колёс. [8, с. IV]*

В книгах прозы упоминаются не выдуманные герои, а реальные «зеки», среди них — носители старинных дворянских фамилий: Ртищев, Толстой; вероятно, эти люди были неуютны власти за своё происхождение.

В предисловии к книге «Путеармейцы» говорится, что «сочетание производительности труда с работой в культурной области — вот вернейший признак перековки» [8, с. IV].

Творческая работа заключённого, наряду с его трудовыми подвигами на стройке, поощрялась руководством; некоторые даже верили в своё досрочное освобождение...

Дорога в лагерь навсегда оставалась в памяти неутихающей болью, но лагерные поэты писали только о «печали, скуке». Лирический герой стихотворения И. Мосолова «Песня бамовцев» вспоминает:

*Мы ехали в красных вагонах
Сибирью в амурскую даль,
И длительный путь в эшелонах
Усиливал нашу печаль.
И думалось: вот мы — изгои,
Отсевы советской земли.
Нас, видно, на скуку и горе
В таёжную глушь привезли.
Теперь же, когда увидали
Мы БАМ и вторые пути,
Мы знаем — сейчас нам едва ли
Почётней работу найти.* [8, с. 57]

«Красные вагоны», впоследствии вошедшие в песенный фольклор, пользовались дурной славой: в них перевозили скот и заключённых.

Герои стихов заключённых приезжают на строительство «вторых путей» словно бы добровольно:

*...Но примчались эшелоны,
И, стряхнув с бушлата снег,
Из открытого вагона
Спрыгнул наземь человек.
А за ним второй и третий,
Сотни... Тысячи... Вот так
По лесам и сопкам этим
Зашумел с тех пор БАМлаг.* [8, с. 51]

Совсем иная картина возникает в воспоминаниях поэта Н. А. Заболоцкого, прибывшего через Хабаровск в «царство БАМа» и находившегося в БАМлаге пять лет: «Везли нас с такими предосторожностями, как будто мы были не обыкновенные люди, забитые, замордованные и несчастные, но какие-то сверхъестественные злодеи, способные в каждую минуту взорвать всю вселенную. <...> На крышах вагонов были установлены прожектора... Тут и там, на крышах и площадках торчали пулемёты, было великое множество охраны, на остановках выпускались собаки-овчарки, готовые растерзать любого беглеца... нас выстраивали рядами, ставили на колени в снег, завёртывали руки за спину... а вокруг смотрели на нас десятки ружейных дул, и сзади, наседавая на наши пятки, яростно выли овчарки, вырываясь из рук проводников» [3, с. 15].

По рассказам жены репрессированного поэта Г. Г. Воловика Нины Воловик об этапе на БАМ, заключённым «селёдку дадут, а воду — нет. Вот и стояли в очереди вновь осуждённые, чтобы хоть лизнуть заиндевевшие металлические предметы: гвозди, задвижки» [10, с. 167].

В БАМлаге «в день полагалось на человека 300 граммов хлеба, дважды в день — кипяток и обед из жидкой «баланды» и черпачка каши» [3, с. 16].

Однако в рассказах, опубликованных в сборниках, возникала иная картина — её навеяло, вероятно, воображение голодного автора: «Пришла в контору, а там уже обед приготовлен. Скатерть чистая, посуда, борщ, пирожки, картошка жареная, каша, кисель» [11, с. 10].

Герои рассказов заключённых с теплотой и благодарностью говорят о чекистах, как о своих покровителях: «Здесь, в лагере, я убедился, что чекисты кажутся врагами нашими только до тех пор, пока не желаешь понять, чего они от тебя хотят. Да, да! Нам хотят добра, а мы огрызаемся. <...> Специальность кто мне дал? Чекисты. Дышать во всю грудь кто меня научил? Чекисты. <...> Казалось — враги, лишь бы, мол, схватить за шиворот и сунуть за решётку. Выходит, ошибался. За шиворот-то берут, но за руку выводят» [5, с. 24–25].

Герой рассказа И. Лукина «В жизни первая речь» вспоминает: «Ведь как меня взяли — и в каждой красной петлице я врага себе представлял. <...> Потом замечаю — небезразличный я для начальства человек. <...> Люди эти, которых я боялся и не любил, — настоящие люди, самые лучшие, какие есть на свете. <...> И вот когда ты себя и вину свою как следует обдумал и помощи запросить решил, в это самое время зажигает человек в красных петлицах фонарь, зажигает от Сталинского огня, идёт, освещает перед собой путь, а ты идёшь за ним и выходишь к солнцу» [11, с. 41].

Идея о том, что наказание не бывает без вины, а лагерь служит «перековке», — основополагающая, она словно бы «несущая конструкция» всех рассказов бамлаговцев. В предисловии к книге «Простые рассказы о подвигах» приведены слова: «Великое строительство вторых путей проходит в труднейших условиях с дикой суровой природой: дремучей тайгой, твёрдыми неприступными скалами, жесточайшими морозами, вечной мерзлотой. <...> Каждый день упорного труда путеармейцев, новый десяток километров пути, проложенного их руками, всё больше и больше отдаляют их от прошлого, от всего того, что оставили они у входа в лагерь. Хищничая, ошибаясь на каждом шагу, путаной дорогой по задворкам жизни пришли они в лагерь. <...> Вчерашние хищники, люди, пошедшие супротив пролетарской диктатуры, они сегодня за эту диктатуру отдадут жизни свои, отдадут так же просто и мужественно, как просто и мужественно несут они повседневную трудную работу. Ибо эта диктатура дала им возможность начать жить сначала» [6, с. 3–4].

Скрытая благодарность чекистам, представителям «пролетарской диктатуры», звучит в рассказе Юсуфа Зия Ширвани: «Жизнь в лагерях научила меня многому. Только теперь я сознаю, что счастье людское не в погоне за богатством, а в честном труде» [5, с. 35].

В заключённых культивировалось чувство вины. Мысль об их «путаной дороге» «по задворкам жизни», о чудодейственном влиянии лагеря на повреждённую душу заключённого звучала во многих произведениях авторов бамлаговских сборников. «Ваше вчера — излеченное уродство», — замечает поэт Сергей Кремков (тот, который застрелился в лагере) устами своего лирического героя в стихотворении «Последний нажим» [8, с. 45]. «Лагерник исправтрудлагерей, НКВД воспитанник на стройке», герой стихотворения Л. Ржечицкого «На новых путях» «научается жить» — он один из тех, кто

...ржавчиной былых ошибок схожи.

Здесь, на закалке трудовых побед,

В победах над собой меняем кожу. [8, с. 25]

Поэт Л. Дмитриев пишет:

Перерезая пути старых уз,

Былое вы подвергли перекройке,

Оставили ошибок прошлых груз

В водовороте, в гуще нашей стройки. [8, с. 48]

В стихотворении С. Федотова есть такие строки:

Мы не соцвреды. В строительство домны

Бросили сердце и волю свою.

Жуткого прошлого чад уголовный

Мы победили в горячем бою. [8, с. 13]

На титульном листе книги «Стахановцы вторых путей» приведены слова И. В. Сталина: «В самом деле, присмотритесь к товарищам стахановцам. Что это за люди? Это, главным образом, — молодые или средних лет рабочие и работницы, люди культурные и технически подкованные, дающие образцы точности и аккуратности в работе, умеющие ценить фактор времени в работе и научившиеся считать время не только минутами, но и секундами» [12].

В декларативных документах лагеря создавалась иллюзия, что в местах лишения свободы занимаются образованием заключённых, организуется для них культурный отдых, их «перевоспитывают». Лагерь, по мысли руководства БАМлага, вовлекает тех, кто «выбил из рядов трудящихся», «в великую коллективную стройку и заражает энтузиазмом. А этот энтузиазм рождает и героизм, и тот высокий строй чувств и мыслей, который зовётся пафосом» [8, с. IV].

Герой рассказа Юсуфа Зия Ширвани «Яраш Рузиев и его Шерик» из книги «Победа» ежедневно давал с напарником «400–450%» и, по его словам, они работали «не больше восьми часов в день». Известно, однако, что только к 1940 году большинство рабочих (на свободе!) было переведено на восьмичасовой рабочий день, а в лагере и не было речи о каких-либо правовых гарантиях и строго установленной продолжительности рабочего дня. По решению штаба «Ф» Яраш Рузиев поехал делегатом от *фаланги* на съезд стахановцев от строительства в г. Свободный. Как будто у «стахановцев» и не было поражения в правах, и труд их не был каторжным...

Что такое фаланга, мы узнаём из документальной книги В. М. Прядкина «Неизвестный БАМ». Н. А. Френкель, сам в прошлом «сиделец» Соловецкого лагеря, «создал в БАМ-лаге новую структуру, так называемые фаланги. Фалангой назывался небольшой хозяйственно-самостоятельный отряд заключённых, занятых на определённых работах, численностью 250–300 человек каждая (бывали и по 500 человек). <...> В фаланге все заключённые повязываются круговой поручкой и соревнованием за самое важное и дорогое в лагерной жизни, за пайки. Производительность фаланг была заоблачной. Тем заключённым, которые работают в фаланге плохо, не позавидуешь. Наказание он получит внутри фаланги от самих же заключённых (по его вине они могут не получить дополнительный паёк), вмешиваться во внутренние дела фаланги негласно запрещалось самим Френкелем» [7]. Лентяя, «филона» могли и убить.

В рассказах заключённых БАМлага фаланга — это почти семья, в которой царит согласие: «Тут фаланга вышла на работу: с гармоникой, чинно-благородно, как полагается» [11, с. 21].

«Фалангист» — слово, нейтральное по смыслу и эмоциональной нагрузке, искажающее действительность, замена слову «заключённый». В стихах лагерных поэтов звучат призывы фалангистов:

Так вперёд, победа недалёко!

Фалангист! Страна не может ждать.

Лозунг наш — «Даёшь пути до срока!»

Наша цель — себя перековать. [9, с. 29–30]

Рефреном стихотворения «Песня о бетоне» были такие слова:

Фаланг расчёты точные

На темп умножь!

Даёшь пути досрочные,

Бетон даёшь! [9, с. 53]

В лексике заключённых встречаются историзмы, которые обозначают тюремный статус человека, и среди них такое непонятное в настоящее время слово, как «тридцатипятники». Оно требует специального погружения в реалии прошедшей эпохи. В предисловии к книге «Простые рассказы о подвигах» читаем: «Заключённый Умара Магомет, под страхом быть разорванным на куски, предохраняет от обстрела пассажирский поезд. Тридцатипятницы Мешкова и Костюченко спасают пятьсот человек от неминуемой гибели. Тридцатипятник Дыбулин, рискуя жизнью, производит взрывные работы... только потому, что «рабочим обязательно надо дать грунта», потому что иначе «ребята не выполняют дневного задания» [6, с. 4]. «Утром 29 мая тридцатипятники начали копку котлована», — пишет Артём Русанов [5, с. 11]. Оказывается, что в 1930 году в Уголовном кодексе появилась статья 35, которая законодательно

закрепляла за управлением лагерей право отправлять заключённого на любую «великую стройку» сроком от трёх до десяти лет. 35 статья всегда применялась вместе со статьёй 7. Любому, ранее судимому или несудимому, а только подозревавшемуся в преступлении, могли назначить срок от трёх до десяти лет [9].

Чтобы выжить, сохранить рассудок, вернуться к семье (если таковая была), заключённым нужно было всё претерпеть, поэтому в стихах и прозе бамлаговцев и возникал образ солнца, которое символизировало жизнь, созидательную энергию, возрождение, очищение, мудрость и желанный домашний очаг.

Несомненно, многие заключённые были знакомы с поэзией Серебряного века, в которой образ солнца находил разную художественную трактовку. Стихи заключённых не были «солнечной пряжей», идеалом космической красоты, как у К. Д. Бальмонта, и не несли «вчерашнее» солнце «на чёрных носилках», как лирический герой О. Э. Мандельштама. Солнце у бамлаговских поэтов было «братишкой», «нарядчиком», наблюдателем, напарником или соперником в соревновании. Но самое главное — оно было носителем вечного, безначального света...

Особенно часто образ солнца возникает в стихах сборника «Путеармейцы»:

*Братишка-солнце, дай огня!
Даёшь ударное сиянье!
Сегодня снова у меня
С тобою трудсоревнованье.
<...>
Я раньше солнца поднимусь,
Раздую в жилах ярый пламень*

*И в лысину его швырну
Разбитый аммоналом камень.*

<...>

*Ему с руки светить да греть,
Да в сопки яблоком катиться,
А мне — лихую песню петь*

Да по-ударному трудиться. [9, с. 55]

В стихах Л. Ржевицкого солнце — и нарядчик, проставляющий нормы выработки, и часовой на вышке, задачей которого было пресечь побег осуждённого:

*Цеха труда включая на весь ход,
И волей к жизни пронизав, как током,
Нарядчик-солнце в свой пошло обход
Страны Советов с Дальнего Востока.
И будет пламенным флажком оно гореть
На вышке неба, под которым стойко
Я, лагерник исправтрудлагерей,
Веду борьбу на сверхударной стройке.* [9, с. 24–25]

Роль солнца была занижена, но, скорее всего, такое футуристическое, панибратское отношение к «светилу» («в лысину его швырну / Разбитый аммоналом камень») было бравадой: заключённые, благодаря солнцу в груди, верили в чудо досрочного освобождения, в новую жизнь, полную красоты и мудрости, где каждый мог бы наслаждаться творчеством.

Поэзия и проза большинства литераторов-бамлаговцев пока малоизвестна, но представляет несомненный интерес. Благодаря редким изданиям, поступившим в архивы из частных коллекций, мы узнаём о творчестве заключённых БАМлага и сквозь призму их судеб можем различить прошлое своей страны...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абасова, И. Художественная самодеятельность как одна из форм культурно-воспитательной работы в ГУЛАГе в 1930–1950 гг. / И. Абасова. — Текст : электронный // Pandia : интернет-издание. — URL: <https://pandia.ru/text/80/587/4578.php> (дата обращения: 10.04.2023).
2. Заболоцкий Николай Алексеевич — поэт. Биография Заболоцкого Н. А. // Библиотеки Комсомольска : [сайт] / Муниципальное учреждение культуры «Городская Централизованная Библиотека». — Комсомольск-на-Амуре, 2013–2023. — URL: <https://www.kmslib.ru/literaturnyi-komsomolsk/zabolotskii-nikolai-alekseevich-1903-1958-gg> (дата обращения: 10.04.2023).
3. Заболоцкий, Н. История моего заключения / Н. Заболоцкий ; [предисл. Л. Озерова]. — Москва : журн. «Огонек», 1991. — 45 с.
4. Папков, С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941 / С. А. Папков. — Текст : электронный // ВикиЧтение : [сайт]. — URL: <https://history.wikireading.ru/364175> (дата обращения: 10.04.2023).
5. Победа. — Свободный (Амурская обл.) : сектор печати КВО БАМлага НКВД, 1936. — 40 с. — (Библиотека строителя БАМа ; Вып. 18). — Местонахождение: ХКМ КП 8186/34.
6. Простые рассказы о подвигах. — Свободный (Амурская обл.) : сектор печати КВО БАМлага НКВД, 1935. — 48 с. — (Библиотека строителя БАМа ; Вып. 7). — Местонахождение: ХКМ КП 8186/33.
7. Прядкин, В. М. Неизвестный БАМ. Тайны Байкало-Амурской железной дороги / В. М. Прядкин. — URL: http://samlib.ru/p/prjadin_w_m/pamjatx.shtml. — Текст : электронный (дата обращения: 10.04.2023).
8. Путееармейцы : стихи и песни лагеров. — Свободный (Амурская обл.) : сектор печати КВО БАМлага НКВД, 1935. — 78 с. — Местонахождение: ХКМ КП 12248/44.
9. Сидоров, А. А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга первая (1917–1940 гг.) / А. А. Сидоров // ВикиЧтение : [сайт]. — URL: <https://history.wikireading.ru/207220>. — Текст : электронный (дата обращения: 10.04.2023).
10. Смыковская, Т. Е. Литература БАМлага как художественный феномен / Т. Е. Смыковская. — Благовещенск : БГПУ, 2023. — 360 с.
11. Стахановцы вторых путей : рассказы стахановцев о себе. — Свободный (Амурская обл.) : сектор печати КВО БАМлага НКВД, 1936. — 64 с. — (Библиотека строителя БАМа ; Вып. 16). — Местонахождение: ХКМ КП 8186/41.

Материал поступил в редакцию 27.07.2023.

Сведения об авторе: Гребенюкова Наталья Петровна, старший научный сотрудник Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: suerte.09@mail.ru; тел. 8-909-806-67-06.

КОНДРАТЕНКО АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ

ТРИ ЭТЮДА О ХУДОЖНИКАХ-ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКАХ

Статья посвящена жизни и творчеству выдающихся художников, биографии которых связаны с Дальним Востоком и городом Орлом. Автор раскрывает основные моменты их творческой деятельности, показывает роль в развитии изобразительного искусства и культуры в целом.

Статья написана на основе различных биографических материалов, публикаций в периодике, воспоминаний автора.

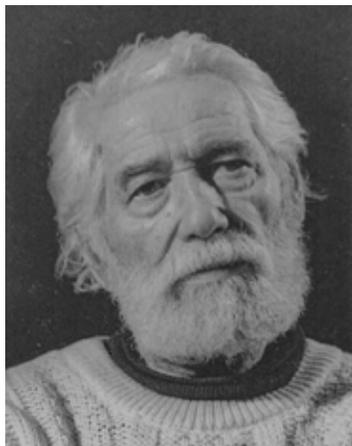
Ключевые слова: Н. И. Гетман, Л. А. Остроушко, В. Н. Ефимов, Магадан, Хабаровск, Камчатка, Орёл, изобразительное искусство.

Keywords: N. I. Getman, L. A. Ostroushko, V. N. Efimov, Magadan, Khabarovsk, Kamchatka, Oryol, visual arts.

Его называли Солженицыным живописи. Мощные по своей правдивости и пронзительности полотна не могли оставить равнодушным никого из зрителей. В сохранённых памятью художника красках и линиях десятилетия спустя оживала великая трагедия народа, сама История...

«Реквием» Николая Гетмана

Николай Иванович Гетман родился 23 декабря 1917 года в Харькове. Когда ему было только два года, мать умерла от тифа, в семье он остался с отцом и двумя старшими братьями — Петром и Александром. В 15 лет Николай Гетман поступил в Харьковский художественный техникум. Но будущие творческие и житейские перспективы оказались вскоре омрачены начавшимися после гибели Кирова чистками: расстреляли брата Александра. Опасаясь преследований, семья разделилась: Пётр уехал в Москву, отец — в Днепропетровск, Николай остался в Харькове. Здесь в 1937 году поступил в художественный институт, откуда был призван на срочную службу в Красную армию.

Николай Гетман.

на папиросной пачке увиденную им на войне немецкую карикатуру на Сталина... Этого было достаточно для ареста и суда. В январе 1946 года Николай Гетман получил 10 лет исправительно-трудовых лагерей за антисоветскую агитацию и пропаганду. Первые годы отбывал в Тайшете, в конце 1950 года его перевели на Колыму, на прииск Верхний Дебин. За ударный труд был освобождён досрочно, в августе 1953 года [8].

Поначалу работал художником-оформителем в Промлесокombинате, затем в Доме культуры в Ягодном. В 1956 году представил цикл пейзажей на первой областной выставке изобразительного и прикладного искусства. Переехал в 1959 году в Магадан. В то время создал полотна «Школьники помогают взрослым», «Какор», «Заре навстречу». Был избран делегатом II съезда художников СССР (1963 г.) [7, с. 233]. Не сразу, но всё же его приняли в Союз художников СССР (1964 г.) [1]. Писал портреты партийных вождей

и передовиков производства, полотна для общественных зданий Магадана, картины из жизни Колымы и Чукотки («Молодожёны», «На Север», «Колымские дали», «Первое слово», «Северный посёлок», «Оленевод» (репродукции последней работы были напечатаны в «Огоньке» и «Юности»), «Ревком Чукотки»).

Был директором художественно-производственных мастерских Магаданского отделения Художественного фонда РСФСР (1964–1967 гг.), членом оргбюро и правления Магаданского отделения Союза художников РСФСР. В 1974 году, к 20-летию творческой деятельности, в областном музыкально-драматическом театре в Магадане прошла первая персональная выставка Гетмана — более ста картин, эскизов, этюдов, рисунков («Чукча», «Чукчанка», «Пастух», «Ревком Чукотки», «Яранги», «Встреча с солнцем», «Весна», «Куст сирени», «Молодые берёзки», «Опоры Колымы», «Драга»). О художнике и его творчестве периодически публиковались очерки в «Магаданской правде», выходили в эфир телепередачи. Но о том, как герой публикаций и передач оказался на Севере, журналисты тогда не могли поведать своей аудитории...

В Магадане Гетман жил в доме № 5 по улице Советской. Здесь началась его большая работа, о которой до поры не знал никто. Внешне весёлый и беззаботный, в душе он давно вынашивал план цикла «ГУЛАГ глазами художника». Причём это должны были быть не просто миниатюры или небольшие сюжетные полотна, а холсты размерами 3 x 3, 3 x 4 метра.

В 1976 году Гетман переехал в Орёл и здесь продолжил интенсивно работать над гулаговской темой. Первый показ 50 работ из цикла «ГУЛАГ глазами художника» состоялся всё же в Магадане в 1993 году. А спустя два года на новой экспозиции работ Гетмана в орловском драмтеатре присутствовал Александр Солженицын, который приехал на Орловщину на празднование 50-летия Победы (под Орлом будущий автор «Архипелага ГУЛАГа» воевал командиром батареи звуковой разведки летом 1943 г.).

Картины Гетмана запечатали множество горьких отметин: «Реабилитированный»

Н. Гетман, «В подвалах НКВД (памяти брата посвящается)».

Н. Гетман, «Старательская артель Вадима Туманова».

(автопортрет), «Я помню тот Ванинский порт» (автопортрет), «Наказание гнусом», «Шмон, нашли стихи Есенина», «Морг ГУЛАГа», «Старательская артель Вадима Туманова», «Арестантская пайка», «Развод... Первая пятёрка, выходи», «Побег», «Бугор — бесконвойник», «В последний путь», «Колымский этап», «Японцы на БАМе», «Японцы в ГУЛАГе», «ГУЛЖДС — Тайшетлаг», «Заброшенный лагпункт», «Голгофа (магаданские сопки)», «Якутские алмазы», «Вечная память в вечной мерзлоте», «Лагпункт "Верхний Дебин"», «По этапу», «Во глубине урановых руд», «Цинготники», «Узники ГУЛАГа», «Псарня ВОХРа», «Женский лагпункт», «В подвалах НКВД (памяти брата посвящается)» и другие.

В 1990-е годы Гетман активно участвовал в развитии международных связей Орла: так, в 1995 году он побывал с выставками в городах-побратимах Оффенбахе-на-Майне (ФРГ) и Леувардене (Голландия), в 1999-м — в Венгрии [7, с. 253]. В те же годы выставки картин Гетмана организовали американцы в Вашингтоне и ещё десяти штатах США [6, с. 91]. Несколько лет подряд он совершал творческие поездки в эту страну. В 1998 году навестил старых друзей в Магадане (возвращался из США в Россию через Аляску), повидался с магаданскими художниками. Им было о чём поговорить, вспомнить, ведь помимо «лагерных» тем у Гетмана было немало других северных сюжетов по итогам творческих поездок по Колыме и Чукотке: «Колымский тракт», «Золотая Колыма», «У истоков Армани», «Колымское лето», «Спецрейс», «На Севере Крайнем», «Магаданский порт Нагаево», «Серпантин» (о дороге среди сопки), «Молодожёны», «Влюблённые», «Возвращение», «Северный посёлок», «ЛЭПовец»...

Лично я запомнил Николая Ивановича Гетмана как одного из самых авторитетных и уважаемых художников Орла 1990-х годов. Его, заметного среди окружающих своей могучей статью, мужественностью и в то же время

мудрой теплотой, часто можно было видеть на мероприятиях, посвящённых памяти жертв политических репрессий: на открытии выставок архивных документов, презентациях книг, митингах. Николай Гетман возглавлял областную ассоциацию жертв незаконных политических репрессий (1992–2000 гг.), входил в состав областной комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий. Также он был членом редколлегии книги памяти жертв политических репрессий на Орловщине «Реквием». Из пяти томов «Реквиема» четыре были проиллюстрированы репродукциями картин Гетмана (всего было напечатано более 30 репродукций).

В конце жизни два года (2002–2004 гг.) Николай Гетман был главным художником Государственного музея истории ГУЛАГа в Москве.

Николай Иванович Гетман умер в Орле 29 августа 2004 года. Ныне его произведения хранятся в музеях и частных коллекциях в России, в Финляндии, Германии, Болгарии, Голландии, Италии, Франции, Польше, Венгрии, Румынии, Японии, Канаде, Израиле, США. О его жизни и творчестве снято несколько документальных фильмов.

Маринист Леонид Остроушко

Художественная жизнь в Хабаровске получила новый мощный импульс, когда в 1958 году из Читы в дальневосточную столицу переехал Алексей Федотов, который к тому времени уже участвовал в республиканской и всесоюзной выставках. Вскоре после его назначения в Хабаровское отделение Художественного фонда СССР (только что было построено новое трёхэтажное здание по ул. Фрунзе) сюда были приглашены другие молодые художники и в их числе график Леонид Остроушко. Случайная неслучайность — именно в тот год юный художник Остроушко окончил художественное училище в Иркутске,

Леонид Остроушко.

то самое, где ещё до войны учился Федотов. И новичок, который не так давно увлёкся офортом и линогравюрой, сразу получил мастерскую на одном из этажей нового здания. Наверное, для Леонида это оказалось настоящим чудом — он был из когорты тех, кто познал все лишения войны: родился в Иркутске 26 августа 1936 года, в раннем возрасте потерял мать, отец погиб на фронте. И вот Хабаровск, все возможности для творчества, самостоятельного роста, обретения уверенности в себе... Здесь рождался стиль будущего маститого художника Леонида Алексеевича Остроушко — его графика живописна, музыкальна, насыщена эмоциональными впечатлениями...

«Новые силы» резко активизировали общение художников в Хабаровске, высоко подняли планку творческих требований, что и показали ближайшие выставки. Ещё несколько лет, ещё несколько приехавших талантов — и о Хабаровском отделении Художественного фонда СССР заговорили на всероссийском уровне.

Молодого художника увлекала новая для него морская романтика: поездки, встречи, открытия и испытания... В 1961 году Леонид Остроушко был принят в Союз художников СССР. Его работы экспонировались на зональных, республиканских и международных выставках: краевые выставки в Хабаровске (1961, 1962 г.), республиканские выставки «Советская Россия» (1960, 1965 г.), всесоюзные выставки эстампа (1962, 1963 г.), Всесоюзная выставка произведений молодых художников (1962 г.), зональные выставки «Советский Дальний Восток» (1964, 1967 г.), Международная выставка «На страже мира» (Улан-Батор, Монголия, 1966 г.), «Советский эстамп» (Монголия, 1968 г.).

В середине 1964 года Всесоюзный журнал «Художник» знакомил с ним своих читателей: «Осенью прошлого года молодой художник побывал в воинских частях Дальнего Востока. Он беседовал с рядовыми и офицерами, наблюдал мирную жизнь родной армии. Многочисленные зарисовки послужили ему материалом для серии линогравюр, экспонировавшихся на Всесоюзной выставке “40 лет Советских

Л. Остроушко, «В трудный полёт».

Вооружённых Сил». «Тишина», «Тревога», «В трудный полёт» — названия некоторых листов. Сейчас он работает над серией, рассказывающей о мужественной работе советской милиции. К зональной выставке Остроушко думает представить портреты строителей нефтепровода Оха — Комсомольск» [12]. Здесь же была помещена репродукция его линогравюры «В трудный полёт».

Он любил книги, историю (в частности археологию). Из всего этого черпал сюжеты и образы. Но главной страстью всё-таки стало (и на всю жизнь) море — все летние месяцы проводил на учебных и боевых судах, был моряком, военным художником. Говорил так: «Морская тематика — одна из самых любимых в работе. Как и все моряки, пробую те же шторма, тот же паёк» [Цит. по: 9, с. 95–96]. На персональном спасательном поясе делал отметки о местах, где побывал: Тихий океан, Японское и Охотское моря, море Лаптевых, Ледовитый океан, Чёрное море, Байкал, Волга, Лена, Енисей, Ангара, Амур... А ещё были путешествия по Камчатке, Алтаю, Закарпатья, Кавказу, Монголии и Франции... Были созданы изобразительные серии «Тихоокеанцы» (1963–1967 г.), «По Дальнему Востоку» (1964–1965 г.).

В 1968 году Леонид Алексеевич переехал в Орёл, на протяжении 40 лет работал в художественно-производственных мастерских Художественного фонда. Но прочные и деятельные связи с Дальним Востоком, с художниками и моряками сохранил надолго. Другим местом вдохновения стал для него Дом творчества в подмосковном Сенеже. Активно участвовал в выставках разного уровня, в частности в 1986 году во Всесоюзном фестивале искусств «Художники — флоту», который проходил на Сахалине [6, с. 111]. В Орле прошли его персональные выставки в 1986, 1996 и 2000 годах.

Его коллега по преподавательской работе в Орловской детской школе изобразительных искусств и народных ремёсел, кандидат педагогических наук Светлана Чумакова, делилась с читателями: «Мир на его картинах интересный, многогранный и очень душевный. Тема светлого, счастливого детства с простыми радостями и переживаниями пронизывает картины “Воробушки”, “Мирные сны”, “Дождик”, “Берёзовый хоровод”, “Скворечники”. Хотя собственное детство художника было тяжёлым, в этих произведениях точно переданы первые открытия и переживания ребёнка. “Зимний этюд”, “А снег идёт...”, “Зимний день” — зимние пейзажи с состоянием “звнящей” тишины. С большой тонкостью и лиричностью переданы образы Хабаровска, Загорска, Орла, Риги, Таллина» [12].

Изучая обширное наследие художника (он умер в 2008 г., его вдова Галина Грибенюк передала коллекцию работ в дар Орловской детской школе изобразительных искусств и народных ремёсел), Светлана Чумакова обратила внимание, конечно же, на «морскую часть» собрания: «Созданные им

Л. Остроушко, «Последний корабль».

графические произведения (многочисленные зарисовки, работы гуашью, офорты, линогравюры) показывают море во всём его многообразии: то преисполненное страсти, величия и динамики, то сдержанно-спокойное. Иногда работы складываются в целые серии («Тихоокеанцы», «Художники флоту», «Сахалинский Баскомфлот» и др.), и каждый раз это новое повествование о море. Это жизнь портовых городов («Разгрузка», «В порту», «Путина...»), военные баталии и сцены учебных заданий, разгул морской стихии или её временное затишье» [12].

Обращался в своём творчестве художник и к культуре различных народов. Это были офорты, посвящённые Крайнему Северу (серия «Якутия»: «Северный эпос», «Однако пора...», «Однако хорошо...»), Монголии («Нежность», «Вечерняя песня», «Стойбище»). А ещё были запоминающиеся работы в технике пастели: «Католический костёл», «Ленские столбы. Сибирь».

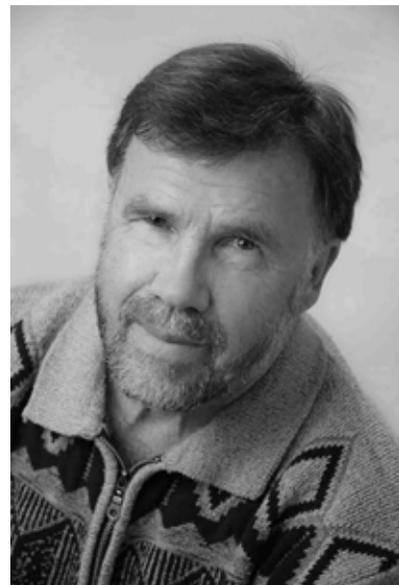
Ныне произведения Л. А. Остроушко находятся в Омском художественном музее изобразительных искусств, Костромском художественном музее, Дальневосточном художественном музее, Военно-историческом музее Тихоокеанского флота, Орловском музее изобразительных искусств, музее В. А. Русанова (г. Орёл), Орловском краеведческом музее.

По следам первопроходцев

Валерий Ефимов родился в Орле 7 ноября 1943 года. Его дед был репрессирован, отец погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны. Художник вспоминал: «Рос я после войны хулиганом и безотцовщиной, как и многие ребята тогда. Карманы у нас были всё время набиты железяками, гильзами, осколками гранат, медалями... Тогда медали почти у всех были — детям отдавали играть. Мы играли в подбитых танках, которые ещё долго стояли в городе по бере-

гам Оки... После войны многие соседи-фронтовики возвращались инвалидами — просто обрубки человека. По утрам мы выкатывали их на Красный мост, где они побирались. У кого остались руки, играли на балалайках или гармошках: «Ах, зачем я на свет появился, ах, зачем меня мать родила?»» [Цит. по: 4].

Однажды, уже в начале 2000-х годов, на одном из юбилеев

Валерий Ефимов.

детской библиотеки имени М. Горького автор этих строк стал свидетелем рассказа почётного гостя торжественного мероприятия Ефимова о послевоенном детстве. Работавшие мать и бабушка, уходя утром, оставляли его чуть ли не на весь день именно в этой библиотеке. И он не только читал, но и тайком от библиотекаря раскрашивал чёрно-белые картинки в книгах — видимо, так давала знать о себе тяга к художественному творчеству. Более того, юные читатели в брошенных домах и квартирах находили книги и приносили их в эту читальню. На память о той незабываемой поре художник подарил на юбилей ностальгическую картину, где было изображено первое здание библиотеки — вид центральной улицы Орла 1950-х годов.

Занимался будущий художник в изобразительном и музыкальных кружках Дома учителя. В старших классах стал стилигой, карикатуры на него появлялись в городской стенгазете «Комсомольский прожектор». Служба Ефимова в армии совпала с Карибским кризисом. В числе других сослуживцев попал на корабли, которые отправились к берегам Кубы. Больше месяца солдатам запрещали выходить из трюмов на палубу. И это в пору тропической жары...

Потом служил в космических войсках в Звёздном городке, иногда ему удавалось лично общаться с космонавтами. Когда вернулся в Орел, пошёл работать на завод и сразу стал участвовать в самодеятельности — играл в заводском оркестре. Потом несколько человек, и Ефимов в их числе, организовали первый в Орле джаз-банд. Они играли в кинотеатрах перед сеансами, а также в только что открывшемся кафе «Отдых». Здесь один из завсегдатаев, известный орловский художник, настойчиво посоветовал Ефимову поступать на художественно-графический факультет пединститута.

Он поступил сюда в 1966 году. По совпадению будущий лидер КПРФ Геннадий Зюганов тоже учился тогда в ОГПИ, но на факультете физико-математическом. Оба они были секретарями факультетских комсомольских организаций. А дипломным руководителем Ефимова стал будущий народный художник СССР Андрей Курнаков. Молодому выпускнику худграфа прочили партийную карьеру в Орле, но душа его давно рвалась из «колыбели». Когда-то в одном магазинчике он приобрёл книгу о художнике, который работал на Чукотке. Эта мысль сразу увлекла студента, и он поставил перед собой задачу: а смог бы своё творчество посвятить подобной теме? Так как Чукотка уже была «освоена» другим живописцем, Ефимов на распределении в вузе выбрал... Камчатку.

Приехал сам, потом перевёз семью, и на ближайшие три с лишним десятилетия Дальний Восток стал его домом, а основными темами в творчестве — освоение Камчатки, её прошлое и настоящее, жизнь коренных народов. Океанские просторы, корабли, вулканы, портовые города... Он рассказывал журналистам: «Меня всегда интересовала национальная тематика. В результате длительных поисков я пришёл к выводу: так же, как и я нов для этой земли, должна быть нова и тема, над которой я буду работать. Так родилась тема освоения Дальнего Востока первопроходцами. Художественному творчеству предшествовал подготовительный труд: я изучал архивы, специальную литературу, повести, романы, документы — словом, всё, что давало возможность понять жизнь, путь, задачи, поставленные Петром I перед экспедицией Витуса Беринга. Изучив исторический материал, я начал свой путь-исследование из Дании, откуда молодой морской офицер приехал в Россию. Впоследствии экспедиция Беринга более трёх лет продвигалась от Петербурга до Охотского моря. Люди замерзали во льдах, умирали от цинги. Кресты на могилах тех, кто описывал эти земли, формируя границы России, стоят почти по всему побережью Северного Ледовитого океана. И я прошёл по этому пути» [Цит. по: 2].

Искусствоведы отмечают: «Глубокие знания исторического материала позволили создать поэтические образы героев российской истории. В. Н. Ефимов первый создал образы участников камчатских экспедиций.

В. Ефимов, «Витус Беринг».

В. Ефимов, «К новым берегам».

Он написал портреты В. Беринга, А. Чирикова, портреты команды экспедиций. Работая над историческими портретами, художник изучал экспозиции музеев Дании, городов Санкт-Петербурга, Москвы, Якутска и Петропавловска-Камчатского. Время не оставило образов первопроходцев, поэтому они были созданы по представлению художника. Одной из трудных задач для него было воссоздание внешнего вида пакетботов. Отстроенные в суровых условиях Охотска, они, естественно, отличались от парадных судов, построенных на центральных верфях страны. Художник работал с литературой, документами, чтобы написать пакетботы наиболее правдоподобными» [5, с. 252].

В творческих поездках живописец прошёл Индийский, Тихий океаны, Балтийское, Средиземное, Чёрное и Азовское моря. А ещё Байкал, Волгу, Дон, Лену, Амур... Прибалтику, Карелию, Украину, Казахстан, Узбекистан, Якутию... Но, как ни удивительно, вдохновляла художника прежде всего сама Камчатка. По мнению исследователей его творчества, ему «удалось передать в произведениях удивительную красоту камчатских просторов, бурные реки, величественные вулканы, морские пейзажи: “Три брата”, “На закате”, “Вилучинский вулкан”, “Авачинская бухта”, “Река Авача” и другие» [5, с. 252].

Ефимов, принятый в Союз художников в 1975 году, стал основателем Камчатской областной организации Союза художников РСФСР и был избран её первым председателем. Был делегатом съездов художников СССР и РСФСР, членом зонального и республиканского выставкомов, руководил всесоюзными творческими группами «Художники — флоту»

(1976–1993 гг.) и «Художники — морю» (1977, 1980 гг.). Его отметили премией камчатского комсомола, званием заслуженного художника России.

Валерий Николаевич работал в жанре пейзажа, портрета и тематических картин. Знание исторического материала вдохновило мастера на создание полотен, которые вошли в коллекции Министерства культуры России, Центрального музея Вооружённых Сил. Он стал автором постеров, натюрмортов.

Родившийся в религиозной семье (его предки были священнослужителями, бабушка — регентом в храме), он никогда не терял веры в Бога. И потому в душе присутствовала внутренняя готовность к религиозному творчеству. Во время строительства первого в постсоветский период храма на Камчатке, церкви Петра и Павла, именно Ефимову доверили расписывать храм, устроить иконостас. Он вспоминал: «На этот период я временно ушёл из семьи, жил в храме, потому что необходимо было держать строгий пост. Церковь тогда ещё не отапливалась, холодно было так, что кисти замерзали в воде. Но трудности не пугали. Даже наоборот. То время я вспоминаю с большой благодарностью. Уже после этого занялся реставрацией» [Цит. по: 2]. Дважды тогда епископ предлагал ему принять сан священника. Но Ефимов отказался, сказав: «Я до конца дней буду нести крест художника. Это моё призвание».

Шесть лет потом прожил в Америке — занимался реставрацией православных храмов на Аляске. Восстанавливал иконы и писал новые. Не раз доводилось извлекать из небытия удивительные вещи. Но даже чудеса когда-то становятся обыденностью. По его собственному признанию, в какой-то момент неудержимо потянуло на малую родину. Оставив на Камчатке работу, известность, взрослых детей с внуками, Ефимов с женой Людмилой («Жену среди всех красавиц Орла я выбрал самую красивую! Я много поездил по миру, и она всегда была главным украшением моих выставок») вернулся в Орёл.

Здесь его приняли радушно — избрали председателем Орловской организации Союза художников России [10]. Он много и с вдохновением работал над большим циклом картин, посвящённых Орловщине, её истории и культуре. Персональные выставки прошли в Орле, Болхове, Мценске. Мэрия одобрила новый эскиз герба Орла, предложенного Ефимовым. Он был награждён золотой медалью Союза художников России «Духовность. Традиции. Мастерство» (2013 г.).

На открытии в Орле большой художественной выставки, приуроченной к 195-летию со дня рождения И. С. Тургенева, чествовали Ефимова — в эти же дни, по совпадению, он отметил 70-летний юбилей. В экспози-

ции были представлены три его работы: портрет Ивана Тургенева и два пейзажа Спасского-Лутовинова. Имя Тургенева всегда было притягательным для художника: «Для меня Иван Сергеевич Тургенев прежде всего великий земляк. Кроме того, меня с этим писателем связывает ещё кое-что. В том здании, где сегодня находится музей Тургенева, во время войны располагался родильный дом. Именно там я и родился. Уже позже, юношей, я принимал участие в разборе пепелища тургеневского дома в Спасском-Лутовинове перед его восстановлением. Некоторые артефакты, которые нашёл я лично, вошли в экспозицию музея» [Цит. по: 3].

И это не просто комментарий живописца «по случаю», не просто демонстрация своей эрудиции. Валерий Николаевич многократно сам для себя проговаривал причины, побудившие вернуться с Дальнего Востока на малую родину. Он признавался в беседе с орловским журналистом: «Я иногда сомневаюсь, правильно ли поступил. Здесь совсем другой менталитет, другие люди. На Дальнем Востоке важнее всего взаимовыручка, тёплые человеческие отношения, честность и открытость... Все, кто когда-то жил или работал на Камчатке, помнят её до конца жизни, до конца жизни поддерживают друг друга... Да и дети крутят пальцем у виска, зовут обратно» [Цит. по: 4]. Но побеждало то, что вновь он оказался в городе детства и юности, в литературной столице (Тургенев, Лесков, Бунин, Леонид Андреев...), в том месте, где столетиями жили его предки.

На Камчатке Ефимова не забывали. Даже спустя десять лет после его отъезда здесь прошла юбилейная выставка художника; один из залов музея в Петропавловске-Камчатском был посвящён творчеству Валерия Ефимова; в серии «Культурное наследие Камчатки» в 2013 году вышел его альбом «Камчатка — любовь моя».

Помимо выставочных залов Камчатки и Орловщины, произведения художника экспонировались в Болгарии, Румынии, Венгрии, Норвегии, Италии, Грузии, Армении, на Украине. Персональные выставки прошли в Японии, США, Чехии, Болгарии, на Украине [6, с. 94–95].

Валерий Николаевич Ефимов умер в Орле 14 августа 2017 года.

Ныне его произведения находятся в музеях и частных коллекциях в России и за рубежом, в частности, в Камчатском краевом объединённом музее, дирекции художественных выставок РФ, Читинском музее изобразительного искусства, Художественном музее Северной Осетии.

Три этюда о художниках — три неповторимых истории жизни и творчества. Но объединяет их главное —

все три Мастера оставили нам и будущим поколениям свой уникальный образ эпохи, образ Родины. Дальний Восток с его могучими силуэтами и красками стал местом вдохновения, вызвал в душах творцов сильное желание запечатлеть увиденное. Это желание не

угасало и в Орле, где далёкие сюжеты получали новое воплощение. Гетман, Остроушко, Ефимов — они были и останутся художниками большой страны, своей судьбой соединяя далёкие края в единое целое, показывая всем нам пример верности высокому призванию.

Список использованных источников

1. Брянская, Н. К 100-летию художника Гетмана Николая Ивановича / Н. К. Брянская. — Текст : электронный // Архивный сайт Министерства государственно-правового развития Магаданской области. *Новости*, 22.12.2017. — https://mgpr.49gov.ru/press/news/?id_4=31113.
2. Захарова, О. «Городу нужен символ» / О. Захарова // Орлов. вестн. — 2010. — 7 июля. — С. 10.
3. Золотарёва, С. Тургеневская осень в Орле / С. Золотарёва // Орлов. среда. — 2013. — 13 нояб. — С. 15.
4. Маслова, Е. На суше и на море / Е. Маслова // Орлов. среда. — 2013. — 27 нояб. — С. 15–16.
5. Мищенко, А. А. Творчество художника В. Н. Ефимова в контексте художественной жизни Камчатки во второй половине XX в. / А. А. Мищенко, А. А. Волков // К истории страны Камчатки и её жителей : материалы XXXVII Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2022. — С. 251–253.
6. Орловские художники. Диалог поколений : каталог выставки : живопись, графика, скульптура, монументальное искусство, декоративно-прикладное искусство, народное искусство / вступ. ст. Т. А. Рымшиной. — Орёл : Тип. «Труд», 2010. — 128 с.
7. Орловские художники на рубеже веков: 1939–1999 : Живопись. Скульптура. Графика. Монумент. и декоратив.-прикладное искусство. Театр.-декорац. искусство. Нар. искусство / сост. Ю. М. Тимоничев [и др.]. — Орёл : Изд-во ОГТРК : Изд-во ОРАГС, 2001. — 295 с.
8. Праскова, М. Бывшему узнику колымских лагерей, известному художнику Николаю Гетману — 105 лет / М. Праскова // Магадан. правда. — 2022. — 22 дек.
9. Рымшина, Т. А. Художники Орловского края : библиогр. словарь / Т. А. Рымшина. — Тула : Приок. кн. изд-во, 1989. — 150 с.
10. Садовский, В. Ветер перемен в Союзе художников / В. Садовский // Орлов. правда. — 2006. — 22 марта. — С. 4.
11. Хабаровский художник Леонид Остроушко // Художник. — Москва, 1964. — № 6. — С. 27.
12. Чумакова, С. Художник. Романтик. Моряк... (очерк о Л. А. Остроушко) / С. Чумакова. — Текст, изображение : электронные // Арт-галерея Романовых. — URL: www.галереяромановых.рф/всеавторы2.

Фотографии предоставлены автором (взяты с общедоступных сайтов в Интернете: <https://magadan.bezformata.com>, <http://orel-sh.ru> (Орловская региональная организация Союза художников России), а также из журнала «Художник» (№ 6 за 1964 г.) и каталога «Орловские художники. Диалог поколений» (Орёл, 2010 г.).

Материал поступил в редакцию 25.08.2023.

Сведения об авторе: Кондратенко Алексей Иванович, заведующий методическим отделом Орловского Дома литераторов, доктор филологических наук (г. Орёл).

Контактные данные: e-mail: istorik57@yandex.ru.

天 河 配

МАРКОВА ОЛЬГА ВЯЧЕСЛАВОВНА

КИТАЙСКИЕ СКАЗКИ: МИР И ЧЕЛОВЕК

Автор рассматривает китайскую сказку как закономерное звено в цепи непрерывного развития словесных художественных форм: от мифа (космогонического, теогонического, метаморфозного...), культовых элементов ранних религиозных верований (анимизм, тотемизм) до средневековой новеллы, средневекового «народного» романа, вплоть до эпических прозаических жанров Нового времени. В статье предпринимается попытка выявить специфику жанровых особенностей и поэтики китайской сказки в построении мира: пространственно-временные характеристики и архетипические черты национального характера (реалистический взгляд на мир, трудолюбие как высочайшая этическая ценность; единение, сплочённость в пределах своего социального крестьянского («народного») круга, («коллективизм» — в современном понимании), прагматизм; контрастирующее сочетание высокой поэзии и «низкого» физиологизма, натурализма в одном развёрнутом образе).

Ключевые слова: миф, анимизм, тотемизм, сказка, пространственно-временные характеристики, архетип, национальный характер, прагматизм.

Keywords: myth, animism, totemism, fairytale, spatial and temporal characteristics, archetype, national character, pragmatism.

О тдавая дань глубокого уважения предшественникам, изучавшим историю и теорию сказки, мы обратились к фундаментальным работам В. Н. Проппа [11], Э. В. Померанцевой [10]. И, конечно же, работая над статьёй о китайской сказке, невозможно было обойтись без исследований, переводов, антологий Б. Л. Рифтина [12; 13]. Так, для того чтобы собрать книгу «Китайские народные сказки» (1972 г.), он отобрал (и перевёл!) материал из более чем 20 китайских источников (они приведены в комментариях к названному сборнику).

Автор предпринимает ещё одну попытку постичь загадочный экзотический Восток, который не очень охотно приоткрывает свои тайны учёным. В своё время академик-синолог В. М. Алексеев предлагал «разрушить довольно распространённое мнение о фатальной специфичности Востока и Запада, которые-де никогда не сойдутся (референ Киплинга)... разбить узы экзотики и заменить девиз Киплинга новым: Восток есть Восток, и Запад есть Запад, но эта двойня живёт, живёт общечеловеческой жизнью и друг от друга неотделима» [1]. Его работа «Восток и наука о Востоке» была написана в 1945 году, и время показало, что «специфического» на Востоке по-прежнему много. Современную ситуацию с культурой Китая, нам представляется, лучше других выразил писатель-эмигрант Вс. Н. Иванов, сказавший, что «в Китае есть всё — и всё на свой лад!» [2, с. 193].

Сказки интересны тем, что раньше других художественных форм в составе искусства выделились из мифа. Следуя логике всемирной истории, сказки Китая должны были отразить общечеловеческие черты и вместе с тем, рождённые в давние века, когда этносы находились в состоянии большой коммуникативной разобщённости, они должны сохранить уникальность видения мира и человека, изначально присущего древним жителям Поднебесной.

О китайских мифах как о единственном и бесспорном истоке сказки говорить однозначно сложно. Согласимся с основными положениями, высказанными исследователем древнейшей культуры Китая М. Е. Кравцовой [4, с. 149–150]: «китайская мифология относится к числу остродискутируемых в науке вопросов»; целостная мифологическая картина мира в Китае не сложилась; дошедшие до нашего времени фрагменты являют собой «осколки» из разных эпох и разных регионов Древнего Китая (когда он ещё не был единой страной, населён был разными этносами); нет в этой мифологии единого небожителя-демиурга, многие древние божества в разных версиях мифов наделены разными функциями; наконец, только в китайской мифологии наблюдается «эвгемерическая тенденция, под которой в китаеведении понимается обратный теории Эвгемера процесс: преобразование

исходно мифологических повествований в достоверную по внешности историю... архаические божества превратились в легендарных государей и героев древности...» [4, с. 150]. За этими процессами «историизации» сложно разглядеть первоначальные мифообразы или реконструировать их.

Отыскивая истоки мифа во времени, согласимся с версией Б. Л. Рифтина о существовании четырёх составляющих начал: «древнекитайской мифологии», даосской, буддийской и поздней народной мифологии [7, с. 652]. На появление оригинальной китайской сказки, безусловно, в большей мере повлияли «древнекитайская» (XIV–XI вв. до н. э.) и «поздняя народная» (VIII–VII вв. до н. э.).

Крайне редко представляется возможность наблюдать процесс и характер превращения, «перехода» мифа в сказку. У нас же такая возможность есть: существует широко известный космогонический миф о Ткачихе и Пастухе (приведён в книге М. Е. Кравцовой [4, с. 176]) и вошедшая во многие сборники сказка «Волопас и Ткачиха» [3, с. 294–304].

Миф краток и поэтичен: небесная Ткачиха полюбила земного юношу-пастуха. Небесному дворцу предпочла скромные земные радости супружества и материнства. Разгневались боги: заставили её вернуться домой и вместе с другими шестью сёстрами продолжать ткать небесный покров. Пастух пытался вернуть любимую жену, добрался до неба, но злые силы не дали им соединиться — они оказались по разные стороны Небесной реки (Млечного Пути). Но горе любящих супругов было столь велико, что боги сжалились над ними и разрешили быть им вместе один день в году (7-й день 7-го месяца). Слетаются сороки, создают «живой» мост, на котором и встречаются Пастух и Ткачиха. Миф не допускает никаких отвлечений на частности.

И вся эта история создана для того, чтобы «объяснить» сияющие ярче других на ночном небе звёзды Вега и Альтаир, расположенные западнее и восточнее Млечного Пути. На том этапе познания мира древним китайцам всё представлялось разумным и гармоничным, и они искренне верили в такое объяснение. А как компактно свёрнута «информация»! Во-первых, закреплены некие эмпирические знания (очевидно, ежегодно 7 июля наблюдается астрономическое явление, предположим, названные звёзды «сближаются»). Во-вторых, древние догадывались о существовании идеальных, виртуальных миров (жизнь небожителей). В-третьих, просматриваются мотивы анимистических верований («сорочий мост»), а сороки не случайно становятся символом семейного счастья, благополучия.

Сказка появляется значительно позднее, и у неё другое предназначение. Сюжет о Пастухе и Ткачихе — древнейший из дошедших до нашего времени, впервые запечатлён в китайской поэзии начала новой эры. Но история столь поэтична, что пошла в народ, и в устной традиции со временем

основной сюжет мифа обрастал дополнительными мотивами, фабульно «ветвился», появлялись новые герои — всё это представлялось более важным, «жизненным», нежели далёкие звёзды. Начинается всё с повествования о жадном и ленивом старшем брате, о тяжёлой доле младшего. Появляется чудесный вол — устроитель судьбы младшего брата (вплетается один из «бродячих сюжетов» — о помощи прирученного домашнего животного (о Коте в сапогах, например, в европейской традиции)). (Из глубин памяти «всплывают» элементы анимизма и тотемизма!) Подчёркнута социальная значимость справедливости: осуждается поведение старшего брата и одобряется — младшего. Далеко не сразу в сюжет социально-бытовой сказки вплетается волшебномифологическая канва. Волшебный вол сообщает хозяину о внучках Си-ван-му (а это уже отсылка к мифическому (теогоническому) образу загробного мира — хозяйке Запада). И в самом конце сказки узнаём о Небесной реке, разлучающей мужа и жену. Высокая поэзия и краткость мифа уступают здесь место детальному описанию средневекового крестьянского быта с его тяжёлым трудом на поле с плугом, сохой, старой телегой и старым волом. Активное внимание слушателей поддерживается постоянным введением неожиданных занимательных сюжетов, событий: не успел герой и глаза прикрыть, как Ткачиха, вытащив из «расшитого кошелька узорчатый платок», дом построила в открытом поле; три испытания необходимо преодолеть Волопасу, чтобы выволить жену: уговорить Золотого льва, Серебряного льва, самого чёрта.

Структура и композиция сказок не были жёстко формализованы или строго ограничены объёмом содержания или временем развёртывания, что позволяло рассказчикам «далеко уходить» от сюжета первоначального мифа и довольно, на наш взгляд, произвольно, свободно образовывать «цепочки» сказочных мотивов, беря их из общей сокровищницы сказок.

Эта свобода повествования оказалась возможной только в сказке, потому что она создавалась за рамками письменной художественной традиции, которая в Китае во всех литературных жанрах была жёстко регламентирована, веками подчинена единым канонам. Иными словами, народное творчество существовало как бы в иной реальности, параллельно письменной литературной традиции.

Где-то в «досказочный» и, скорее всего, в дописьменный период из мифа начинают выделяться и последовательно оформляться ранние религиозные верования: анимизм, тотемизм, фетишизм, включающие в себя, как и миф, богатейшую образность. На этом этапе своей истории «обживания и познания» мира у китайцев общечеловеческое явно преобладает над этнически оригинальным. Так, никакого «стихийного атеизма», который им позднее приписывают

культурологи, у китайцев в это время нет. Элементы ранних религиозных верований хорошо сохранились в сказках.

Анимизм древних китайцев наивен, бесхитроуствен и прост: окружающий мир одухотворён, живёт по единым с человеком законам, поэтому и относиться к нему нужно «по-человечески» — с добром, сочувствием, и он обязательно ответит (отплатит) так же. Старик спасает умирающую от голода змейку, и она «отблагодарила» — сбросила старый хвост, из которого сыплются монеты (сказка «Как собака с кошкой враждовать стали»). Мать дровосека спасает тигрицу, которая «окотиться не может, у неё все кишки вылазили», — и тигрица сыну невесту на спине притащит, в суде за них заступится, от врагов город защитит («Благодарная тигрица»). Злая колдунья загрызла у старушки телёнка, и ей помогают одолеть колдунью братец шило, сестрица колючка, тётушка куриное яичко, тетушка лягушка, братец коровий навоз, дядюшка каменный каток («Сказка про телёнка-пестрёнка»). Здесь видим такое трогательное родство со всем миром, все они — одна семья, дядюшки и тетушки...

В связи с тем, что китайцы раньше многих народов мира перешли от примитивного природопользования (охота) к земледелию, тотемизм у них представлен не столь мощно и развёрнуто, как, например, в европейских сказках. (О тотемизме как главном источнике европейской сказки пишет Ю. М. Нагибин [см. 9, с. 4–26].) Но о том, что жители Поднебесной в давние времена зависели от своих сильных и грозных покровителей, почитали их, поведуют сегодня сказки, в которых тотемные животные принимают участие (Огненный тигр, царь Удав, Рыба-оборотень, матушка Чёрная рыба, Карп — сын царя драконов, Змей-жених), правда, как герои второго плана, проходные фигуры.

Специфика проявления китайского тотемизма (в отличие от его присутствия в европейских сказках) сказалась в том, что он обусловил появление в древнем фольклоре не столько героических персонажей-мужчин, сколь многочисленный ряд прекрасных женских образов. Нам представляется интересным суждение Б. Л. Рифтина по этому поводу: «Очень распространены у китайцев сказки о чудесной жене. В сказке «Волшебная картина» герой женится на деве, сошедшей с картины, в другой сказке женой оказывается дева-пион, в третьей — Нефритовая фея — дух персикового дерева, в четвёртой — девушка-лотос, в пятой — девица-карп. Древнейшая основа всех этих сказок — брак с тотемной женой. Женидьба на деве-тотеме мыслилась в глубочайшей древности как способ овладеть природными богатствами, которыми они якобы распоряжались. Яснее всего эта древняя основа проглядывает в сказе «Женьшень-оборотень», героиня которого — чудесная дева — указывает любимому место, где растёт целебный корень... Брак с тотемной девой часто

и легко расторгается из-за нарушения каких-либо брачных запретов» [12, с. 11]. (У нас некая аналогия просматривается в сказках П. П. Бажова о Хозяйке Медной горы.)

Из тотемных зверей чаще других в сказках появляется тигр. «Согласно древним воззрениям, тигр как тотемный зверь имел право на брачные отношения с людьми своего племени... Сюжет о тигре, который взял в жены женщину, был популярен...» [12, с. 8]. Тотемизм во время рождения подобных сказок был уходящей формой верований. Образы тотемных животных всё чаще используются в утилитарных целях. «Тигр почитался китайцами как царь зверей... в Китае специально шили обереги — мешочки или подушечки для ароматных и лекарственных трав, чаще всего им придавали форму тигра. Считалось, что тигр оберегает детей от гадов и ядоносков... Причем на лбу у игрушечного тигра непременно рисовали тушью знак “ван” — “царь”» [12, с. 8].

Основные составляющие элементы в картине мира любого народа — это пространственно-временные ориентиры. Их этническая специфика чётко просматривается в соотносённости сопредельных культур, в данном случае представления китайцев интересно сравнить с представлениями русских, какими они являются в народных сказках. При этом обнаруживается как сходство, так и различие.

В русских сказках первозданный мир огромен, безграничен, не обжит и порой пугающий: события происходят «далеко-далеко», «за синими горами, за тёмными лесами», «в тридевятом царстве, в тридесятом государстве». Всё это порождает настроения таинственные, мистические, иррациональные. И вместе с тем это «далеко-далеко» разгоняет ужас оцепенения от всего пугающего, как если бы это случилось «здесь» и «сейчас», учит человека бесстрашию.

В китайских сказках мы нашли несколько видов организации места действия / пространства. Во-первых, ощущается громадность и неизведанность «большой» своей земли, и тогда пространство оформляется по «русскому» типу: «в каком краю, не ведаю...», «лежит в неведомом краю степь...» (заметим, степь как место действия — крайне редкое явление), «в неведомом краю лес, густой, дремучий...». Это указание на «неведомое» в китайских сказках уже превратилось в устойчивую поэтическую формулу.

Более значимым местом действия для жителей Поднебесной представляются горы: «высилась громадная гора...», «у подножия высоких гор», «есть на свете гора — Обитель бессмертных...», «в маленькой деревушке на склоне горы...». И это не удивительно, горы особым образом организуют пространство, создают динамичный пейзаж, побуждают людей к фантазиям, магии, художественно-образному мышлению. (Вспомним, какие «неизгладимые» мощные впечатления пробудил Кавказ у наших русских поэтов: Пушкина, Лермонтова, Волошина и т. д. Кавказские горы

контрастировали с несколько статичным однообразным равнинным среднеазиатским ландшафтом.)

Китайцы, в большинстве своём, постоянно проживая и работая на полях, на земле-кормилице, в искусстве отдали свои предпочтения прежде всего красоте гор, с их мощью, таинственностью. Мистическое преклонение перед необъятностью и могуществом природы выразилось именно в почитании гор. Даже слово «пейзаж» («шаньшуй») переводится как «горы и воды», одновременно также называется ведущее направление в пейзажной живописи.

В отличие от гор, «воды» упоминаются в сказках значительно реже: «на берегу бескрайнего моря», «на берегу Восточного моря»... И этому есть жизненное объяснение: море омывает Поднебесную только с востока, великие реки уже давно укрощены дамбами, плотинами, каналами (загадочного и поэтического осталось меньше). Вот в официальной философии мудрецов соотносённость «гор» и «вод» иная: они воплощают равноценные начала «Инь» и «Ян» (женское и мужское). В сказках же отразилось народное миропонимание, не всегда совпадающее с философскими доктринами.

И, наконец, в сборниках представлены сказки, в которых мир «оконтурен», он как бы охвачен целостно единым взором (с высоты птичьего полёта, с высокой вершины), запечатлён единым сознанием. Этот мир хорошо обжит: исхожен тропами охотников, воинов, крестьян, монахов, поэтому здесь не может быть места действия, подобно нашему «ни на небе, ни на земле...». Пространственная конкретизация — заметная особенность сказок, записанных в восточной провинции Шаньдун: «есть в горах Ишань огромный водопад...», «есть в горах Ишань два места...», «есть в провинции Шаньдун уезд Линьцзы, так вот в южной его стороне...», «есть близ города Чжаочжу два моста...». Это оказалось возможным, потому что здесь сложился по-своему автономный, «оконтуренный» мир: Шаньдун — древнейшая культурная провинция, её столицу, город Цзинань, мы найдём на картах 3000-летней давности (и в 70 км находится родина Конфуция (5 в. до н.э.)). Таинственный флёр здесь снят, и современники при желании могут побывать в «сказочных» местах. Названное обстоятельство обусловило прагматичный, более рациональный взгляд на мир.

Подобным образом художественное пространство выстроено в сказках этносов, издавна проживающих на небольшой территории, где в течение веков была обжита и изучена каждая пядь родной земли, например у китайских соседей — корейцев. Поэтому, можно сказать, что сказки Шаньдунской провинции построены по «корейскому типу» [7, с. 79–83].

Вообще, интересно проследить за «взглядом» древнего китайца, охватывающим пространственные дали: вначале —

космос, мироздание (в космогонических мифах о Пань-гу, Фу-си, Нюй-ве; о звёздах Вега и Альтаире («Ткачиха и Пастух»); затем — в сказках луч сужается: мы обозреваем безграничные просторы «шаньшуй» (гор и вод) родной страны («в неведомом краю, может, далеко, там, где небо с землею сходятся...»). И, наконец, луч останавливается в одной точке конкретного ландшафта, пейзажа, что происходит в позднейших сказках и перейдёт в новеллы. Итак, логика развития: от общего (великого) к частному (локально конкретному).

Обживаемое пространство («местожитие», по Л. Н. Гумилёву) китайцы в сказках фиксируют очень скупой, прагматично, в той мере, в какой оно необходимо для их существования: «В неподручном месте стоит наша деревня. Пойдёшь на запад — высокие горы, свернёшь на восток — бескрайнее море...» («Семеро братьев»). Братья-богатыри отодвинули горы. Вышел старик-отец на утро: «...на все четыре стороны равнина простирается, чёрная земля блестит — не рыхлая, не вязкая, не влажная, не сухая... Негоже такую хорошую землю пустой оставлять, надобно на ней злаки разные посеять...» Куда чаще природа показана ещё враждебной стихией, которую нужно преодолевать, побеждать. Редко и скупой одаривает она жителей Поднебесной. Чаще всего уходят они в горы камень рубить, хворост собирать и вздыхают: «бедная гора, тощий хребет». Прозаично и буднично рассказывают крестьяне о своих краях, им недосуг любоваться красотами: «ветер дует, солнце печёт, пот глаза заливают, во рту сухо да горько...» («Сад нефритовой феи»).

И только немногим положительным героям, выражающим народные чаяния (Тянь-тай, матушка-волшебница («Портрет девушки из дворца»)), дано видеть красоту мира: «...везде в Поднебесной зеленеет трава, расцветают цветы, везде люди должны жить счастливо...» Мысль о красоте мира очень неожиданно переплетается с мечтами о счастье, справедливости. Задолго до нашего Фёдора Михайловича древние мудрые китайцы верят в гармонию: «Красота спасёт мир».

Фрагменты пейзажа, фиксация отдельных его элементов: персикового дерева (цветущего или покрытого плодами), изумрудной зелени тутового листа, озера, покрытого лотосами, встречаются крайне редко, скорее всего, в более поздних сказках («Портрет девушки из дворца»). Сказителей-крестьян в большей мере поражала рукотворная красота городского «пейзажа», экзотического для них: пагоды, дворцы, мостики и галереи, изукрашенные искусной резьбой. Истинный же (природный) пейзаж был передоверен живописи, а в литературе — поэзии. Поэты в Древнем Китае никогда не были выходцами из крестьянства, а только из чиновничьего или дворянского звания, у многих из которых преобладало стремление уйти от суетного мира в «отшель-

ничество», жить в истинной гармонии с природой. Так, уже в III–IV веках появляется прекрасная философско-пейзажная лирика, например у Тао Юэнь-мина «Возвращение к садам и полям», «Персиковый источник» и другое.

Ещё в эпоху первозданных мифов у китайцев сложилась интересная символика сторон света: запад соотносился с краем смерти, гибели, увядания, забвения; север — место, где происходит накопление сил, сакрального знания, холода, смерти; восток — земля, где рождается весна, новая жизнь, обновление; юг — самое почитаемое направление, которое ассоциируется с солнцем, летом, счастьем, исполнением желаний... В сказках встречаются отсылки к этой архаичной картине мира.

Культурные архетипы китайцев приоткрываются в мифах, сказках, анекдотах как первичных формах культуры, определяющих специфику дальнейшего развёртывания жизни народа и основных черт национального характера.

Специфичен в китайских сказках социальный отбор героев, мы заметили несколько особенностей: при великом почитании верховных небожителей, небесных покровителей — не найдём здесь земных владык — императоров, тогда как в сказках народов мира участие царей, королей, падишахов — обычное явление. Социальный статус сильных мира сего не поднимается выше деревенского богача, купца, судьи. Что это? Некий архаичный демократизм? Небожители представлялись в волшебных сказках более реальными персонажами, чем император Поднебесной.

Не найдём в китайских сказках и сюжетов, в которых главными действующими лицами были бы дети. (Вспомним европейские сказки и их героев: Мальчика-с-пальчик, Красную Шапочку, Белоснежку, и русские сказки «Маша и Медведь», «Три медведя», «Морозко» и т. д.). Неким исключением является сказка «Пять сестёр», но в ней иные акценты. Отсутствие культа детей, возможно, в какой-то мере объясняется вечной «многолюдностью» Китая: в бедных крестьянских семьях лишней рот считался скорее обузой. Да и по праву наследования всё доставалось только старшему сыну. Удел младших детей — всю жизнь батрачить на старшего брата. Для сравнения: в сказках народов Севера ребёнок — величайшая ценность, дар богов (в суровых условиях вырастить ребёнка — чрезвычайно сложно, поэтому сказок о детях много у эвенов, нанайцев, чукчей и т. д.).

Говоря о героях китайских сказок, в качестве доминирующей черты национального характера следует отметить особенное отношение китайцев к труду. Трудолюбие как основа жизнеустройства — важнейшая этическая ценность любого народа, но у китайцев она явно гипертрофирована: эстетизации труда порой подчинены все остальные составляющие художественности. Так, тщательное, скрупулёзное описание всех основных технологических, производственных

процессов основных видов ремёсел приведено в сказке «Пять сестёр». Подробнейшим образом сказитель поведал о том, как выращивать рис, кормить тутового червя, ткать шёлк, собирать лекарственные травы и пр. Это прежде всего гимн труду! Всё остальное уходит на второй план. Только китайская фея-«небожительница» чинит ночами своему возлюбленному (юноша каменотёс) рукавицы и изодранную обувь, заведомо нарушая заповеди: ей угрожает за это утрата молодости и красоты («Фея Персикового дерева»). Небесная Ткачиха, получив возможность встретиться с любимым мужем один раз в году, спешит перешить накопившуюся за год грязную посуду (365 котлов) и перестирывать всю одежду («Волопас и Ткачиха»); в поте лица трудятся все тотемные девы-жёны: строят дома, разводят сады, бесконечно ткут шёлк.

Наиболее развёрнутый и поэтичный вариант образа девы-труженицы представлен в сказке «Мимоза», выросшей из метаморфозного мифа о превращении неверного юноши в стыдливое, смущающееся деревце: «Очень трудолюбивой была Дева-лотос. Днём шелкопрядов кормит, тутовые деревья сажает. А ночью при свете лампы шёлк ткёт. Прошёл год, другой, третий. Из тех сосновых веток, которые Дева-лотос в горах понатыкала, большие сосны выросли, из тутовых ветвей тёмно-зелёные туты поднялись — все горы вокруг зелёными стали. Зелёный шёлк, который дева ткала, в сверкающее хрустальное озеро превратился. В тёмно-зелёной роще разноцветные бабочки порхают, на нежно-зелёном озере лотосы распускаются...» Расплата за такой труд тяжела: «Приметил юноша, что уже не так прекрасна Дева-лотос, как прежде. Не так блестят её чёрные волосы. Розовое личико не так сияет. Спрашивает её юноша: «Не от работы ли да заботы состарилась ты рано?»» [3, с. 87]. Сравним героиню русской сказки Василису Премудрую: хлопнула в ладоши — прибежали мамки-няньки, всё чудесным образом исполнили. Так мы и мечтаем до сих пор о фантастически «облегчённом» труде.

И совершенно немыслим в китайских сказках мужской персонаж типа нашего Емели на печи или Ивана-дурака, которому волшебным образом (без труда!) сыплются все благоденствия. Герой китайских сказок боевым схваткам (чаще всего) с чудищами за освобождение невесты предпочтёт свой привычный труд землепашца, рыбака, каменотёса, собирателя хвороста.

В Древнем Китае, очевидно, не так много было битв с внешними врагами, негде было мужчинам показать свою удаль, защищая свой народ, поэтому и не сложились сказки, подобные нашим героическим былинам. Всё лучшее в китайском человеке было сосредоточено в его труде, мастерстве, ремесле. И народ сохранил память о замечательных мастерах: «Лу Бань считается первым учителем плотников... Не забыли люди, что это Лу Бань построил чжаочжоусцам

Большой каменный мост, и по сей день мальчишки-пастухи распевая о нём песни» («Чжаочжоуский мост»). Лу Бань почитается китайцами как мифологический культурный герой, научивший их плотничать. (Удивительное смешение времени: архаического мифологического, в котором обитают культурные герои, и эпохи средневекового города, населённого талантливыми мастерами.)

Существующие типы сказок призваны отразить разные стороны жизни человека, его отношений с природой, социумом. Основные разновидности сказок у китайцев такие же, как и у других народов мира: сказки о животных, волшебные, бытовые, нравоучительные, авантурные, сатирические и пр. Заметим, что единой классификации сказки и её жанровых подвидов пока не существует. Так, по крайней мере, утверждают современные учёные. Своеобразие же словесных фольклорных форм в Китае заключается в размытости жанровых границ: сказки о животных вобрали в себя черты поздних нравоучительных и сатирических; волшебные — переплелись с бытовыми; во всех сказках мы найдём фрагменты или мотивы мифов (космогонических, теогонических, календарных, метаморфозных и пр.). Позднее появившиеся в Китае «анекдоты» напоминают наши краткие нравоучительные сказки. В средневековой китайской новелле также найдём вставные сказочные фрагменты, да и в китайских народных романах встречаются отсылки к сказкам или их целые эпизоды.

Сказки о животных относятся к самым древним, первым выделившимся из мифов. Обычно они очень кратки, представляют собой вопрос о необычных особенностях внешности или повадках того или иного животного: «Почему у слона длинный хобот?», «Почему у бурундука три полоски?» и т. д. И предполагают столь же краткий ответ: любопытного слонёнка схватил крокодил и вытянул ему нос; бурундука, который полез за мёдом, хватил когтями медведь... Эти сказки отразили ранние этапы осмысления мира людьми, когда объект ещё в целом не постигался, вычленились лишь какие-то необычные, яркие его детали. У китайцев таких сказок, собственно, нет. Причину их отсутствия объяснил Б. Л. Рифтин: «Развитие сказок о животных у них приостановилось, видимо, ещё в древности... Малочисленность сказок о животных в Китае, пожалуй, связана с чрезвычайно ранним переходом китайцев к земледелию и забвением охотничьего промысла, а также с бедностью фауны в Китае, где в густонаселённых районах нет невозделанных земель, а уж лесов и подавно» [3, с. 7].

Тем не менее Б. Л. Рифтин в своём сборнике набирает целый раздел сказок о животных из восьми произведений, хотя по сути они таковыми не являются: они по своей структуре, содержанию и времени возникновения значительно ближе к средневековым нравоучительным сказкам, в которых

за личиной зверя угадываются персонажи средневекового города или деревни. Мыши ведут себя как болтливые подружки, любительницы полакомиться в гостях; сосна завидует дружбе черепахи и тигра и всячески пакостит им, сплетничает, стравливает их; мышь коварна и необязательна в дружбе; сороконожка любопытна и повсюду суёт свой нос; петух глуп, дал обмануть себя дракону и т. д. Структура таких сказок многосложна и может включать несколько сюжетных линий. В финале часто звучит нравоучение о том, что сила в единстве: юноша позвал людей с топорами, «принялись тут все дружно за работу и повалили старую сосну» («Про сосну, черепаху и тигра»).

Характер героев хорошо «просвечивается» в стиле их языка и мышления. Уже в китайской сказке можно увидеть удивительное смешение «высокого» и «низкого». К откровенным физиологизмам можно отнести «брatца коровий навоз» (персонаж сказки о телёнке-пестрёнке); гора навоза закрывает вход в волшебную пещеру; тигрица «никак окотиться не может, кишки из неё повылазили... тут и помереть недолго. Спасти тигрицу можно, только надобно таз с вином принести, плеснуть на кишки вином, а потом тихонечко да легонечко в чрево их вложить» («Благодарная тигрица»); «вор со страху в штаны напустил», трусливый тигр «обмочился со страху» («Как тигр кап-капа испугался»); «выклевали птицы злой невестке глаза» («Сказка про младшего брата») и т. д. И представляешь сразу сказителя эдаким хитроватым, грубоватым пожилым крестьянином. И вместе с тем сколько высокой поэзии в волшебных сказках! Вот влюблённые,

летающие под цветком-зонтиком под облаками («Мимоза»), как на картинах у М. Шагала; описание столицы в праздник фонарей («Лис-оборотень»); умирающий от любви юноша Чжу-цзы («Волшебная картина»). Сказитель утончённых волшебных сказок — кто он?..

А каких только волшебных предметов не создала фантазия прагматичного, в общем-то, народа! Здесь и чудесный веер, и летающая циновка, и волшебный кнут, и «шляпа, которая по небу летала, и мотыжка, которая серебро копала»; напёрсток, лотос-цветок, запирающий горы; персик долготетия, хвост змейки, из которого сыплются монеты...

Мы рассматриваем китайскую сказку как закономерное звено в цепи непрерывного 3000-летнего развития словесных художественных форм: от мифа (космогонического, теогонического, метаморфозного), культовых элементов ранних религиозных верований (анимизм, тотемизм) до средневековой новеллы, средневекового народного романа, вплоть до эпических прозаических жанров Нового времени.

В статье предпринимается попытка выявить специфику жанровых особенностей и поэтики китайской сказки в построении мира: пространственно-временные характеристики и архетипические черты национального характера («реалистический» взгляд на мир, трудолюбие как высочайшая этическая ценность; единение, сплочённость в пределах своего социального крестьянского («народного») круга («коллективизм» — в современном понимании), прагматизм; контрастирующее сочетание высокой поэзии и «низкого» физиологизма, натурализма в одном развёрнутом образе).

Список использованных источников

1. Алексеев, В. М. Китайская литература : избранные труды / В. М. Алексеев. — Москва : Наука, 1978. — 595 с.
2. Иванов, Вс. Н. Китай на свой лад : [Китай глазами писателя] / Вс. Н. Иванов // Дальний Восток. — 1996. — № 1. — С. 193–205.
3. Китайские народные сказки / пер. с кит. Б. Л. Рифтина. — Москва : Худож. лит., 1972. — 335 с.
4. Кравцова, М. Е. История культуры Китая : учеб. пособие / М. Е. Кравцова. — Санкт-Петербург : Лань, 1999. — 416 с.
5. Кравцова, М. Е. Поэзия Древнего Китая : опыт культурологического анализа. Антология художественных переводов / М. Е. Кравцова. — Санкт-Петербург : Центр «Петербург. востоковедение», 1994. — 544 с.
6. Культурология. XX век : энциклопедия : в 2-х т. Т. 2 : М – Я / гл. ред., сост. и авт. проекта С. Я. Левит. — Санкт-Петербург : Унив. кн. : Алетейя, 1998. — 446, [2] с.
7. Маркова, О. В. Мир и человек корейских сказок в современном диалоге культур / О. В. Маркова, И. В. Пилипенко // Современные проблемы социально-культурного сервиса и туризма : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 5-летию каф. «Социально-культурный сервис и туризм», 27–28 марта 2008 г. / Дальневост. гос. ун-т путей сообщения ; под ред. А. С. Брейтмана. — Хабаровск, 2008. — С. 79–83.
8. Маркова, О. В. Национальные литературы в межкультурной коммуникации (из опыта изучения литературы Китая и России) / О. В. Маркова // Этномиграционные процессы на Дальнем Востоке : матер. Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Хабаровск, 27–28 окт. 2017 г.) / ДВГУПС, ДВ ин-т психологии и психоанализа. — Хабаровск, 2017. — С. 207–215.
9. Нагибин, Ю. М. О сказках и сказочниках / Ю. М. Нагибин // Литературные сказки зарубежных писателей. — Москва, 1982. — С. 3–26.
10. Померанцева, Э. В. Судьбы русской сказки / Э. В. Померанцева. — Москва : Наука, 1965. — 220 с.
11. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Ленинград : Изд-во Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1946. — 340 с.
12. Рифтин, Б. Л. Герои и сюжеты китайских сказок / Б. Л. Рифтин // Китайские народные сказки. — Москва, 1972. — С. 5–24.
13. Рифтин, Б. Л. Китайская мифология / Б. Л. Рифтин // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2-х т. Т. 1 : А – К. — Москва, 1980. — С. 652.

Материал поступил в редакцию 01.09.2023.

Сведения об авторе: Маркова Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Дальневосточного государственного медицинского университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: olga2447@bk.ru; тел. 8-924-307-66-46.

НИКИТИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

СЛУЖИТЬ ТАЛАНТУ (из истории деятельности Дальневосточного отделения Международного благотворительного фонда «Новые имена»)

Данная статья посвящена истории становления Дальневосточного регионального отделения Международного благотворительного фонда «Новые имена», его деятельности в период 1992–1993 годов, организации и проведению Международного фестиваля «Новые имена планеты» с участием президента фонда «Новые имена» И. Н. Вороновой. В статье названы основные направления работы ДВРО МБФ «Новые имена» в последующие годы.

Ключевые слова: Дальневосточное региональное отделение Международного благотворительного фонда «Новые имена», фестиваль «Новые имена планеты», направления работы ДВРО МБФ «Новые имена».

Keywords: Far Eastern Regional Branch of the “New Names” International Charitable Foundation, “New Names of the Planet” festival, areas of work of the Far Eastern Regional Branch of the “New Names” International Charitable Foundation.

Продолжение. Начало в № 1 (34) / 2023 г.

Подготовка второго этапа Международного фестиваля, который получил название «Новые имена планеты», началась с декабря 1992 года. ДВРО МБФ «Новые имена» необходимо было проделать большую подготовительную работу: создать экспертный совет из лучших специалистов региона в области искусства, провести в краях и областях региона отбор детей и коллективов, заключить договоры с представителями власти субъектов РФ, заручиться их поддержкой в деле поиска дальневосточных талантов и организации их участия в международном фестивале. А требования к участникам фестиваля были весьма жёсткими. Эти требования были заявлены фондом «Новые имена», согласно которым ребёнок или подросток, желающий участвовать в конкурсах и концертах «Новых имён», должен соответствовать художественному и профессиональному уровню, образцом которого были аудиозаписи на дисках с выступлениями отобранных фондом музыкантов-исполнителей, рисунки, литературные работы, представленные в изданиях фонда. Претенденты на звание «Нового имени» должны были обладать ярко выраженным дарованием и хорошей профессиональной выучкой.

Было разработано Положение о фестивале «Новые имена планеты» на двух языках — русском и английском, который должен был состояться в мае 1993 года. Положение было разослано в края и области Дальневосточного региона, а также в страны АТР.

Учредителями регионального фестиваля выступили:

- ДВРО МБФ «Новые имена»;
- Хабаровское отделение Российского фонда культуры;
- краевой совет народных депутатов;
- комитет по культуре администрации Хабаровского края;
- Центр эстетического воспитания детей г. Хабаровска.

В Положении о фестивале были обозначены его цели и задачи. Главная цель фестиваля — открытие талантливых детей, подростков, молодых людей, ярко проявляющих себя в сфере художественного творчества, создание благоприятных условий для раскрытия таланта путём устранения политических, расовых и религиозных барьеров.

Фестиваль ставил следующие задачи:

- содействовать развитию международного сотрудничества в сфере художественного творчества на благотворительной основе;
- внедрять в художественно-педагогическую практику передовые методы и технологии;
- обмениваться опытом художественного воспитания и профессионального обучения детей и подростков, имеющимся в странах АТР.

Главной темой фестиваля была тема «Святые моего народа», которая нашла выражение в содержании творческих работ учащихся, репертуаре, художественном материале. Раскрытию этой темы способствовало обращение участников фестиваля к высочайшим духовным и материальным ценностям того народа, который они представляли.

Был создан экспертный совет фестиваля, в который вошли исполнительный директор ДВРО МБФ «Новые имена», кандидат искусствоведения Алексей Никитин, главный дирижёр Дальневосточного симфонического оркестра, заслуженный деятель искусств Виктор Тиц, художественный руководитель Хабаровской краевой филармонии Вячеслав Соболевский, директор Хабаровского театра музыкальной комедии¹ Юрий Тихонов, заведующий кафедрой хореографии Хабаровского государственного института искусств и культуры Владимир Абрамов, руководитель Дальневосточного ансамбля «Дальний Восток» Сергей Осадчий, поэтесса Тамара Чинарёва, режиссёр Виктор Паршуков, заместитель председателя Хабаровского отделения Российского фонда культуры Нина Терентьева, ведущие преподаватели Дальневосточного государственного института искусств: заведующий кафедрой струнных инструментов, профессор Феликс Кальман, заведующий кафедрой специального фортепиано, доцент Борис Якимович, доцент кафедры сольного пения Галина Алексейко, доцент кафедры духовых инструментов Виктор Колин, директор Биробиджанской детской художественной школы Дмитрий Алексейцев. В работе экспертного совета фестиваля принял участие преподаватель Центральной музыкальной школы (г. Москва), пианист Юрий Левин. Многие члены экспертного совета вошли в состав жюри конкурсов фестиваля.

Готовясь к фестивалю, я и Людмила Ивановна Никитина в 1993 году побывали на Сахалине, в Приморском крае, Еврейской автономной и Амурской областях, где заключили договора с управлениями культуры о сотрудничестве, высказали свои рекомендации по отбору детей и работе с ними.

Мы совершили поездку в Китайскую Народную Республику, в г. Харбин, где пригодились связи, налаженные в 1991 году с директором Харбинского центра развития детей и юношества Лю Чжон Шаном, с которым заключили договор о сотрудничестве, договорились об участии юных художников в конкурсе фестиваля и об обмене делегациями.

Весьма плодотворными были административные и творческие контакты с президентом фонда «Юные дарования Сахалина» Мариной Доровской, руководителем краевой

¹ *Ныне Хабаровский краевой академический музыкальный театр. — Ред.*

детской картинной галереи в г. Владивостоке Ириной Ерошкиной и директором негосударственного образовательного учреждения «Вайс-колледж» (г. Владивосток) Александром Руденко, который с 1992 года стал по своей инициативе проводить в Приморье фестивали художественного творчества детей и юношества и сотрудничать с нами.

Фестивалю предшествовал отборочный конкурс, который состоялся в марте 1993 года в Хабаровске и проходил по следующим видам художественного творчества:

- музыкальное исполнительство (фортепиано, скрипка, духовые и народные инструменты, вокал);
- живопись;
- прикладное искусство;
- литературное творчество;
- хореография;
- эстрадно-исполнительское искусство;
- театр.

Возраст участников конкурсов был от 7 до 20 лет. В вокальном конкурсе возрастные рамки были шире — до 22 лет. Конкурсы проходили по двум возрастным группам: первая группа — 9–13 лет, вторая — 14–18 лет.

Конкурсы у музыкантов-исполнителей проходили в два тура. У пианистов в первом туре исполнялись полифоническое произведение, этюд, кантилена и обязательное произведение, специально написанное для конкурса («Токката» дальневосточного композитора Александра Новикова); во втором туре исполнялся концерт с Дальневосточным симфоническим оркестром. У скрипачей конкурс проходил в три тура в старшей возрастной группе. В первом туре исполнялись этюд, две части классической сонаты, виртуозная пьеса. Во втором — две части сюиты И.-С. Баха и кантилена. В третьем было исполнение концерта с симфоническим оркестром (1 часть или 2 и 3 части).

У вокалистов конкурс проходил в один тур: академисты исполняли романс или арию и народную песню, вокалисты-народники — две народные песни, лирическую и шуточную.

Конкурс художников и прикладников проходил в два тура в трёх возрастных группах: 7–9 лет, 10–14 лет и 15–18 лет. В первом туре художники представляли работы в разделах: «Живопись», «Графика», «Книжная графика». Прикладниками в первом туре демонстрировались работы в различной технике, преимущественно керамические. Во втором туре художникам и прикладникам давались студийное задание на конкретную тему, образ и ограниченное время (2 часа) для выполнения работы.

В конкурсе танцоров принимали участие три возрастные группы: 10–12 лет, 13–14 лет и 15–18 лет. Конкурсы проходили по классическому, народно-сценическому танцу, джаз-модерну в два тура, в которых участники показывали четыре танца. В номинации «Классический танец» в первом

туре показывался классический и характерный танцы, во втором туре — классический и народный танец.

В номинации «Народно-сценический танец» в обоих турах показывались два разнохарактерных народных танца. В номинации «Джаз-модерн» в первом туре демонстрировались два разнохарактерных композиции, во втором — импровизация на заданную музыку.

Литературный конкурс проходил в два тура. В первом туре участники должны были представить рукопись рассказа или повести на тему фестиваля объёмом 10–12 страниц текста, в поэтическом конкурсе — представить не менее восьми стихотворений. Во втором туре и тем и другим давалось задание на определённую тему.

В конкурсе эстрадно-исполнительского мастерства было два направления:

- 1) «актёрское мастерство» (сценическая миниатюра, реприза, эстрадный монолог, пантомима);
- 2) «художественное чтение» (проза, поэзия, монолог, литературная композиция).

В конкурсе участвовали дети двух возрастных групп: 10–14 и 15–18 лет. Конкурс проходил в один тур.

После отборочного конкурса количество участников регионального конкурса по номинациям определилось следующим образом:

- пианисты — 11 человек;
- скрипачи — 9;
- вокалисты — 15;
- народные инструменты — 27;
- духовые инструменты — 9;
- изобразительное искусство — 35;
- хореография — 5;
- литература, поэзия — 6;
- театр — 7.

124 участника было допущено к участию в конкурсах регионального фестиваля, который состоялся с 10 по 16 мая 1993 года.

Организация фестиваля, деятельность ДВРО МБФ «Новые имена» требовали немалых финансовых средств. ДВРО МБФ «Новые имена» осуществляло свою деятельность на основе самофинансирования, не получая бюджетных средств, будучи общественной организацией. Рассчитывать на бюджетные средства в «лихие 90-е», на которые пришлось создание отделения фонда и начало его деятельности, не приходилось, поскольку экономика страны после развала СССР была в плачевном состоянии. Прекратили существование многие заводы и фабрики. Центр эстетического воспитания детей, который поддерживал ДВРО МБФ «Новые имена» своими и спонсорскими средствами, потерял многие филиалы при государственных ведомственных организациях и предприятиях. Комитет по культуре Хабаровского края,

оценивший инициативы фонда «Новые имена» и его возможности, в первые годы деятельности его Дальневосточного отделения мог оказывать лишь моральную поддержку, предоставлять свою материальную базу. Начальник комитета по культуре и искусству Хабаровского края А. Н. Бочарников и его заместитель В. В. Журомский одними из первых поняли, что фонд «Новые имена» способен выполнять часть их работы, объединяя усилия органов государственной власти, общественных организаций и предпринимателей, аккумулируя их финансовые средства и другие ресурсы в интересах культуры. ДВРО МБФ «Новые имена» помнит их, давно от нас ушедших, и с благодарностью вспоминает годы творческого и дружеского общения с ними.

Основными спонсорами ДВРО МБФ «Новые имена» были в тот период «Кредобанк», который заключил договор с Дальневосточным отделением о его финансовой поддержке, «Региобанк», «Дальрео», АО «Дальлес», Управление Дальневосточной железной дороги. Перечислили на счет фестиваля средства Фонд культуры — 300 000 рублей, краевой совет народных депутатов — 400 000 рублей, краевой комитет образования — 500 000 рублей и городской отдел образования — 300 000 рублей. Согласно заключённым договорам, края и области Дальнего Востока, участвующие в фестивале, должны были внести определённый денежный взнос, который в среднем равнялся 300 000 рублей. Таким образом, оргкомитет фестиваля собрал необходимые финансовые средства для оплаты аренды концертных залов, транспортных расходов, работы жюри, проживания в гостиницах участников и гостей фестиваля, их питания, культурной программы, рекламы и другого.

Сотни больших и малых дел предшествовали фестивалю, и настал день, когда он открыл двери концертных и выставочных залов города Хабаровска. 10 мая 1993 года в лучшем концертном зале города, в краевом театре музыкальной комедии, состоялось праздничное открытие фестиваля «Новые имена планеты». Открыла фестиваль и зажгла его огонь президент фонда «Новые имена» И. Н. Воронова, которая специально для этого прилетела из Москвы. Министр культуры Российской Федерации Е. Ю. Сидоров прислал поздравительную телеграмму следующего содержания: «Министерство культуры горячо приветствует участников фестиваля “Новые имена планеты”. Высоко ценим конкретную работу Международной благотворительной программы “Новые имена” по поддержке молодых дарований — важную и столь необходимую для будущего российской культуры. Творческих вам успехов, дорогие друзья! Министр Сидоров». Затем состоялся концерт победителей конкурсов прошедшего фестиваля и мастеров искусств. Шесть дней длился фестиваль, достигая огромного напряжения на пике конкурсных баталий.

Насыщенной и разнообразной была программа фестиваля. Она включала круглый стол президента фонда «Новые имена» И. Н. Вороновой с руководителями региональных групп, репетиции музыкантов с Дальневосточным симфоническим оркестром под управлением заслуженного деятеля искусств РФ Виктора Тица, мастер-классы деятелей искусства Дальнего Востока, творческие встречи с известными художниками, актёрами и литераторами, открытые занятия в образовательных учреждениях искусства г. Хабаровска, посещение музеев, спектаклей, дискотеку с показом мюзикла для участников фестиваля и, конечно, конкурсы по всем заявленным в Положении фестиваля видам искусства и номинациям.

Репетиции, концерты, творческие встречи и конкурсы проходили в театре музыкальной комедии, Концертном зале филармонии, Хабаровском краевом училище искусств, Центре эстетического воспитания детей, ДМШ № 1, Хабаровском отделении Российского фонда культуры.

16 мая председатель оргкомитета фестиваля назвал имена 16 стипендиатов ДВРО МБФ «Новые имена», утверждённых решением экспертного совета. Среди них любимцы публики, только что родившиеся звёзды: домрист Федя Шушеньков (г. Елизово Камчатской области), баянист Павел Макаров (г. Комсомольск-на-Амуре), пианист Артём Слепышев (г. Владивосток), юная актриса Александра Дубинская (г. Макаров Камчатской области). Феде Шушенькову за высокое мастерство была присуждена стипендия фонда «Новые имена»; Вячеславу Попругину была продлена на год стипендия, которую он получил за выступление на фестивале «Дальневосточные таланты». Все стипендиаты и участники конкурсов, занявшие 2 и 3 места, были награждены ценными подарками.

На фестивале не обошлось без инцидента: в заключение гала-концерта должен был выступить Артём Слепышев с Дальневосточным симфоническим оркестром, получивший 1 премию на конкурсе пианистов. Уже было объявлено его выступление, когда ко мне подошёл Артём, возбуждённый, с трясущимися руками, и сказал, что он не может играть. Причину отказа от выступления он не назвал. Позже выяснилось, что перед выходом на сцену он получил пощёчину от Оксаны Ралкиной, его вечной соперницы, которая заняла 2 место и не стала стипендиатом. Оксана сочла решение жюри в отношении себя не справедливым и «отомстила» Артёму, сорвав его выступление и лишив гала-концерт финальной точки. Этот случай побудил руководство ДВРО МБФ «Новые имена» отказаться в будущем от проведения конкурсов, чтобы участникам фестивалей избежать травм и конфликтов, а стипендии решено было присуждать решением экспертного совета, что делалось до 2012 года.

По итогам фестиваля был проведён круглый стол, на котором был сделан анализ проделанной работы, внесены предложения по совершенствованию работы оргкомитета, служб фестиваля, дана высокая оценка организаторам конкурсов. Директором ДВРО МБФ «Новые имена» Л. И. Никитиной был представлен отчёт в Москву, в штаб-квартиру фонда «Новые имена». В нём было сказано, что цели и задачи фестиваля достигнуты, найдены талантливые дети, дан мощный импульс творческим силам Дальнего Востока, который вызвал подъём во всех уголках региона, учреждениях культуры и искусства, в значительной степени активизировал работу педагогов и творческих коллективов. Фестиваль освещался прессой, краевой и республиканской. Третий тур пианистов и скрипачей был записан Хабаровской студией телевидения и показан вместе с гала-концертом по местным телеканалам.

После фестиваля деятельность ДВРО МБФ «Новые имена» приобрела устойчивые очертания и осуществлялась по четырём направлениям.

Направление первое — поиск и поддержка таланта. Это каждодневная непрекращающаяся работа. Она возникает не только от запланированных заранее дел, но и по воле случая: телефонному звонку, письму с просьбой обратить внимание на того или иного ребёнка, юношу или девушку, в которых люди увидели нечто неординарное, требующее поддержки и развития. Помню, как в Китае, в г. Даляне, мой друг, скрипач Чен Чжамин, попросил прослушать свою ученицу — юную скрипачку. На прослушивание девочка пришла с родителями, жуя на ходу булку. Играла она на скрипке средне, и её педагог, видя мою реакцию, сказал, что она может сыграть мне несколько пьес на фортепиано. Я попросил девочку сыграть что-либо. Девочка оживилась и спросила, что я хочу послушать. Оказалось, что у неё довольно большой репертуар фортепианных произведений, среди которых были инвенции И.-С. Баха, соната Моцарта до мажор и ноктюрны Шопена. Когда девочка начала играть на рояле, я был поражён — это был другой ребёнок. Она играла ярко, артистично, довольно ловко справляясь с техническими трудностями. Это был ребёнок с явными признаками одарённости. Когда мой друг спросил меня, что я думаю о её способностях, я ответил ему, что это самый интересный ребёнок из тех юных пианистов, кого я слышал в Китае в эти дни, что ей надо забыть о скрипке и серьёзно заняться игрой на фортепиано...

Традиционным способом открытия талантов являются конкурсы. Помню, как на прослушивании юных музыкантов Сахалинской области в 1993 году среди непрерывного потока «середнячков» вдруг вспыхнула лирическая звезда Лены Самсоновой, юной пианистки из г. Холмска. Таких случаев было немало за историю ДВРО МБФ «Новые имена».

Поддержка талантливых детей осуществляется в виде стипендий, которые выплачиваются ежемесячно или ежеквартально, приобретения инструментов, оборудования и материалов. В 1994 году отделение фонда приобрело немецкий концертный аккордеон за два миллиона рублей для своего стипендиата, ученика ДМШ № 1 г. Хабаровска Виктора Стеценко. Никогда не забуду выражения его глаз, когда ему вручали инструмент. Мальчик не мог поверить, что аккордеон, который он держит, его собственный.

Поддержка таланта — это в первую очередь забота о его образовании, выборе места продолжения учёбы, финансирование поездок для прослушивания или просмотра стипендиата в том или ином учебном заведении, выступлений на конкурсах, отдыха в оздоровительных лагерях. Это может быть медицинское обследование, а в случае необходимости — лечение.

Второе направление — организация концертов, конкурсов, выставок, гастролей стипендиатов фонда и его дипломантов.

Талант жаждет быть востребованным, показать свой дар другим людям. Чем больше он отдаёт, тем больше получает — расцветает, крепнет от всенародного признания, популярности, узнавания. Этот расцвет наступает порой так стремительно, что поражаешься метаморфозе, происшедшей с застенчивым мальчиком или девочкой. Вспоминаю преобразование Вячеслава Попругина — первого стипендиата ДВРО МБФ «Новые имена», выглядевшего на фестивале «Дальневосточные таланты» неоперившимся птенцом, а через год — уверенным в себе концертирующим музыкантом, собирающим полные залы своих поклонников.

Организация концертов — постоянная, трудоёмкая работа, осуществляемая сотрудниками фонда. В первые два десятилетия существования ДВРО МБФ «Новые имена» прежде всего это была организация концертов стипендиатов фонда с Дальневосточным симфоническим оркестром под руководством его главного дирижёра, заслуженного деятеля искусств РФ Виктора Тица. Выступление стипендиатов фонда с ведущим творческим коллективом региона всегда было событием для музыкальной жизни городов Дальнего Востока и Забайкалья. В условиях дефицита музыкантов-гастролёров в 1990-е годы стипендиаты и дипломанты фонда спасали концертные сезоны, заполняя своими выступлениями концертные залы филармоний.

Историческим событием для ДВРО МБФ «Новые имена» явился выпуск первого компакт-диска с аудиозаписью выступлений его стипендиатов в 1995 году, который свидетельствовал о том, что высокий исполнительский стандарт, принятый в европейской части России, отличает юных музыкантов-исполнителей и её восточной окраины.

С 1996 года концертная деятельность стипендиатов ДВРО МБФ «Новые имена» вышла за отечественные рамки, они всё чаще стали выступать за рубежом: в КНР, Республике Корея, Японии, европейских странах.

Третье и четвёртое направления ориентированы на работу с педагогами, повышение их исполнительского и педагогического мастерства. Эти направления развиваются по линии научно-методической (выпуск научно-методической литературы, проведение научно-практических конференций, семинаров) и по линии педагогической (проведение открытых занятий и мастер-классов).

Мастер-классы для преподавателей учебных заведений культуры и искусства Дальнего Востока проводили в 1990-е годы педагоги Центральной музыкальной школы Москвы Юрий Левин и Манана Канделаки, пианист из Краснодара Борис

Якимович, профессор Воронежского института искусств, баянист и композитор Александр Тимошенко (уроженец г. Комсомольска-на Амуре), постоянные члены экспертного совета фонда из Дальневосточного государственного института искусств (г. Владивосток): скрипач Феликс Кальман, духовик Виктор Колин и певица Галина Алексейко.

Мастер-классы известных артистов, художников, актёров, преподавателей учебных заведений Москвы и Петербурга, Хабаровска и Владивостока в 1990-е годы были глотком свежего воздуха для педагогов Дальневосточного региона, оторванных от европейских культурных центров, лишённых возможности повышать квалификацию в ведущих вузах России, общаться с представителями прославленных профессиональных школ страны, как это было до конца 1980-х годов.

Материал поступил в редакцию 05.07.2023.

Сведения об авторе: Никитин Алексей Алексеевич, доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, действительный член Академии педагогических и социальных наук (АПСН), профессор кафедры искусствоведения, музыкально-инструментального и вокального искусства Хабаровского государственного института культуры (г. Хабаровск).

Контактные данные: 680030, г. Хабаровск, ул. Ленина, д. 42, кв. 41; e-mail: nikitinarts2011@yandex.ru; тел. 8-914-413-08-89.

РЕДЧУН ВАЛЕНТИНА МИРОНОВНА

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТИЛЯ СЛАВЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (начало – середина XX в.)

Автор раскрывает важные аспекты трансформации канонической текстильной орнаментики дальневосточных славян в процессе утраты его знаково-символического наполнения и замещения новациями формально-декоративного содержания. Делается акцент на смену мировоззренческих установок в народной жизни славянских переселенцев, обусловивших в первой половине XX века трансформацию исходных особенностей традиционного орнамента славян. Показано, что изменения в декоре текстиля переселенцев Дальнего Востока (русских, украинцев, белорусов), а также их потомков являются следствием постепенного разложения культового и магического значения его древнейшего орнаментального слоя. Обозначенные процессы характеризуются как результат модернизации жизненного уклада переселенцев, как проявление значимых ментальных и эстетических изменений в их мировосприятии.

Ключевые слова: орнамент, традиции, текстиль, вышивка, трансформация, мировоззрение, славяне-переселенцы, Дальний Восток.

Keywords: ornament, traditions, textile, embroidery, transformation, worldview, Slavic settlers, Far East.

Славяне-переселенцы Дальнего Востока в быту, как и многие другие народы, более всего надеялись декором текстильные изделия, используемые в обрядовых и праздничных ситуациях. Уже само назначение орнаментированного текстиля, который славянские мастерицы готовили к важнейшим семейным событиям, связанным с решающими моментами в их жизни, определяет их особую семантическую и ритуальную роль. Изобразительные тканевые памятники — предметы как традиционного костюма, так и убранства интерьера, созданные в конкретной этнокультурной крестьянской народной среде славян-переселенцев, содержат закодированные сведения о духовной культуре народа. Они представляют интерес как произведения народного искусства и как предметы обрядовой жизни славян.

В декоре народного текстиля славян Дальнего Востока первой половины XX столетия материализовались как базисные категории этнической культуры, так и новые художественные формы, свидетельствующие о процессах её трансформации. В культурно-бытовой повседневности крестьян-переселенцев наряду со старыми традициями стали появляться черты нового уклада, повлекшие выработку новых мировоззренческих ориентаций.

Изменения крестьянского быта переселенцев затронули и традиционную основу текстильных ремёсел (материал, технологии). Они были вызваны отсутствием собственного сырья (льна), разрушением системы передачи ремесла, а вместе с ними — традиционных мотивов орнамента. Механизация процесса производства текстиля явилась следствием постепенного вытеснения этого ремесла из архаического уклада крестьянского хозяйства переселенцев. Искусствовед Т. М. Разина отмечает: «Видоизменилась та патриархальная малоподвижная основа, которая веками служила почвой для традиционного творчества народа» [5, с. 168].

На трансформацию орнаментальной структуры текстиля дальневосточных славян повлияло распространение в народном быту тканей промышленного производства. Постепенное исчезновение быта, создавшего традиционную вышивку и узорное ткачество, обусловило изменение представлений, отражённых в них. Преобразование архаичных мотивов славянского орнамента, начавшееся ещё в конце XIX века, приобретает наибольшую активность в первой половине нового столетия и продолжается вплоть до его середины. Традиционный орнамент как символ, маркер славянской культуры заменяется образами, которые соответствовали эстетическим новшествам крестьянской культуры дальневосточных славян этого периода. Происходит встраивание технологических и орнаментальных новаций в орнамент тканевых изделий переселенцев, оказавших влияние на изменение стилистики и образности традиционных славянских мотивов.

Трансформация традиционных мотивов в текстиле орнамента выражена вытеснением архаических элементов новациями как формально-декоративного, так и сюжетного содержания в рамках постепенной утраты их сакрального смысла. Стилистическая разработка орнаментальных мотивов этого периода в декоре текстиля славян-переселенцев имеет свои особенности, но в одинаковой мере отражает ту или иную степень трансформации орнамента и удаление от его архаического типа. Происходит процесс утраты части древнейших орнаментальных традиций славян в связи со «стиранием» их первоначального значения и внесением изменений даже в самые древние мотивы. Подвергается трансформации и наиболее архаичный пласт традиционного славянского орнамента — геометрический, включающий различные геометрические фигуры, которые за счёт формального аспекта носят абстрактный характер. Эти мотивы несли когда-то большую смысловую нагрузку, олицетворяя силы природы и являясь охранными знаками, определяли благополучие земледельца. Большинство исследователей относят геометрические мотивы к самому глубокому пласту орнаментации, они присутствовали в культуре восточных славян уже в X–XIII веках, являясь своего рода идеограммами, отражающими древнейшие языческие верования [2, с. 88, 120; 4, с. 56–57].

Изменения в декоре текстиля касаются не только стилистической разработки мастерицами отдельных элементов геометрического орнамента, но и их композиционного построения. Нередко славянские мастерицы при декорировании текстиля одновременно используют мотивы орнамента, имеющие разную хронологию возникновения, механически соединяют элементы различного знакового содержания. На первое место выходит их декоративная функция. Даже каноничные трёхчастные композиции древнего извода¹, состоящие из центрального образа (женской фигуры или дерева), трактованные ранее в условной, геометризованной форме, претерпевают значительную трансформацию. Авторская переработка мастериц-вышивальщиц нередко выражается в нарушении цельности композиции, что приводит к утрате внутренней связи между её частями. Архаические композиционные основы дополняются совершенно новыми сюжетами, которые отражают иное видение мастерицы-вышивальщицы. Древняя иконографическая схема изображения трёхчастной архаичной композиции, в которой центральный образ — геометризованное изображение женской фигуры, олицетворявшей богиню земли — Матери, или древо жизни — воплощение древнего земледельческого культа славян, трактованные в условно-строгом, прямолинейно-

¹ Этот образ вырабатывался в течение длительного времени и сохранялся не изменённым у многих поколений восточных славян.

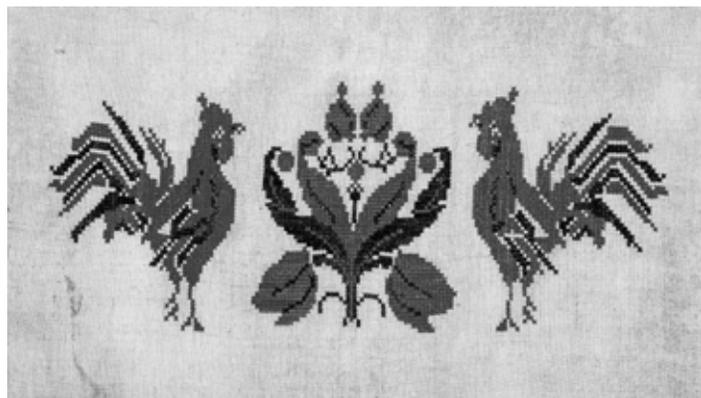
геометрическом стиле, нередко заменяется более детальными изображениями, где образы решаются в реалистическом ключе. Изменение семантики древних мотивов в данных композициях — их отрыв от древней мифологической основы, приводит к утрате ценности сакрального смысла орнамента и преобладанию его эстетической функции. К примеру, в вышивках славян-переселенцев из коллекции Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (далее — Гродековский музей), в поздних вариациях трёхчастных композиций, зачастую изменяется суть этого древнего сюжета. Вышивка этой композиции представлена в различных вариациях, но уже трансформированной, с утратой строгой геометрии при изображении антропоморфной (женской) фигуры и дерева. В большей степени — в виде дерева-куста с

ХКМ КП 6701/1.
Полотенце. 1-я четверть
XX века.

сидящими по сторонам его птицами, как правило, реалистично трактованными. Примером такой трансформации может служить изображение вышитого полотенца начала XX века из фонда Гродековского музея.

Привнесение в славянскую вышивку и узорное ткачество новых образов и символов, не укоренённых глубоко в традиции, служит причиной утраты многих традиционных композиций и унификации местных особенностей текстильного орнамента переселенцев Приамурья. Под влиянием заимствованных растительных узоров, распространяемых в первой четверти XX века, в работах славянских мастериц прослеживается утрата связи с архаическим прообразом. Новые орнаментальные мотивы и

ХКМ КП 6701/1. Полотенце. 1-я четверть XX века.
Фрагмент вышивки.

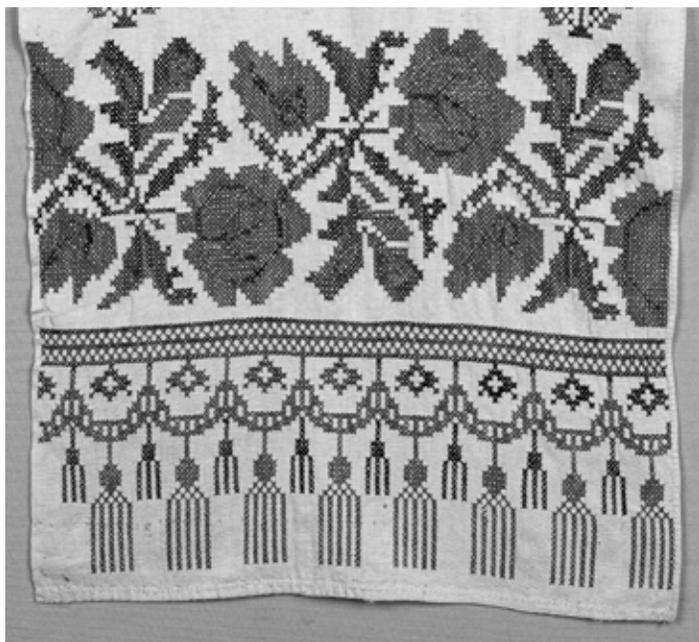
сюжеты для вышивания крестом получают собирательное название «брокаровские» («мыльные»). Владелец парфюмерной фабрики «Брокар и К^о» француз Г. Брокар размещает на упаковках (обёртках) дешёвых сортов мыла печатные узоры для вышивания крестом. Славяне-переселенцы эти тиражируемые изображения активно интегрируют в свою собственную культуру. Многие сакральные мотивы орнамента выводятся из сферы традиции. Готовые образцы узоров формируют у дальневосточных славян «новый стиль» в орнаментации текстиля, создают определённый «канон» изобразительных мотивов и сюжетов, их цветовой и декоративный строй.

Мастерицы в декоре текстиля заменяют древние образы древесно-растительного орнамента, выполненные с наибольшей иконографической полнотой, на узоры с более достоверными изображениями: ветвистые деревья, кусты, кусты-деревья. Наблюдается постепенный отход от геометрических форм изображения растительного орнамента. На смену стилизованным геометризованным изображениям растений приходят пышные растительно-цветочные формы. В большинстве случаев они приближены к натуре, с сохранением основных видовых свойств изображаемого растения. Вытеснив архаические мотивы, растительно-цветочная орнаментика с яркими укрупнёнными узорами занимает ведущие позиции в декоре текстиля дальневосточных славян. Во всём многообразии в декоре текстиля начиная с первой четверти XX века цветы и листья, букеты, гирлянды, вазоны с цветами, а также вьющиеся стебли растений с цветами, бутонами, ягодами воплощают новую эстетическую модель народного текстиля славян-переселенцев. Устойчивым мотивом в вышивке полотенец и скатертей становятся изображения ламбрекенов, придающих характер «стильности», пышности и торжественности.

Наблюдается применение узоров с разнообразными эклектичными мотивами. Популярность приобретают цветочные орнаменты в окружении птиц, петухи, виноградная лоза, мотив розы во множестве вариантов.

В структуру растительного узора текстиля мастерицы включают не характерные для традиционной славянской вышивки изображения большекрылых бабочек, крупных жуков с довольно реалистической трактовкой. Яркие бабочки часто изображаются в центре пышных цветочных венков.

В рассматриваемый период усиливается значение сюжетов бытового содержания. Мастерицы отдают предпочтение реалистической повествовательности, что отрицательно сказывается на художественных качествах орнаментированного изделия. Бытовые реалии существенно отличают вышивку жанрового характера от вышивки с древними культовыми сюжетами. Прослеживается уклон у вышивальщиц к натурализму: отход от строгих, застывших поз персонажей

ХКМ КП 9967/1. Полотенце. 1-я четверть XX века.
Фрагмент вышивки.

ХКМ КП 9967/1.
Полотенце. 1-я четверть
XX века.

древних сюжетов, динамика в передаче образов людей и животных, внесение конкретных деталей, отражающих социальную среду и деревенский быт, хорошо знакомый крестьянам-переселенцам несложный мир людей, домашних животных, птиц, растений, сельских изб. Новая трактовка сюжетной вышивки, почерпнутая из печатных образцов, утрачивает условное геометрически-прямолинейное решение и приобретает большую реалистичность и детализацию.

С забвением представлений, послуживших основой мифологических сюжетов, происходит трансформация их графического воплощения; наблюдается и превращение их в чисто декоративные элементы, и возникновение новых образов, обусловленных реальной средой, окружающей славян Дальнего Востока. Известный исследователь народного искусства В. С. Воронов отмечает: «В крестьянском искусстве происходит разрыв иконографического круга и постепенно обозначается зарождение новых начал — народного бытового жанра» [3, с. 118].

Характерной особенностью текстильных композиций этого времени стало наличие текстов. Эта особая группа новых мотивов вышивки и узорного ткачества ярко демонстрирует результат замены традиционного орнаментального языка

ХКМ КП 12329/9. Полотенце. 1-я четверть XX века.

ХКМ КП 12329/10.
Конец 1940-х годов.

на визуально-вербальный способ трансляции высказывания. Слово, облеченное мастерицами-вышивальщицами в графический знаковый образ — шрифт, приобретает важное значение, а древним композициям и орнаментам отводятся декоративные функции. В декорировании текстиля первой половины XX столетия эпиграфические мотивы появляются в большей степени на полотенцах,

реже на постельном белье, скатертях и предметах одежды. Надписи вводятся мастерицами в орнамент и становятся равноправными элементами его художественной структуры. Кроме текстов, отдельных слов и словосочетаний шрифтовой орнамент содержит одно- и двухбуквенные монограммы, а также цифры. Они не являются обычными математическими знаками, а служат маркерами важных и значимых событий в частной жизни переселенцев.

ХКМ КП 12450. Полотенце.
1940-е – 1950-е годы.

Эпиграфика текстиля самого разнообразного содержания: от назидательных изречений до уважительных надписей, сохранивших имена дарителей и

тех, кому эти изделия предназначены, а также, кем и когда они изготовлены.

В первой половине XX века монограммами дальневосточные славяне стали отмечать также не только такие обрядовые предметы, как полотенца и пояса, но и другие изделия из ткани, предназначенные для украшения жилого интерьера: скатерти, наволочки и подзоры. Появление в текстильном орнаменте переселенцев текстов различного содержания (кратких или длинных), цифр, монограмм свидетельствует не только о трансформации ментальности крестьянского общества, но и традиционного орнамента. Эпиграфические мотивы (текст, знак и украшение) в орнаменте изделий из ткани соединяются с архаическими узорами, приобретают большое значение и становятся активной композиционной и смысловой доминантой.

Всё большее проникновение фабричных товаров в крестьянский быт славян-переселенцев Дальневосточного региона существенно меняет эстетические критерии символической цветовой гаммы на изобразительную палитру. В традиционной культуре цвет всегда символичен. Ведущим цветовым тоном, восходящим к глубокой древности и укоренённым в культуре славянских народов, был красный цвет. Бело-красная цветовая гамма в декоре тканевых предметов славян-переселенцев преобладала до конца XIX века. В первой половине XX столетия утрачиваются обладающие культурной и художественной ценностью знаковые коды — традиционные цвета орнамента текстиля, востребованные славянскими мастерицами. Древние и устойчивые этнические традиции в подборе цвета при декорировании обрядовых предметов, имевшие некогда особое смысловое значение как определённый нравственный этнический код, были во многом трансформированы. В цветовое решение новых мотивов включается чёрный цвет. Декоративное оформление большинства тканевых изделий в первой четверти XX столетия выдерживается в двух цветах — сочетании красного цвета как основного и чёрного, который, как правило, применяется для обогащения и усиления декоративного звучания основного — красного цвета. К середине XX века в орнаменте текстиля повсеместно наблюдается увеличение полихромности, орнаментальной узорчатости, обусловленное появлением и активным использованием анилиновых красителей. Трансформации, которые происходят в цветовой системе традиционной культуры переселенцев, значительно расширяют спектр цветов — узоры на изделиях стали делать ярче. Это стало причиной ослабления их функций, как с точки зрения сакральной, так и декоративной.

Трансформация прослеживается не только в характере декоративного стиля, но и в техниках вышивки. Свойственным для этого периода является переход от типично традиционных приёмов шитья — строчевых вышивок, счёт-

ных швов по сплошной ткани, к вышивке более лёгкого исполнения — крестом, гладью, цветным и однотонным тамбуром с широким спектром изобразительных возможностей, которые привнесли в народный текстиль новый пласт орнаментальных мотивов.

Среди крестьянок-переселенок начинают появляться мастерицы — поклонницы типично городских вышивок — филейных работ, выполненных по сетке, и шитья ршелье, а в последующие годы и вышивки на швейной машине, что значительно изменяет также систему традиционного славянского текстильного узоробразования.

В первой половине XX века смена мировоззренческих установок в народной жизни славянских переселенцев Дальнего Востока (русских, украинцев, белорусов), а также их потомков обусловила трансформацию исходных особенностей традиционного орнамента славян. Вытеснение орнаментальных традиций как элементов культурной идентичности славянских переселенцев унифицированными ценностями массовой культуры проходит по-разному в Приамурском крае и зависит как от хозяйственно-экономического положения, связей с городом, так и от того, насколько моноэтническим был национальный состав села. Трансформация в декоре текстиля переселенцев обусловлена постепенным разложением культового и магического значения его древнейшего орнаментального слоя. Рассматриваемый период можно определить как переход от архаично-обрядовых форм к современно-декоративным.

Доктор искусствоведения И. Я. Богуславская в своём исследовании пишет: «Богатая орнаментика вышивки жила полнокровную жизнью, находясь в постоянном движении. Каждый пласт развивался своим путём и оказывал воздействие на другие. Менялся смысл древних изображений, из магических и мифологических знаков они превращались в декоративные узоры. Происходили сложные совмещения и трансформация разновременных по происхождению фигур. Они несли с собой в вышивку черты различных культур и стилей, влияние других народов и господствующих вкусов. И всё это соединялось в медленно, но сильно текущем потоке орнаментального искусства, соединялось не механически, но в новых сплавах и

ХКМ КП 10060/6. Полотенце.
1-я четверть XX века.

переработках, которые приобретали черты своего времени и места» [1, с. 27–28].

Процесс трансформации древней символической системы орнаментального искусства славян Дальнего Востока,

начатый в конце XIX века, интенсивно протекает на протяжении всей первой половины XX столетия. Происходят изменения как в назначении орнаментированных предметов из ткани, так и в принципах их декоративного оформления.

Список использованных источников

1. Богуславская, И. Я. Русская народная вышивка / И. Я. Богуславская. — Москва : Искусство, 1972. — 151 с.
2. Воронов, В. С. Крестьянское искусство / В. С. Воронов. — Москва : Госиздат, 1924. — 139 с.
3. Воронов, В. С. О крестьянском искусстве : избр. тр. / В. С. Воронов. — Москва : Совет. худож., 1972. — 350 с.
4. Даркевич, В. П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси / В. П. Даркевич // Совет. археология. — 1960. — № 4. — С. 56–68.
5. Разина, Т. М. Русское народное творчество: проблемы декоративного искусства / Т. М. Разина. — Москва : Изобразит. искусство, 1970. — 255 с.

Фотографии предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 15.09.2023.

Сведения об авторе: Редчун Валентина Мироновна, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail.ru: redchunv@mail.ru; тел. (4212) 47-72-10.

ИВАНОВА АЛИНА ПАВЛОВНА,
МИХАЙЛОВА АРИНА ОЛЕГОВНА

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПРИРОДЫ

Природа Дальнего Востока рассматривается как главный ресурс для развития внутреннего и внешнего туризма. В результате проведённого исследования выявлены факторы риска дальневосточной природы, сопровождающие развитие туризма на Дальнем Востоке, предложена периодизация окультуривания ландшафта Дальнего Востока. Каждый период освоения подкрепляется примером существующих или утраченных объектов. Описано значение сохранения природно-культурного наследия и развития рекреационно-туристической деятельности.

Ключевые слова: туризм, природные ресурсы, окультуривание ландшафта, дальневосточная природа, Дальний Восток.

Keywords: tourism, natural resources, landscape culturalization, Far Eastern nature, Far East.

Дальний Восток является уникальным эко-регионом, располагающий широким спектром природных экосистем, такими как тайга, тундра, озёра, реки и береговые ландшафты. Путешественники могут наслаждаться удивительным разнообразием флоры и фауны, включая дикие острова и природные заповедники.

Однако существует ряд проблем, ограничивающих возможности любования этими удивительными местами. Важной задачей для решения этого вопроса является создание таких безопасных мест, где каждый желающий сможет насладиться природой в полной мере. Любование ландшафтом не менее важно для эстетического и нравственного развития, по сравнению с посещением объектов культурного и духовного наследия. Люди должны иметь возможность ощутить настоящую гармонию с природой, понять её уникальность и ценность, ведь именно через любовь к природе и земле возникает и укрепляется патриотизм и любовь к своему государству.

Проблемы, препятствующие развитию дальневосточного туризма

Согласно данным, приведённым в «Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года», лесистость Дальнего Востока составляет 49,5 процента [1].

При огромной площади озеленения окультуренных мест для любования природой в регионе мало. Есть ряд факторов, препятствующих развитию туристической деятельности региона.

Экстремальный климат Дальнего Востока отличается долгими и суровыми зимами и краткими летними сезонами. Резкие температурные амплитуды, большое количество осадков, разливы рек, подтопления, землетрясения, цунами, тайфуны могут стать вызовом для туристов, предпочитающих комфортные условия отдыха. По данным Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, на территории России в течение 2021 года больше всего землетрясений (13 событий) было зафиксировано на Дальнем Востоке: Камчатке, Курилах и Сахалине. Угрозам

Карта российского Дальнего Востока с отмеченными на ней заповедниками, заказниками и национальными парками.

цунами в Российской Федерации подвержено побережье Камчатского и Приморского краёв, Сахалинской области... На Камчатском полуострове были сообщения об извержении вулканов Шивелуч, Карымский и Ключевской с выбросами пепла до 4 км над уровнем моря [2].

Агрессивная среда. Природа Дальнего Востока сама по себе враждебна. Большая часть территории региона — это дикая природа, населённая опасной для человека фауной. В районах Приморья обитают ядовитые змеи, в особенности щитомордник и гадюка. Они могут представлять угрозу для людей, особенно при случайном столкновении или нахождении в их местах обитания. Клещи являются переносчиками различных инфекций, включая клещевой энцефалит. Кроме того, другие хищные животные, такие как медведи, тигры или леопарды, могут представлять серьёзный риск для туристов.

Источниковая база исследования: интернет-ресурсы и существующий пласт научных публикаций, прежде всего связанный с историей и дендрологией Дальнего Востока.

Методы исследования: архивные и полевые изыскания.

Научная новизна работы: впервые обобщена информация о культурных ландшафтах Дальнего Востока (этим

термином предлагается описывать природу, окультуренную в результате деятельности человека).

Степень изученности проблемы: о культурных ландшафтах пишут очень много. Дендрологией Дальнего Востока занимались Д. П. Воробьёв, Я. Я. Васильев, В. Л. Комаров; история дальневосточных усадеб описана у Н. П. Крадина; приморские усадьбы описаны в мемуарах Ю. А. Бринера, а также в письмах Э. Прэй.

Недостаток инфраструктуры. В некоторых отдалённых районах Дальнего Востока наблюдается недостаток развитой инфраструктуры для туризма. Отсутствие достаточного числа гостиниц, кафе и транспортных средств ограничивает возможности развития туристической отрасли. В разгар туристического сезона в августе 2023 года мощный циклон принёс в Приморье сильные ливни, в том числе затопило популярный у туристов Хасанский район: там смыло дороги, отрезало от крупных населённых пунктов множество посёлков на побережье, пострадали туристические базы, несколько сёл было обесточено. Почти сутки сообщение с югом Приморья было нарушено [4]. На дорогах к одной из главных точек притяжения туристов (пос. Андреевка, мыс Гамова) летом до сих пор отсутствует твёрдое покрытие.

Браконьерство. «Чёрные собиратели» и браконьеры, широко распространённые на юге Приморского края, представляют потенциальный источник опасности для туристов. В последние годы руками браконьеров добывается в два и более раза больше пушного зверя, чем разрешено официальными квотами на их добычу, что наносит непоправимый ущерб экосистемам тайги, где располагаются основные охотничьи ресурсы пушнины. Аналогичная ситуация наблюдается с охраняемыми видами растений и животных, чья численность почти не увеличивается из-за целенаправленной добычи браконьерами [2].

Факторы риска дальневосточной природы.

Периодизация формирования культурных ландшафтов Дальнего Востока

Попытки окультуривания дальневосточных ландшафтов условно можно поделить на три периода: дореволюционный, советский и постсоветский.

История интенсивного освоения дальневосточной природы начинается с 1880-х годов. Среди первых землевладельцев были А. Д. Старцев, М. И. Янковский, Ю. А. Бринер, Дж. Де-Фриз, М. Г. Шмелёв и другие. Эти предприниматели (многие из них, особенно поляки, оказались на Дальнем Востоке не по своей воле) воспользовались возможностью основать свои предприятия и развивать экономику

региона. Их активная деятельность принесла значительные результаты и способствовала экономическому развитию Приморского края.

Ярким примером окультуривания необжитой природы является деятельность А. Д. Старцева. В 1890-х годах во время морской прогулки Алексею Дмитриевичу приглянулся остров Путятина, где впоследствии он организовал имение «Родное» и начал разводить животных; здесь он закладывает фруктовый сад и виноградники. Строятся на острове и дороги, которым можно было только позавидовать. Дикий остров стараниями Старцева превратился в цветущий оазис. Позже он был награждён медалями за достижения в области сельского хозяйства, неоднократно участвовал в выставках [3].

Преображением неосвоенной земли так же занимался М. И. Янковский. В 1879 году он приобретает участок на полуострове Сидими в Амурском заливе, где строит своё имение — дом-крепость [7]. В короткие сроки ссыльный дворянин создал пример многоотраслевого хозяйства, не побоявшись опасной дикой природы вокруг и набегов разбойников — хунхузов. На сегодняшний день имение включено в состав Дальневосточного морского заповедника, единственного в нашей стране. На мысе Гамова Янковские организовали конезавод, заказник пятнистых оленей, которых они разводили для добычи рогов, и плантации женьшеня.

Большое количество земельных операций осуществлял Ю. А. Бринер. Он быстро строил дома, которые впоследствии стали украшением Владивостока. В 1880-е годы приобрёл 50 гектаров земли в Безверхово, где основал усадьбу. Железнодорожное строительство в Приморье способствовало резкому развитию промышленности и торговли в этом регионе. Бринер уделял большое внимание как развитию промышленности, так и краеведению.

Начальный период активного освоения Приморья стал основой для развития региона в дальнейшем. Однако со временем из десятков усадеб сохранилось небольшое количество. Прежде всего причиной их разрушения стали исторические события, происходившие в России в XX веке.

Попытки взять природу под контроль в советский период привели к организации охранных зон. Это было связано с необходимостью сохранения природного богатства региона, предотвращения вымирания редких видов животных и растений, а также поддержания важных экологических систем.

Нужно отметить, что ещё в 1916 году был основан один из первых заповедников на Дальнем Востоке — «Кедровая Падь». Причиной стала интенсивная вырубка широколиственных и хвойных лесов на юге Приморья. На 70 процентах площади лесничества представлено разнообразие приморского растительного мира. Некоторые виды птиц включены в Красную книгу Российской Федерации. В 1924 году на

территории «Кедровая Падь» начала проводиться научно-исследовательская работа [8].

Заказник федерального значения «Курильский», основанный в 1984 году, является первым в Сахалинской области. Он создан для восстановления численности многих видов растений и животных и сохранения уникальной островной природы. Данный заказник является перевалочной базой для мигрирующих птиц, останавливающихся здесь на пролёте. Изолированность от материка и относительно небольшие размеры заказника делают его экосистемы хрупкими, требующими особой осторожности и бережного отношения. Значительную ценность в первую очередь представляют морские экосистемы заказника «Малые Курилы».

Большехехцирский заповедник, основанный в 1963 году, расположен в Хабаровском крае. На территории заповедника есть развитая речная сеть, реки которой относятся к бассейнам рек Усури и Амур и обладают типичным горным характером. Существуют специально проложенные экомаршруты с экскурсиями в музей природы.

Вопреки объективным экономическим проблемам, с которыми столкнулось государство накануне и после распада Советского Союза в 1990-е годы, система особо охраняемых природных территорий продолжала активно расширяться и развиваться. Сегодня Дальний Восток является одним из самых заповедных регионов России. На его территории находится несколько объектов, входящих в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО: Ленские столбы, мыс Столбчатый, камчатские вулканы, хребет Сихотэ-Алинь, остров Врангеля... Сегодня охранные зоны играют важную роль в экологическом образовании и воспитании населения, туризме, а также подвергаются различным угрозам, которые требуют постоянного внимания и защиты.

После распада СССР происходило активное становление частной собственности и предпринимательства, что стимулировало развитие такого сегмента экономики, как отдых и туризм. Большое внимание уделялось основным природным ресурсам, таким как моря, горы, леса, озёра, реки и т. д., и на их основе создавались рекреационные зоны. Организовывались оздоровительные комплексы на базе природных источников минеральной и лечебной воды.

Удивительным местом, где естественный природный ландшафт сочетается с подлинными и реконструированными историческими памятниками, является ландшафтно-исторический парк «Изумрудная долина», созданный в 2012 году. Это уникальный проект не только для Приморского края, но и для всего Дальнего Востока. Комплекс семейного отдыха и туризма предоставляет жителям и гостям Приморья возможность познакомиться с историей края и богатыми традициями русского народа. Комплекс предоставляет культурно-познавательные

Таблица. Периодизации окультивирования ландшафта Дальнего Востока.

Период	Примеры	Обозначение на карте	
Дореволюционный	<p>Имение Янковского. Приморский край, пос. Сидими. Дата основания: 1879 г.</p> <p>Особняк Бринера. Приморский край, с. Безверхово. Дата основания: 1880 г.</p> <p>Имение «Родное» Старцева. Приморский край, о. Путятина. Дата основания: 1890 г.</p>		
	<p>Государственный природный заповедник «Кедровая Падь». Приморский край, Хасанский район. Дата основания: 1916 г. Площадь: 17 900 га.</p> <p>Большехехцирский государственный природный заповедник. Хабаровский край, Хабаровский район. Дата основания: 1963 г. Площадь: 45 500 га.</p> <p>Заповедник «Курильский». Сахалинская область, Южно-Курильский район. Дата основания: 1984 г. Площадь: 65 900 га.</p>		
	<p>Арт-парк «Штыковские пруды». Приморский край, пос. Штыково. Дата основания: 2005 г.</p> <p>Ландшафтно-исторический парк «Изумрудная долина». Приморский край, с. Утёсное. Дата основания: 2012 г.</p> <p>Экопарк «Шале на воде». Хабаровский край, с. Восход. Дата основания: 2021 г.</p>		

и развлекательные услуги. Вся территория парка оборудована удобными пешеходными тропинками, а для комфортного семейного отдыха предусмотрены уютные деревянные беседки, интересные детские площадки, места для пикников... Здесь можно познать традиции Востока и Запада, почувствовать дыхание истории и древнюю культуру, принять участие в многочисленных фестивалях и при этом избежать встречи с хамством, грязью и алкоголем. Это место безопасного и интересного семейного отдыха [6].

Арт-парк «Штыковские пруды» — необычное место Дальнего Востока, основанное в 2005 году. Воодушевлённый предприниматель, инициировавший восстановление места «На Джай», не только осуществил реабилитацию осушенных прудов, но и задумал создание большого парка, гармонично вписывающийся в окружающий природный ландшафт. Его бионическая архитектура, пропитанная атмосферой прошлого, переносит посетителей на сотни лет назад. Огромная территория парка организована с учётом максимального привлечения ландшафта. Используются природные материалы и сохраняется нетронутой природа. Место, где расположен парк, представляет собой экологически чистый и ухоженный уголок дальневосточной природы, с лесом, солнечными полянами и прудами. Парк привлекает туристов круглогодично: замёрзшие пруды превращаются в катки, а открытые мастерские в зимний период переезжают в отапливаемые дома.

Экопарк «Шале на воде» — шатры на озере с видом на Хехцир. Глэмпинг расположен в охранной зоне Большехехцирского заповедника. На участке находится более 20 озёр. Этот туристический формат предлагает уникальные возможности насладиться пребыванием на природе, не отказываясь от комфорта и удобств современной жизни. Круглый год экопарк привлекает разные категории туристов, предлагая разные виды активностей: рыбалку, прокат катамаранов и лодочек на вёслах, лучный тир, баню на озере, прогулки по лесу, террасу-гриль [9].

Природа Дальнего Востока является главным ресурсом для развития туризма, для экологического и патриотического воспитания населения. Однако для достижения этих целей необходим контролируемый и устойчивый подход, учитывающий комплекс преимуществ и проблем, а также факторы риска. Только так можно обеспечить сохранение уникального природного наследия Дальнего Востока и удовлетворение потребностей туристов в поиске приключений в гармонии с природой.

Важно обратить внимание на угрозу несанкционированного посещения: всё большее количество туристов становятся угрозой для уязвимых экосистем на Дальнем Востоке. Здесь важно соблюсти баланс между коммерциализацией и сохранением всего того, что делает этот край уникальным. Необходимо разрабатывать стратегии, которые позволят развивать инфраструктуру и привлекать туристов, но при этом не причинять ущерба диким животным, окружающей среде и памятникам природы.

Список использованных источников

1. Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 11.02.2021 № 312-р // Правительство России : офиц. сайт. — URL: <http://static.government.ru/media/files/cA4eYSe0MObgNpm5hSavTdlxID77KCTL.pdf>. — Текст : электронный.
2. Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2021 году // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации : офиц. сайт. — Москва, 2023. — URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2021_/?ysclid=Inv278u9ge342863970 (дата обращения: 15.09.2023). — Текст : электронный.
3. Базаева, К. П. Старцев Алексей Викторович / К. П. Базаева. — Текст : электронный // Библиотека материалов для учителей [сайт]. — URL: https://ypok.pf/library/rol_adstartceva_v_stanovlenii_primorskogo_kraya_033330.html (дата обращения: 20.09.2023).
4. В Приморье вывозом заблокированных туристов занялся Тихоокеанский флот // РИА Новости, 31.08.2023 : [сайт]. — URL: <https://ria.ru/20230831/primore-1893359695.html> (дата обращения: 25.09.2023).
5. Дробышева, Е. Истории о крае: швейцарский нрав, или Бринеры в Приморье / Е. Дробышева ; фото И. Перевалова. — Текст, изображения : электронные // Государственный объединённый музей-заповедник истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева : офиц. сайт, 07.09.2014. — URL: <https://arseniev.org/press/istorii-o-krae-shvejcarskij-nrav-ili-brinery-v-primore/> (дата обращения: 15.09.2023).
6. Ландшафтно-исторический парк «Изумрудная долина» в Приморье: место, где история оживает. — Текст, изображения : электронные // РИА PrimaMedia : [сайт]. — 2015. — URL: <https://primamedia.ru/news/475621/> (дата обращения: 22.09.2023).
7. Михаил Иванович Янковский: юбилейный октябрь. — Текст, изображения : электронные // Государственный объединённый музей-заповедник истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева : офиц. сайт. — URL: <https://arseniev.org/mikhail-ivanovich-yankovskij-yubilejnyj-oktyabr/> (дата обращения: 20.09.2023).
8. Первый заповедник на Дальнем Востоке. — Текст, изображения : электронные // ПримКраевед : [сайт]. — URL: <https://primkraeved.ru/memorable-places/22-pervyj-zapovednik-na-dalнем-vostoke.html> (дата обращения: 22.09.2023).
9. Шале на воде. Озёра. Хехцир. — URL: <https://шаленаводе.рф/#rec455669510> (дата обращения: 29.09.2023). — Текст, изображения : электронные.

Иллюстрации предоставлены авторами.
Материал поступил в редакцию 03.10.2023.

Сведения об авторах:

Михайлова Арина Олеговна, магистр Высшей школы архитектуры и градостроительства Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: arina_gayka@mail.ru; тел. 8-921-766-16-21.

Иванова Алина Павловна, кандидат архитектуры, доцент кафедры «Дизайн архитектурной среды» Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: 004249@pnu.edu.ru; тел. 8-962-500-05-97.

АНАНЬЕВА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА,
ИВАНОВА АЛИНА ПАВЛОВНА

ПРИДОРОЖНАЯ АРХИТЕКТУРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ, ПОИСК РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена анализу обеспеченности автодорог Дальнего Востока (на примере двух автотрасс: А-376, Хабаровск — Комсомольск-на-Амуре, и А-370, Хабаровск — Уссурийск) объектами придорожного сервиса, рассматриваются их особенности. Делается вывод о несоответствии таких объектов нормативным требованиям размещения и функционала. Существующая придорожная архитектура лишена региональной самобытности. Предлагается закрытие выявленной потребности путём внедрения МФПК; проводится поиск признаков региональной идентичности на примерах подобных объектов (проектов и существующих).

Ключевые слова: придорожная архитектура, придорожный многофункциональный комплекс, региональная идентичность.

Keywords: roadside architecture, roadside multifunctional complex, regional identity.

В статье представлены результаты промежуточного этапа магистерского исследования, посвящённого придорожной архитектуре.

В статье используются следующие понятия:

– придорожная инфраструктура — «это система, состоящая из различных взаимосвязанных элементов, позволяющих наиболее эффективно осуществлять деятельность по удовлетворению различных потребностей человека и поддержания (восстановления) потребительной стоимости транспортного средства в пути» [4];

– придорожная архитектура — «это направление в формообразовании архитектурных объектов в придорожной среде, определённый порядок в их расположении и взаимодействии» [8];

– региональная идентичность — определённые характеристики региона, выраженные в элементах архитектуры и дизайна, позволяющие выделить его особенности и структурные компоненты.

В предыдущей статье [2] мы сформировали понятие многофункционального придорожного комплекса (МФПК). Это профессионально построенный комплекс объектов, расположенный вне города, обладающий различными функциями для обеспечения потребностей участников дорожного движения.

Главная задача таких МФПК — обеспечить сервис, который будет удовлетворять потребности водителей и пассажиров в дороге. Где бы они ни находились, они должны быть в комфортной и безопасной среде.

Для того чтобы понять текущую ситуацию в нашей области исследования, проведём сравнительный анализ на примере двух дорог:

1) автодорога А-376, соединяющая города Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре;

2) автодорога А-370 («Усури»), соединяющая города Хабаровск и Усурийск.

Из диаграмм мы видим, что на обеих автодорогах схожая ситуация в том, что в существующих объектах сервиса реализованы функции обслуживания транспорта, питания и торговли. При этом на дороге А-376 обслуживание транспорта заключается только в наличии АЗС, а также на автодорогах отсутствуют зарядные станции для транспортных средств с электродвигателями.

Несмотря на то что автодорога А-376 входит в перечень федеральных дорог, её качество и придорожная инфраструктура не развиваются и находятся на низком уровне, движение по этой автодороге местами даже опасно.

Исходными данными для определения расчётных нормативов обеспеченности автодорог объектами придорожного сервиса явились нормы, необходимые для качественного обслуживания участников дорожного движения и выраженные стандартным показателем «расстояние между объектами одного вида» [1]. В соответствии с нормативными значениями и исходя из протяжённости автодорог А-376 категории III и А-370 категории II (частично I) установлены расчётная нормативная и фактическая их обеспеченность такими объектами. При этом для пунктов общественного питания, АЗС и торговых объектов на дороге А-376 принят показатель, равный 100 км, для мотеля / кемпинга и СТО — 150 км на обеих дорогах, для АЗС и торговых объектов на дороге А-370 — 50 км.

Анализ полученных результатов по показателю «расстояние между объектами одного вида» и их количеству свидетельствует о том, что обеспеченность автодорог А-376 и А-370 в целом соответствует требованиям. Исключение составляют АЗС: на некоторых участках автодорог не выполняется норматив по минимальному расстоянию между ними. Комплексность оказания услуг отсутствует. На основании отзывов посетителей объектов придорожной инфраструктуры делаем вывод о низком уровне сервиса и практической непригодности многих кафе и мотелей.

Диаграммы. Обеспеченность автодорог А-376 и А-370 объектами придорожной инфраструктуры¹.

¹ Данные о количестве объектов взяты из карт Google и 2ГИС.

Рассмотрим категории бизнеса, к которым условно относятся исследуемые объекты придорожной инфраструктуры.

1. Крупный бизнес — сеть предприятий, охватывающих несколько регионов, имеющих единые стандарты качества и сервиса. Комплексные объекты или многофункциональные зоны.

2. Средний бизнес — предприятия, включающие не один, но более объектов сервиса, могут быть также сетью, но не выходящие за пределы одного региона.

3. Малый бизнес — единичные объекты сервиса любого назначения.

Исследуемые объекты придорожной инфраструктуры обладают разным масштабом, функционалом. Но ни один из них не способен удовлетворить потребности участников дорожного движения.

На данный момент, хоть и недостаточный, но основной объём придорожного сервиса осуществляют представители крупного и среднего бизнеса.

Следует также отметить, что придорожная инфраструктура в регионе — довольно перспективная площадка для развития всех категорий бизнеса, так как на достаточно большой протяжённости автодорог края виды объектов сервиса, их расположение и количество в значительной мере не соответствуют нормативным требованиям.

В последние годы многократно возрастает роль транспортных коммуникаций Дальневосточного федерального округа. Разворот российской экономики на Восток в связи с санкционным давлением Запада — одна из самых значимых реалий нашего времени. С учётом жёстких санкционных ограничений России приходится искать новых торговых партнёров и наращивать товарооборот со странами Юго-Восточной Азии, в первую очередь с Китаем. Поэтому транспортные артерии Дальнего Востока, обеспечивающие торгово-экономические связи России с сопредельными странами, могут значительно активизировать такие контакты в ближайшей перспективе.

Поскольку в Дальневосточном регионе значительный объём грузовых перевозок приходится на автомобильные дороги, вопрос совершенствования дорожной сети и развития придорожного сервиса выдвигается на первый план. Его актуальность возрастает и в связи с ростом потоков наших

сограждан (повышается интерес к внутреннему туризму, автопутешествиям) и туристов из КНР, желающих посетить живописные места и достопримечательности Приморья и Хабаровского края [3].

Что касается региональной идентичности в архитектуре региона, то это очень важный аспект в формировании облика региона в глазах его жителей и особенно гостей.

Приведём примеры объектов (существующие и проекты), в которых можно увидеть проявления идентичности:

1. Реализованный объект: точка общепита с магазином фермерских продуктов «Казанский луг» (346 км автодороги М-4 «Дон»).

Архитектура и дизайн объекта отражает его суть — простые формы натуральных природных оттенков (зелёные, жёлтые, коричневые), деревянные беседки и мебель.

2. Архитектурная дизайн-студия Дмитрия Попова. Проект придорожного комплекса «Угольная Гора» планируется разместить при въезде в г. Кумертау (Республика Башкортостан).

Название города переводится как «Угольная гора». Стилизация архитектурного комплекса под гору и соответственное название. Поэтому в элементах использованы детали, напоминающие угольный разрез: экскаватор и угольные вагончики.

Возможно, люди, проезжающие мимо по трассе Уфа — Оренбург, остановившись покушать и отдохнуть, запомнят этот город благодаря такому стилизованному объекту.

3. Архитектурное бюро «DG Project», архитектор — Денис Дубинин. Проект «Нептун» — пример придорожного комплекса, мимо которого невозможно проехать, не посетив его. Это архитектура будущего, подобные проекты ещё не были реализованы. В них гармонично сочетаются привычные архитектурные формы и пластичные линии, задающие динамику. Такие проекты можно применять в том числе для того, чтобы подчеркнуть морскую тематику места расположения объектов.

На основе проведённого анализа можно выделить основные недостатки придорожной инфраструктуры региона исследования:

1) неравномерность размещения придорожных объектов сервиса вдоль автомобильных дорог;

Примеры проявления идентичности в объектах придорожного сервиса

а) «Казанский луг» [6];

б) «Угольная Гора» [5];

в) «Нептун» [7]

2) узкий спектр предоставляемых сервисных услуг, отсутствие комплексного подхода;

3) отсутствие единых стандартов работы, низкий уровень обслуживания / сервиса;

4) отсутствие региональной идентичности в архитектуре объектов.

С другой стороны, успешный опыт строительства МФПК в российских регионах свидетельствует, что такая форма придорожной инфраструктуры способна решить выявленные проблемы. Для реализации МФПК необходимо привлечение представителей крупного и среднего бизнеса, частных инвесторов, а также участие государства в качестве источника финансирования, так как требуется многоэтапность работ в реализации проектов, соблюдение норм и требований проектирования, строительства и обслуживания новых комплексов.

В Дальневосточном регионе происходит развитие автодорог, но при этом наблюдается значительное отста-

вание развития придорожной инфраструктуры. Проведённый анализ объектов придорожной инфраструктуры на Дальнем Востоке, в частности на дорогах А-370 и А-376, показал важность создания многофункциональных комплексов силами частных инвесторов и государственных компаний. При этом обязательно нужно учитывать в проектах фактор региональной идентичности, роль которой очень важна в полноценном формировании запоминающегося образа определённой территории или места у его посетителей.

Грамотный подход к построению придорожного сервиса способен привлечь не только российских, но и зарубежных туристов. Поэтому необходимость строительства МФПК также обусловлена развитием торговых и туристических отношений со странами Юго-Восточной Азии, в первую очередь с Китаем.

Возрастание роли транспортных коммуникаций Дальневосточного региона для страны даёт предпосылки для развития отрасли придорожного сервиса и, соответственно, возможностей придорожной инфраструктуры в целом.

Список использованных источников

1. О минимально необходимых для обслуживания участников дорожного движения требованиях к обеспеченности автомобильных дорог общего пользования федерального, регионального или межмуниципального, местного значения объектами дорожного сервиса, размещаемыми в границах полос отвода автомобильных дорог, а также требованиях к перечню минимально необходимых услуг, оказываемых на таких объектах дорожного сервиса : Постановление Правительства РФ от 28 октября 2020 г. № 1753. Текст : электронный // Справочная правовая система «Гарант». — URL: <https://base.garant.ru/74839259> (дата обращения: 09.12.2022).
2. Ананьева, С. А. Российская придорожная архитектура: классификация, передовой опыт / С. А. Ананьева, А. П. Иванова // Дальний Восток: проблемы развития архитектурно-строительного и дорожно-транспортного комплекса : материалы нац. науч.-практ. конф. / М-во науки и высш. образования Российской Федерации, Тихоокеан. гос. ун-т ; ред. коллегия: П. И. Егоров (отв. ред.) [и др.]. — Хабаровск, 2022. — Вып. 22. — С. 345–350.
3. Озун, С. Направление — Дальний Восток / С. Озун. — Текст : электронный // Транспорт России : Всерос. трансп. еженед. информ.-аналит. газ., 23.06.2022. — URL: <https://transportrussia.ru/razdely/transportnaya-infrastruktura/8924-napravlenie-dalnij-vostok.html> (дата обращения: 09.12.2022).
4. Петрова, Е. А. Сервисная экономика и придорожная инфраструктура федеральной трассы А-370 (М-60) «Усури»: анализ состояния, проблемы развития / Е. А. Петрова. — Текст : электронный // Учёные заметки ТОГУ : электрон. науч. изд. — 2017. — Т. 8, № 2, — С. 315–320. — URL: https://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2017/TGU_8_158.pdf (дата обращения: 24.11.2022).
5. Придорожный комплекс «Угольная Гора» при въезде в г. Кумертау. — Текст, изображения : электронные // Архитектурная дизайн-студия Дмитрия Попова. — URL: <http://design-ru.ru/zdaniya-sooruzheniya/pridorozhnyy-kompleks-ugolnaya-gora-pri-vezde-v-g-kumertau> (дата обращения: 11.12.2022).
6. Придорожный сервис будут строить по новым ГОСТам. — Текст : электронный // Рамблер / новости. — URL: <https://news.rambler.ru/other/41211817-pridorozhnyy-servis-budut-stroit-po-novym-gostam> (дата обращения: 19.10.2023).
7. Проект «Neptun Plaza» автомоечный комплекс. — Текст, изображения : электронные // Архитектурное бюро «DG Project». Проекты. — URL: https://dk.3dn.ru/photo/arkhitektura/proekt_quot_neptun_plaza_quot_avtomoechnyj_kompleks/210 (дата обращения: 11.12.2022).
8. Шувалов, В. М. Синергетические методы в развитии современной архитектуры придорожных объектов / В. М. Шувалов. — Текст : электронный // Architecture and Modern Information Technologies. — 2017. — № 4 (41). — С. 257–271. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sinergeticheskie-metody-v-razviii-sovremennoy-arhitektury-pridorozhnyh-obektov> (дата обращения: 24.11.2022).

Иллюстрации предоставлены авторами.
Материал поступил в редакцию 03.10.2023.

Сведения об авторах:

Ананьева Светлана Александровна, магистрант кафедры «Дизайн архитектурной среды» Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: dv.khab@gmail.com.

Иванова Алина Павловна, кандидат архитектуры, доцент кафедры «Дизайн архитектурной среды» Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: 004249@pnu.edu.ru; тел. 8-962-500-05-97.

Информация для авторов

1. Общие требования к авторским материалам

Материалы для публикации в научно-практическом рецензируемом периодическом издании «Культура и наука Дальнего Востока» (далее — журнал) отбираются с учётом актуальности тематики, научно-практической значимости, логичности изложения текста в соответствии с профилем журнала и его стилем. Печатаются оригинальные материалы, не публиковавшиеся ранее, в виде статей, сообщений, аналитических обзоров, рецензий, библиографических указателей и проч.

Авторские оригиналы рукописей (материалов), представленных для публикации в журнале, оформляются в соответствии с настоящими правилами. Статьи (материалы), оформленные без учёта данных правил, к публикации не принимаются. Взносы за публикации с авторов не взимаются. Авторское вознаграждение не выплачивается.

Текст должен быть тщательно отредактирован, все цитаты и список использованных источников — выверены. Авторы несут ответственность за неточность воспроизведения приведённых экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих заимствованных сведений, а также за отсутствие или некорректность необходимых ссылок на работы других авторов.

С авторами заключается лицензионный договор на передачу издателю журнала — КГБНУК «Дальневосточная государственная научная библиотека» — следующих прав:

- на обработку формы представления рукописи (материалов) для использования компьютерными программами и системами (базами данных);
- на воспроизведение рукописи (материалов), её публикацию и распространение в Интернете;
- на внедрение в системы поиска (базы данных).

Также авторы предоставляют надлежащим образом оформленную рецензию-рекомендацию.

2. Требования к содержанию и объёму

Объём рукописи не должен превышать 1,0 авт. л. (40 000 печатных знаков, включая знаки препинания, цифры и пробелы между словами, а также список использованных источников, таблицы, рисунки и фотографии).

Присланный в редакцию материал должен быть снабжён аннотацией, раскрывающей его содержание. К статье должен прилагаться перечень ключевых слов на русском и английском языках.

Обязательно наличие цифрового фото автора (требования: портретное фото в формате JPEG с разрешением

не менее 300 pixels) и краткого резюме автора, в котором должна быть указана следующая информация:

- фамилия, имя, отчество;
- занимаемая в настоящее время должность и место работы;
- учёная степень;
- учёное звание;
- контактный телефон (рабочий, мобильный);
- e-mail.

3. Технические требования к оформлению рукописи

Все таблицы, иллюстрации, рисунки и фотографии должны иметь порядковый номер и заголовок. Иллюстрации, рисунки, фотографии не включаются в текст, а предоставляются в виде отдельного приложения (рис. 1, рис. 2 и т. д.). В тексте на таблицу, иллюстрацию, рисунок и фотографию должна быть дана ссылка. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

4. Оформление списка использованных источников

Список использованных источников является необходимым элементом оформления научной статьи. Основные правила составления списка:

- список помещается в конце статьи;
- в список не включаются источники, на которые нет ссылок в основном тексте и которые фактически не были использованы;
- в начале списка располагаются официальные документы (федеральные законы, указы президента, постановления, положения, приказы и т. д.). Внутри группы однотипных документов описание располагается по хронологии;
- далее — остальные источники в алфавитном порядке по фамилии автора или названия (если автор не указан);
- если в списке литературы есть источники на иностранных языках, то они располагаются после изданий на русском языке так же в алфавитном порядке;
- в тексте ссылка на источник даётся с помощью цифры в квадратных скобках, соответствующей порядковому номеру источника в списке литературы: [5], [24, с. 7–8];
- нумерация в списке сквозная (от 1 до ***).

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Электронная версия статьи присылается по электронной почте: volkotrubova.olga@yandex.ru.

Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отсылать авторам на доработку или не принимать их к опубликованию.

Культура и наука Дальнего Востока
Научно-практический журнал
№ 2 (35) / 2023

Учредители:
Министерство культуры Хабаровского края

Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры
«Дальневосточная государственная научная библиотека»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Хабаровский государственный институт культуры»

Рукописи, фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материала разрешается только по согласованию с редакцией,
ссылка на журнал «Культура и наука Дальнего Востока» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Выпускающий редактор О. Н. Волкотрубова
Вёрстка Е. Е. Кравцова
Корректоры: Г. И. Казачук, Ю. В. Бровка
Перевод на англ. яз. Н. С. Амплеева

Подготовлено к печати Дальневосточной государственной научной библиотекой.
Адрес редакции: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72.
Тел. (4212) 32-72-20.
E-mail: ivfilat@mail.ru, volkotrubova.olga@yandex.ru

Предпечатная подготовка и печать осуществлены в типографии ООО «Омега-Пресс».
Адрес типографии: 680014, г. Хабаровск, ул. Промышленная, 86.

Подписано в печать 28.11.2023. Выход в свет 13.12.2023. Формат 60x90/8. Бумага офсетная. Гарнитура Helios. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,5.
Заказ № 1325.
Тираж 500 экз.

Цена свободная.